

I S S N 2 3 0 6 - 4 1 7 X

ВЕК ИНФОРМАЦИИ

Серия основана в 2012 году

СМИ к востоку от Гринвича

2015

№ 4(S1)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ

ВЕК ИНФОРМАЦИИ

СМИ к востоку от Гринвича

Выходит 4 раза в год

С 2014 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004,

Санкт-Петербург,

В. О., 1-я линия, д. 26

Тел.: (812) 329-9461

E-mail: inter@jf.pu.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Работы печатаются в авторском варианте.

При перепечатке ссылка на периодическое издание

«Век информации» обязательна.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ»

ISSN 2306-417X

ВЕК ИНФОРМАЦИИ

СМИ к востоку от Гринвича
2015. № 4(S1)

Сборник научных статей

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2015

ББК 76

В26

Редакционная коллегия:

Р. В. Бекуров, канд. полит. наук, доцент (С.-Петерб. гос. ун-т);

А. В. Байчик, канд. полит. наук (С.-Петерб. гос. ун-т);

А. Ю. Быков, канд. полит. наук, доцент (С.-Петерб. гос. ун-т);

Е. С. Георгиева, канд. полит. наук, старший преподаватель (С.-Петерб. гос. ун-т);

Ю. С. Данилова, канд. полит. наук, старший преподаватель (С.-Петерб. гос. ун-т);

Ю. В. Курышева, канд. полит. наук, доцент (С.-Петерб. гос. ун-т);

Н. С. Лабуш, д-р полит. наук, профессор (С.-Петерб. гос. ун-т);

А. А. Литвиненко, канд. филол. наук, доцент (С.-Петерб. гос. ун-т);

С. Б. Никонов, канд. полит. наук, доцент (С.-Петерб. гос. ун-т);

А. С. Пую, д-р социол. наук, профессор (С.-Петерб. гос. ун-т)

Печатается на основании договора информационных услуг
ООО «АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР „ВЕКТОР“»
и Санкт-Петербургского государственного университета.

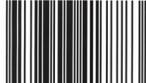
Век информации: СМИ к востоку от Гринвича : сб. науч. ст.
В26 N4(S1) / Ред.-сост. Е.С. Георгиева, Р. В. Бекуров, Н. С. Лабуш,
С. Б. Никонов. — СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и
мас. коммуникаций», 2015. — 198 с.

ISSN 2306-417X

В сборнике представлены научно-исследовательские работы выпускников Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ, изучавших средства массовой информации Республики Судан, Аравийского полуострова в их политическом аспекте, а также работы преподавателей Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» в их исторической ретроспективе.

ББК 76

ISSN 2306-417X

9 772306 417783 >

© С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн.
и мас. коммуникаций», 2015
© Авторы статей, 2015

Содержание

Аннотации	6
Клусова Ю. Д. Освещение этноконфессиональных конфликтов в современной прессе Судана	8
Савельева Е. А. Панарабизм и СМИ стран Аравийского полуострова	76
Георгиева Е. С. Роль онлайн медиа в консолидации Балканской культуры	169
Курышева Ю. В. Испанская периодическая печать: экономические аспекты демократической медиасистемы	173
Данилова Ю. С. Демократический мультикультурализм во французской прессе	176
Лабуш Н. С. Война и роль СМИ в процессе его формирования духовного потенциала народа	179
Великосельский М. В. Университетское телевидение — это интернет-ТВ	182
Байчик А. В. Истоки гендерных стереотипов в СМИ	185
Шаркова Е. А. Экологическая журналистика: регионы риска.....	188

Аннотации

Ю. Д. Клусова

ОСВЕЩЕНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ
КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ СУДАНА

Ключевые слова: Судан, этноконфессиональный конфликт.

Краткая аннотация: В Республике Судан накоплен обширный опыт в освещении этноконфессиональных конфликтов, с которыми стране пришлось столкнуться в недавнем прошлом. Они стали причиной гражданских войн и отделения части Судана в виде нового государства Южный Судан.

Этноконфессиональный конфликт — один из самых сложных с точки зрения освещения средствами массовой информации вид социального конфликта. Современная история — арабо-израильский конфликт, конфликты на Балканах и на Кавказе — доказывает, что проблема освещения такого неоднозначного и сложного явления в наши дни крайне актуальна. В связи с этим подход суданской журналистики к этому вопросу вызывает научный и практический интерес.

Эмпирической базой исследования стали материалы суданских газет (в том числе «*قها ايجدهن الال*» («Внимание»), «*قفا اهل*» («Пресса») и *Sudan Tribune*) и экспертные интервью. Хронологические рамки исследования — с 2000 по 2015 год, за это время состоялись подписание Всеобъемлющего мирного соглашения между правительством Судана и Народно-освободительным движением Судана в январе 2005 года, референдум 2011 года, территориальные споры между Республикой Судан и Республикой Южный Судан.

Е.А. Савельева

ПАНАРАБИЗМ И СМИ СТРАН АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Ключевые слова: панарабизм, панисламизм, арабский мир, национальная доктрина, Аль-Джазира, медиафеномен.

Краткая аннотация: Попытки объединения арабского мира строились на общности нации (панарабизм) и общности религии (панисламизм). Несмотря на все предпосылки для объединения, в арабском мире наблюдается раскол. Экономические, территориальные, культурные, религиозные разногласия мешают воплощению идей панарабизма в жизнь.

В настоящее время появились совершенно новые возможности и платформы для объединения арабского мира. Это, в первую очередь, медиасфера и СМИ. Доктрина панарабизма отвечает на вызовы современности, меняется и распространяется в новой для себя сфере. Относительно «молодые» СМИ Аравийского полуострова еще формируются, обретают индивидуальность, одновременно становятся новой формой, инструментом воплощения панарабизма.

Именно поэтому нам представляется актуальным обобщить теоретические знания о феномене панарабизма, выявить возможность и условия его перехода в медиасреду, обнаружить черты панарабизма в СМИ стран Аравийского полуострова.

Ю. Д. Клусова

ОСВЕЩЕНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ СУДАНА

В научной традиции не сформировалось четкого подхода к понятию «этноконфессиональный конфликт». Большинство исследователей предпочитают говорить о видах политического или социального конфликта, в которых важные, а порой и главенствующие, роли играют религиозный и этнический факторы. Французский социолог и политолог Морис Дюверже рассматривал биологические, психологические, демографические, географические, общественно-экономические и культурные факторы при анализе различных форм политического конфликта (Политическая 2008, с. 11).

Подобный подход используется и петербургскими исследователями под руководством доктора политических наук, профессора С. А. Ланцова. В пособии «Политическая конфликтология» авторы анализируют политический конфликт как социальный феномен, рассматривают типологию и динамику его развития, а также дают характеристику идеологическому, религиозному, этническому и психологическому факторам политических кон-

фликтов. Конфликты, в которых доминируют религиозный и этнический факторы, авторы определяют как религиозный и этнополитический конфликты соответственно.

Понятие «этноконфессиональный конфликт» связывают с понятием «межэтнический конфликт», подразумевая наличие религиозного фактора. И. Д. Звягельская передает значение понятия этноконфессионального конфликта через понятие «межэтнический конфликт»: «Межэтнический конфликт, в котором на первый план выходят вопросы этнорелигиозной несовместимости и который в этом смысле обращен в прошлое с его религиозными войнами, изолированностью и культурной пестротой, тем не менее, вписан в современную глобализирующуюся структуру международных отношений, выступающую реальной альтернативой обособленности» (Конфликты 2008, с. 28). В свою очередь, полным синонимом понятия «межэтнический конфликт» у И. Д. Звягельской выступает этнополитический конфликт. Из этого можно сделать вывод, что этноконфессиональным можно считать этнополитический, или межэтнический, конфликт, в котором одну из основных ролей играет религиозный фактор.

Доктор политических наук, профессор В. А. Ачкасов дает следующее определение этнополитического конфликта: «Этнополитический конфликт — это разновидность социально-политического конфликта, субъекты которого идентифицируют себя и противоположную сторону в этнических категориях и содержанием которого является борьба за обладание политической властью вплоть до образования собственного национального государства» (там же, с. 72). Этнополитический конфликт определяется также как форма межгруппового конфликта, в котором группы с противоположными интересами различаются по этническому признаку (Общая 1997, с. 393).

И. В. Кудряшова допускает, что конфликт может восприниматься как этнический только одной стороной: «Этнополитический конфликт — форма группового конфликта, в котором по крайней мере одна из вовлеченных сторон интерпретирует конфликт, его причины и потенциальные средства разрешения по

линии реально существующего или предполагаемого этнического раскола» (Кудряшова 2011).

Таким образом, этноконфессиональный конфликт можно определить как разновидность социально-политического конфликта, как минимум один из субъектов которого идентифицирует себя и противоположную сторону в этнических и конфессиональных категориях. Стоит подчеркнуть, что в нашем представлении этноконфессиональный конфликт не исчерпывается наличием этнического и религиозного факторов. В этноконфессиональном конфликте важную роль могут играть идеологический, экономический, политический, психологический и другие факторы. При этом этнический и религиозный играют основную роль.

Предметом конфликта могут быть территория, ресурсы, борьба за власть, экономические противоречия, культурное отторжение (Конфликты 2008, с. 24). Однако этноконфессиональный фактор выходит формально на первый план.

Важно отметить некоторые особенности этноконфессионального конфликта, о которых нужно помнить при работе с таким сложным явлением. Во-первых, этноконфессиональный фактор способен в наивысшей степени консолидировать стороны конфликта. Это, в свою очередь, ведет к повышенной ожесточенности последнего, так как «выдвижение на первый план защиты этнических и конфессиональных интересов значительно сужает круг допустимых компромиссов для достижения согласия» (там же, с. 14).

Американский теоретик-конфликтолог Джон Бертон отмечал, что в условиях угнетения, дискриминации и изоляции защита ценностей важна с точки зрения потребности личной безопасности и идентичности. Ценности в такой ситуации могут даже восприниматься в качестве потребностей, а их сохранение ведет к агрессивному или оборонительному поведению (Burton 1990, p. 37). Стоит отметить, что религиозные и этнические вопросы из-за своей сложности и неоднозначности часто вызывают острую реакцию и активную полемику даже в относительно спокойном обществе, где нет открытых конфликтов на данной почве. В условиях же конфликта, тем более этноконфессионального, подоб-

ные вопросы становятся искрой, из которой молниеносно разгорается пламя раздора. Поэтому при освещении межэтнических конфликтов журналисту стоит крайне осторожно использовать этнические и конфессиональные категории. Некомпетентность или неосторожность журналиста в таких условиях может спровоцировать непредвиденный виток агрессии и усиление конфронтации сторон.

Во-вторых, «религия в этнополитическом конфликте не является конфликтогенным фактором, а играет инструментальную роль. Она широко используется различными политическими силами для обоснования территориальных или иных претензий, для оправдания и подкрепления используемых насильственных методов. Именно политизация религии в конфликтном контексте может представлять дополнительную угрозу стабильности или затруднять поиски политических решений» (Конфликты 2008, с. 43). Поэтому при рассмотрении этноконфессионального конфликта не стоит искать примеров столкновений, причиной которых послужили исключительно религиозные разногласия. Конфессиональными категориями обычно пользуются лидеры противостоящих сторон конфликта, чтобы убедить приверженцев в правильности и необходимости своих решений, обосновать свою стратегию и заручиться поддержкой как можно более широкого круга лиц. В отношении противоположной стороны конфликта подобные методы, как правило, не используются, и диалог между сторонами имеет более предметный характер: он строится с использованием политических, экономических, территориальных категорий.

В-третьих, этноконфессиональный конфликт развивается во времени. Это явление динамично, а не статично. Изменяться могут цели сторон, их состав, численность, международная и внутренняя среда, в которой конфликт развивается. Социолог Элиза Боулдинг писала, что «конфликты можно рассматривать как движущиеся во времени к большей или меньшей подверженности урегулированию. Составляющая времени является принципиально важной. Со временем меняется социальный контекст, и с изменением контекста меняется природа конфликта» (Intractable

1989, р. 9). Важно подчеркнуть, что конфликт может развиваться в разных направлениях: как в сторону урегулирования, так и в сторону полной дестабилизации обстановки.

Постоянное изменение социального контекста связано с работой СМИ, освещающих конфликт. С одной стороны, журналисты должны чувствовать эти изменения, непрерывно их отслеживать и гибко реагировать на них, своевременно отражая ситуацию. А с другой стороны, журналисты своей деятельностью сами оказывают влияние на изменение социального контекста. В случае выбора журналистами грамотной стратегии освещения конфликта противостоящие стороны могут постепенно приближаться к урегулированию, выйти на путь мирного процесса разрешения. В ином же случае конфликт может только усилиться, обстановка — еще сильнее дестабилизироваться, а диалог между сторонами может быть полностью нарушен. Именно поэтому для журналиста важно изучать практику освещения этноконфессиональных конфликтов и знакомиться с опытом работы коллег в условиях конфликта.

Информационное сопровождение конфликта — направленное или спонтанное освещение в прессе значимых событий конфликтного противостояния. При этом аудитории СМИ дается информация о субъектах и предмете конфликта, о предполагаемых или реальных целях и намерениях соперничающих сторон, о реальных и вероятных последствиях конфликтного взаимодействия (Прикладная 2006, с. 17).

Говоря об освещении этноконфессиональных конфликтов, важно учитывать состояние аудитории, к которой обращается СМИ. Люди, живущие в условиях конфликта, иначе воспринимают информацию о нем, нежели люди, наблюдающие за конфликтом со стороны.

С одной стороны, как отмечает М. С. Вершинин, освещение конфликтов в зарубежных странах дает большие возможности для манипулирования общественным мнением, так как большая часть населения не имеет практически никакого представления о сути происходящих событий. По этой причине люди не могут понять, что из предоставляемой информации является правдой, а что — тенденциозной интерпретацией. Освещение событий

для местной аудитории отличается тем, что человек может получить информацию о происходящих событиях не только из СМИ, но и из других источников (межличностное общение, собственный опыт и т.д.) (Политическая 2001, с. 15).

С другой стороны, нельзя забывать, что люди, находящиеся в непосредственной близости от развивающихся в рамках конфликта событий, даже имея дополнительные источники информации, не всегда могут трезво оценивать их. Здесь важную роль играет общее социальное беспокойство, характерное для периода конфликта. Социолог и психолог Герберт Блумер выделял три основные черты социального беспокойства, которым охвачено население, в том числе в рамках этноконфессионального конфликта:

- беспорядочный характер поведения, когда люди находятся в напряженном состоянии и чувствуют сильный позыв к какой-либо цели;
- возбужденные чувства людей, которые способствуют распространению слухов и преувеличений;
- раздражительность и повышенная внушаемость людей, которая объясняет изменчивость человеческого внимания и готовность откликаться на новые стимулы и идеи (Глумер 1994, с. 172–173).

Для журналиста крайне важно учитывать все эти особенности, осознавать, какой отклик получит тот или иной материал в условиях социального беспокойства. Ведь все три черты, выделенные Г. Блумером, свидетельствуют о ведомости аудитории. Она готова откликаться на идеи, то есть подвержена внушению и пропаганде, ее внимание изменчиво, не сконцентрировано на логичности или качестве информации. Более того, для самой аудитории характерно создавать мифы и преувеличения, а значит, и верить в них. Наконец, чувство беспокойства и призыв к цели могут заставить людей не просто наблюдать за конфликтом, а принимать в нем активное участие, занимая какую-либо сторону. В таких условиях журналист должен очень аккуратно работать с информацией, осознавать цель своей деятельности, а также предвидеть ее возможные последствия.

Михаил Мельников, кандидат политических наук, в прошлом аналитик и директор Центра экстремальной журналистики Союза журналистов России, на основе собственных наблюдений и положений конфликтологии, спроектировал идеальную (позитивную) и реальную (негативную) модели информационного сопровождения конфликта. По мнению М. Мельникова, идеальная (позитивная) модель включает следующие элементы:

- воспроизведение (описание, показ, отражение) реальных проблем, вызвавших конфликт;
- реалистичное отображение стадии конфликта (скрытая, поведенческая, постконфликтная стадии, стадия возврата);
- объективный образ сторон конфликта, отсутствие стереотипов;
- полная ретроспектива конфликта с использованием альтернативных источников (исторический фон);
- точное и полное информирование о конфликтных событиях;
- воспроизводство всех реально существующих инициатив и шагов по урегулированию конфликта, поддержка социальных технологий редукации конфликта.

Для реальной (негативной) модели характерно:

- воспроизводство мнимых проблем конфликта;
- ложная трактовка стадии конфликта (непосредственное конфликтное взаимодействие замещается представлением о борьбе идей или драматизируется столкновение мнений, позиций; напряженность отношений выдается за враждебность или агрессию, конкуренты — за врагов);
- ложный образ сторон конфликта, акцентированная негативная стереотипизация одной стороны и позитивная стереотипизация оппонента;
- избирательная ретроспектива конфликта, отказ от использования альтернативных источников, обращение к псевдонаучным работам;
- необъективное информирование о конфликтных событиях;
- избирательное отражение инициатив, решений и действий оппонентов по урегулированию конфликта, поддержка намере-

ний и шагов, направленных на эскалацию конфликта, на повышение градуса конфликта (Прикладная 2006, с. 22).

Данные модели представляют собой две крайности в ряду возможных стратегий освещения конфликта. По своей сути позитивная модель включает в себя те принципы, которым должен следовать журналист, если его цель — не разжигание, а содействие урегулированию конфликта. Однако соблюдение всех этих принципов на практике не представляется возможным: реальные проблемы, вызвавшие конфликт, не всегда находятся на поверхности; образ сторон в условиях конфликта обрастает мифами; точное и полное информирование о событиях затруднено, особенно если речь идет о вооруженном конфликте. Именно поэтому негативную модель, которая представляет собой нарушение всех принципов позитивной модели, М. Мельников называет реальной. Не стоит забывать, что если негативная модель освещения применяется обеими сторонами конфликта, то как результат мы получаем поток противоречивой информации, взаимоисключающих фактов и диаметрально противоположных трактовок, разобраться в которых простым людям крайне сложно. Люди, подверженные социальному беспокойству, не могут докопаться до истины и занимают ту или иную сторону в конфликте, что только усугубляет конфронтацию сторон и масштаб конфликта.

Отдельно стоит отметить некоторые пункты моделей освещения конфликта, которые, на наш взгляд, требуют комментария.

Во-первых, это ложное или реалистичное отражение стадии конфликта. Чтобы понять, почему так важно верно оценить стадию, на которой находится конфликт, обратимся к схемам развития конфликта. Представить направленность конфликта можно в виде различных цепей. Например, звеньями, отражающими качество конфликтной ситуации, являются: напряженность, несогласие, соперничество, спор, враждебность, агрессивность, насилие, война. Именно в таком порядке конфликт развивается от низшего уровня противостояния к высшему (там же, с. 18). Урегулирование конфликта возможно лишь благодаря последовательному переходу от одного этапа к другому, это характерная черта любой схемы трансформации. С одной стороны, если жур-

налисты будут говорить о напряженных отношениях сторон как о враждебных, то вскоре сами стороны именно так и будут воспринимать их, постепенно задумываясь о переходе к следующей, вооруженной стадии конфликта. Так СМИ станут сильнейшим катализатором в разжигании конфликта. С другой стороны, если СМИ создали в массовом сознании и сознании элитных групп, принимающих решения в сфере управления конфликтом, ложный образ союзников вместо реального образа противников, то решения относительно развития отношений будут приниматься, исходя из ложного посыла, а объективно существующие противоречия при этом не исчезнут и в конце концов проявятся. Хотя бы одна из сторон конфликта будет к этому не готова, результатом чего станут неоправданные потери и дальнейшее обострение противостояний (там же, с. 19). Именно поэтому для журналиста так важно понять, на какой стадии развития находится конфликт, и реалистично отображать эту стадию в ходе освещения.

Во-вторых, стоит обратить внимание на точное и полное информирование о конфликтных событиях. Нужно понимать, что у журналиста не всегда есть возможность наблюдать за всеми событиями конфликта, особенно если ситуация дошла до вооруженного конфликта.

Во время этноконфессионального конфликта в Югославии политическим руководством страны была введена жесточайшая военная цензура, объясняемая требованиями военного времени. Журналисту, приехавшему в Югославию, для работы нужна была аккредитация военного пресс-центра. Любая съемка требовала специального разрешения, официально съемки были разрешены только в трех местах Белграда в течение четырех часов в день. Невыполнение инструкций строго каралось. Журналистам советовали также избегать съемки улиц общим планом, чтобы не демонстрировать отдельные здания на местности. Все материалы, снятые журналистами, просматривались местными властями, которые могли просто запретить передавать их в эфир (Андреев, Давидович, 2002, с. 7).

В свою очередь, югославские СМИ не имели возможности широко и полно освещать события конфликта, так как большинство

ретрансляторов были разрушены авиаударами альянса. О технических сбоях и проблемах, которые характерны для вооруженной стадии конфликта, также не следует забывать (там же).

Наконец, зачастую во время освещения вооруженной стадии этноконфессионального конфликта перед журналистами встает вопрос об этической стороне их работы.

Говоря о чеченской войне, журналист, политолог, бывший президент телекомпании НТВ Игорь Малашенко рассуждал: «Мы прекрасно знали, что к “синхронам” людей, которые непосредственно вовлечены в кровавый конфликт, надо относиться очень осторожно, потому что это очень эмоционально заряженные выступления, часто несущие не так много информации, но создающие колоссальное эмоциональное напряжение. Какой уровень насилия показывать на телеэкране? Как показывать жертвы конфликта? Трупы так показывать? С одной стороны, этого нельзя не демонстрировать, особенно когда это превращается в чудовищную проблему, когда тела жертв лежат на улицах Грозного неделями, с другой стороны, мы прекрасно понимаем, что это ведет к некоторому одеревенению нашей аудитории, когда публика становится настолько бесчувственной, что каждую новую долю насилия она воспринимает все спокойнее» (Журналисты 1995, с. 211).

Проблема освещения СМИ насилия, конечно, острее встает перед телевизионными журналистами. Однако и пресса часто сталкивается с вопросом этичности размещения тех или иных фотографий, иллюстрирующих последствия столкновений в ходе конфликта, а также с проблемой публикации репортажей, которые порой бывают очень откровенны в силу влияния реалий войны на самого журналиста. С одной стороны, сцены насилия, передаваемые СМИ, могут только усилить конфронтацию сторон и усугубить конфликт, а с другой, как заметил И. Малашенко, демонстрация подобных сцен ведет к «одеревенению аудитории». Таким образом, допустимо сделать вывод о том, что в силу различных причин точное и полное информирование о событиях конфликта не только не возможно, но может оказаться лишним. Остальные пункты моделей М. Мельникова, на наш взгляд, по-

няты и логичны, поэтому не требуют отдельного развернутого пояснения. Общий комментарий был представлен ранее.

Говоря об освещении этноконфессиональных конфликтов, стоит упомянуть об основных ошибках, допускаемых журналистами, работающими со столь сложными явлениями. Г. В. Кожевникова, историк, правозащитник и основатель информационно-аналитического центра «Сова», после нескольких лет систематического мониторинга языка вражды¹ в СМИ выделила несколько наиболее типичных ошибок журналистов, которые провоцируют эскалацию конфликта:

- Журналистская небрежность, частным, но наиболее распространенным случаем которой является ничем не мотивированное упоминание этничности при описании криминальных эпизодов (Прикладная 2006, с. 96). Журналист порой не отдает себе отчета в том, что постоянное обращение к этническим категориям, особенно в условиях существующего конфликта, ведет к его развитию. Если этнический фактор в конкретном случае не играет важной роли (например, в случае с отдельным криминальным происшествием), то лучше отказаться от его освещения, чтобы не провоцировать не относящийся к конкретному случаю, но существующий в обществе конфликт.

- Некорректный заголовок или анонс. Специалисты информационно-аналитического центра отмечают, что «и заголовок, и анонс — это не только журналистика, но и реклама. У них соответствующие задачи и цели — привлечь и удержать внимание зрителей или читателей. И зачастую одна-две некорректных, но ярких фразы запоминаются сильнее, чем вся работа журналиста» (там же, с. 100). Поэтому авторам стоит уделить особое внимание заголовку: скандальная фраза, скорее всего, привлечет внимание к статье, но не всегда это будет положительное внимание. Для отдельных этнических или

¹ Под языком вражды исследователи понимают любые некорректные высказывания в адрес этнических и конфессиональных групп или их представителей. Эти высказывания варьируются в диапазоне от самых жестких, по сути криминальных (открытых призывов к насилию или дискриминации), до наиболее мягких, которые являются скорее результатом журналистской невнимательности

конфессиональных групп людей скандальный заголовок может стать оскорбительным.

- Злоупотребление статистическими данными и экспертным мнением. Количественные показатели являются весомым аргументом в статье, помогают подкрепить даже сомнительные утверждения (там же с. 101). Однако часто журналист не может грамотно воспользоваться статистикой: сделать верные выводы и учесть все нюансы, которые сопутствуют статистическому анализу. Подобным образом обстоят дела с экспертным мнением. Кроме того, порой журналисты могут выбирать не совсем компетентного в определенном вопросе специалиста в качестве эксперта, а также опираться на мнение только одного человека. Иногда сотрудники СМИ забывают о том, что любая информация должна быть осмыслена и верно истолкована. Даже два компетентных в своей области эксперта могут пустить журналиста по различным ложным путям, если у них есть подобная цель. Поэтому авторам стоит быть крайне внимательным при работе как с цифрами, так и с экспертами, критически подходить к осмыслению полученной информации и стараться избегать поверхностных суждений и выводов.

- Смешение социальной проблематики и этнической риторики. Исследователям центра «Сова» часто приходилось сталкиваться с тем, «как огромные социальные, криминальные и тому подобные проблемы, существующие в России, обсуждаются исключительно в рамках этнической или конфессиональной терминологии» (там же, с. 103). Это связано отчасти с первой выделенной типичной для журналиста ошибкой, однако имеет более широкий масштаб.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что без журналистских ошибок сложно представить освещение этноконфессионального конфликта, и тем более нельзя воплотить в жизнь позитивную модель информационного сопровождения конфликта. Предсказание последствий выбранной СМИ политики в такой ситуации оказывается очень сложной задачей. Поэтому порой стороны конфликта прибегают к политике тотального контроля информационного потока или даже замалчивания информации о конфликте.

Некоторые исследователи считают такой подход обоснованным. Р. В. Бекуров утверждает, что информация о конфликте может не только не представлять какой-либо ценности, но и быть опасной: «С чего начался осетино-ингушский конфликт 1992 года? С банальной “утки” о том, что закон о реабилитации репрессированных народов дает им полные основания на захват территории соседней республики. С другой стороны, в 1981 году, когда подобные столкновения имели место в Пригородном районе г. Орджоникидзе (г. Владикавказ), отсутствие информации явилось одной из причин быстрого завершения противостояния двух сторон» (Бекуров 2000, с. 164–165).

Более того, если Закон «О реабилитации репрессированных народов», принятый 26 апреля 1991 г., и ускорил эскалацию напряженности в осетино-ингушских отношениях, то несколько провокационных статей о событиях октября — ноября 1992 г. на территории Пригородного района Северной Осетии: «Новые жертвы в Пригородном районе Северной Осетии» (Известия. 1993. 6 авг.), «Война и мир Пригородного района Северной Осетии. Переговоры прерваны» (Известия. 1994. 20–29 янв.), усилили ксенофобию и межэтническую напряженность в регионе. И. Деметьева, автор материалов, отстаивая право ингушского народа на мирную жизнь на территории Северной Осетии, используя термины «гетто», «фильтрационный лагерь» и говоря о жертвах только ингушской стороны, либо не понимала сути происходящего, либо сознательно использовала полуправду, ориентированную на демобилизацию российских властей и общественности (Суанова 2014). Именно подобная практика заставляет отказываться от предоставления журналистам полной свободы в освещении этноконфессиональных конфликтов.

Денис Мюррей, журналист BBC, освещавший долгое время этноконфессиональный конфликт в Северной Ирландии, говорит о том, что в 1970-х г. в Северной Ирландии бытовало мнение, что никаких неприятностей не было бы, если бы журналисты не распространяли их по ТВ. Такая точка зрения достигла своего апогея, когда Маргарет Тэтчер, в то время премьер-министр Великобритании, сделала замечание о «кислороде гласности», которое

в конечном счете привело к «ограничениям вещания» или, иначе говоря, к фактической цензуре (Murray 2012, p. 21). Сам Д. Мюррей с такой точкой зрения не согласен, однако опыт Северной Ирландии доказывает, что ограничение свободы СМИ во время этноконфессиональных конфликтов — одна из возможных стратегий, поддерживаемых и обществом и властью.

В рамках нашего исследования важно также обратить внимание на правовые основы деятельности журналиста в условиях конфликта. Кроме законов государств, на территории которых разворачивается конфликт, к таковым относятся правовые нормы международных институтов различных уровней, этика журналиста, а также самоцензура и цензура СМИ в период тех или иных противоречий.

Однако нужно отметить, что в большинстве международных конвенций и соглашений отмечается обязательное подчинение СМИ законам государства, на территории которого производится сбор и распространение информации. Поэтому в итоге законы государства, предусматривающие возможность введения цензуры на определенных стадиях конфликта, и журналистская этика являются основными действующими нормами, регулирующими деятельность СМИ в период этноконфессионального конфликта (Политическая 2001, с. 14).

Ряд международных документов провозглашает право на свободу слова в целом, но не регулирует освещение этноконфессиональных конфликтов в частности. К таким документам можно отнести Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Африканскую хартию прав человека и народов, Американскую конвенцию по правам человека, Декларацию о расе и расовых предрассудках, Европейскую конвенцию по правам человека, Хельсинкский заключительный акт. Вместе с утверждением, например, Международным пактом о гражданских и политических правах «права на свободное выражение своего мнения» (Международный [1966]), которое включает в себя свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством пе-

чати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору, данные документы определяют основания для установления цензуры: защита прав других людей, охрана государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения, противодействие национальной, расовой или религиозной ненависти в виде подстрекательства к дискриминации, вражде и насилию, запрет пропаганды войны, особые ситуации — чрезвычайное и военное положение (там же). Следует также напомнить, что данные международные документы действуют только на территории тех стран, которые их ратифицировали, носят скорее декларативно-рекомендательный характер: их назначение чаще предостережение, нежели запрет (Лабуш, Бекуров 2004, с. 98).

Существуют также документы, регулирующие статус журналиста в условиях военного конфликта, — Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним. Однако эти документы касаются журналиста как лица, находящегося под защитой в вооруженных конфликтах. Вопросы политики освещения конфликта подобные документы не затрагивают (подробнее о гуманитарном праве см.: там же).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что этноконфессиональный конфликт — это очень сложное социально-политическое явление, которое не исчерпывается лишь религиозным и этническими факторами, однако последние способны в наивысшей степени консолидировать стороны конфликта, сделать конфликт ожесточенным и трудноразрешимым. Как и любой конфликт, этноконфессиональный развивается во времени, и для журналиста крайне важно понимать, на какой стадии конфликт находится в данный момент. Полное и объективное освещение этноконфессионального конфликта на практике практически невозможно, а порой оно только усиливает конфронтацию сторон. Поэтому работникам СМИ следует тщательно обдумывать стратегию освещения и стараться не совершать ошибок, которые могут привести к эскалации конфликта. На практике в период развития этноконфессионального конфликта власти государств, на территории которых он разворачивается, зачастую применяют цензу-

рирование по отношению к СМИ, что обычно не противоречит международным правовым нормам. Наряду с этим журналист, освещающий столь сложное явление, всегда должен руководствоваться принципами профессиональной этики и самоцензуры. Описываемую тематику в данной статье можно найти в работах российских ученых А. В. Байчик (2015), А. Ю. Быкова (2015), Е. С. Георгиевой (2011), Ю. С. Даниловой (2011), Ю. В. Курышевой (2008), Н. С. Лабуша (2015), С. Б. Никонова (2015), Р. В. Бекурова (Бекуров, Никонов, 2012), А. С. Пую (Пую, Садыхова, 2013), А. С. Смоляровой (2014).

Система СМИ Республики Судан представляет собой развитый механизм производства и распространения информации. Она включает в себя как традиционные формы: прессу, радио и телевидение, так и современные, которые напрямую связаны с Интернетом.

В интервью информационно-образовательному portalу «1 линия» чрезвычайный и полномочный посол Республики Судан в России Омер Дахаб Фадл Мохамед охарактеризовал суданскую систему СМИ как активно развивающуюся по международным принципам журналистской этики. По его словам, журналистика основана на свободе самовыражения в рамках национальных законов и конституции, а ее традиции заслуживают большого внимания (Друш [2014]).

Первым СМИ в Судане считается бюллетень «Газита суданий», известный также как «ал-Джарида ас-суданийя» («Суданская газета»). Издание выпускалось английской администрацией в Судане и было нацелено на обслуживание колонизаторов, а не суданской аудитории. Первый номер, содержащий текст договора о кондоминиуме, вышел 7 марта 1899 года (Герасимов 2011, с. 28).

Первой суданской газетой на арабском языке стало издание «ас-Судан» («Судан»), появившееся в 1903 году. Его выпускали египетские издатели, ливанцы по происхождению Йакуб Сарруф и Шахин Макариос (там же, с. 29). Первой же по-настоящему суданской газетой, во главе которой стояли суданцы, стало издание «Хадарат ас-Судан» («Культура Судана»). Оно увидело свет 28 февраля 1919 года (там же, с. 32).

В 1946 году в Судане появилась организация журналистов, которая представляла собой добровольное объединение, его члены ратовали за смягчение контроля над прессой. Результатом деятельности организации стали отмена монополии административного секретаря на предоставление лицензий на открытие изданий и создание консультативного совета, в состав которого входил представитель журналистов (там же, с. 53).

На сегодня в Судане существует Союз журналистов, состоящий из 3000 членов. Его основными задачами являются защита прав журналистов, их профессиональная переподготовка и повышение квалификации. В ответ на приостановку деятельности газеты «ас-Судани» («Суданец») и арест ее главного редактора и издателя в мае 2007 г. в стране появилась альтернативная организация «Суданская группа солидарности журналистов» (Soudanese Solidarity Journalism Group). У этой группы отсутствует формальная организационная база, она не зарегистрирована в государственных органах, однако ей удалось «преподнести урок коллективного отстаивания профессиональных и гражданских интересов» (там же, с. 153).

В Судане организована деятельность двух информационных агентств. Старейшее информагентство Sudan News Agency (SUNA) было создано в 1970 г. В настоящее время агентство занимается сбором и обработкой текстовой, аудио- и видеоинформации в Судане и за его пределами, распространением готовых новостей на трех языках: арабском, английском и французском, — на территории страны и за рубежом. Директор SUNA назначается Министерством информации (Sudan News [s.a.]).

В 2002 г. в Судане было создано информационное агентство Sudan Media Centre (SMC), которое позиционирует себя как независимое, однако, как и SUNA, придерживается проправительственного курса.

Радиовещание в стране началось еще в 1940 г., когда была создана первая радиостанция в одном из районов столицы — Омдурмане, получившая соответствующее название «Радио Омдурмана» (Герасимов 2011, с. 105). Постепенно в Судане начали развиваться региональные радиостанции (в Джубе, Эль-Обейде, Атбаре, Вад-Медани, Кессале и др.).

Суданская телевизионная служба была образована в 1962 г. при содействии Германии (Sudan News [s.a.]).

В 2002 г. государственное «Радио Омдурмана» и государственное телевидение были преобразованы в Суданскую телерадиокорпорацию (Sudan Radio and Television Corporation, SRTC). Министерство информации назначает членов совета директоров SRTC. Подача политических новостей носит проправительственный характер. Программы тщательно контролируются государственными структурами. У населения наибольшей популярностью пользуются музыкальные, спортивные и культурные передачи (Герасимов 2011, с. 105).

Кроме государственных телевизионного и радиоканала в Судане действуют частные станции: спутниковые телеканалы Al-Shuruq, Blue Nile TV, Omdurman TV, а также радиостанции Mango 96 FM, Khartoum FM, Radio Dabanga (Sudan profile [2014]).

В последние годы в Судане активно развиваются интернет-СМИ. До сих пор доступ к Интернету имеет очень ограниченное число суданцев (в основном это жители столицы Хартум), однако постепенно оно увеличивается. Наиболее популярными являются следующие интернет-ресурсы:

- www.sudantribune.com, редакция которого находится во Франции;
- www.suna-sd.net — интернет-портал Суданского информационного агентства;
- www.ashoroq.net — электронная версия телеканала «Аш-шурук»;
- www.smc.sd — сайт Суданского медиа-центра;
- www.sudan.net — проправительственный ресурс, публикующий, в том числе сообщения российских информагентств.

Сегодня наиболее влиятельным типом СМИ в Судане остается печатная пресса, которая и стала объектом нашего исследования.

Газеты не соперничают с телевидением и радио благодаря своему разнообразию и относительной свободе. С Интернетом пресса соперничает, так как почти все газеты имеют бесплатную электронную версию. Однако здесь стоит отметить, что, во-

первых, доступ к Интернету имеет пока ограниченный процент жителей Судана, а во-вторых, не все материалы, публикуемые в газете, выходят на сайте. Интернетом в основном пользуется молодежь, которая почти не интересуется политикой и ищет много информации о поп-музыке и искусстве в Сети.

В настоящее время в Судане выходит 26 газет на арабском языке, одна — на английском, два экономических издания, семь спортивных газет, десять развлекательных изданий. Сведения об этом были получены в ходе экспертных интервью с директором и главным редактором информационного агентства SMC в феврале 2015 года. Эти данные о количестве изданий заметно разнятся с данными, представленными в монографии И. В. Герасимова. И. В. Герасимов, ссылаясь на итоговый доклад наблюдателей из Евросоюза, освещавших выборы 2010 г., приводит следующие данные: «...в стране выпускается 47 газет на арабском языке и 5 на английском» (Герасимов 2011, с. 158). Таким образом, можно увидеть, что за последние 5 лет общее количество изданий сократилось почти вдвое.

Заметно уменьшились за последние несколько лет и тиражи газет. Тираж самой популярной газеты «ал-Интибаха» на начало 2015 г. не превышал 40 тыс. экземпляров, а общий ежедневный тираж всех газет составлял около 100 тыс. экземпляров. Для сравнения: в лучшие для печатной прессы времена (1960–1970-е гг.) суммарный тираж только газет «ал-Айам» и «ас-Сахафа» достигал 200 тыс. экземпляров.

Сокращения тиражей и количества наименований изданий связаны отчасти с высокими государственными сборами на печать и импортную бумагу (Print [2013]), отчасти с постепенным распространением Интернета, отчасти со строгим государственным регулированием СМИ.

Однако в сравнении с другими типами СМИ газеты сохраняют плюрализм взглядов. Разные издания отражают мнения разных политических партий: «ар-Рай аль-Ам» («Общественное мнение») отражает мнение правящей партии «Национальный конгресс», «Саут аль-Умма» — партии «аль-Умма», «аль-Майдан» — суданских коммунистов и др. Популярными независимыми изданиями

остаются «Ахбар аль-Йаум» («Новости дня»), «ал-Айям» («Дни»), «Ахир лахза» («В последний момент»).

Стоит отметить, что в Судане нет полностью государственных газет. Все издания делятся на партийные и частные. Именно газеты, поддерживающие политику правящей партии, считаются среди населения государственными, хотя, строго говоря, таковыми не являются. Некоторое влияние на степень свободы редакции оказывает также государственное субсидирование, которое помогает газете выжить.

Стандартный формат большинства изданий — А2. В среднем, издание содержит от 12 до 16 страниц. Значительная часть печатной площади отводится под рекламу, которая является важным источником дохода для большинства газет.

Спектр тем, освещаемых суданской прессой, довольно широк. Материалы газет посвящены вопросам внутренней и, реже, внешней политики, экономики, социальной сферы, культуры, спорта. В последнее время особенно популярны среди читателей развлекательная и спортивная рубрики. Практически ни один номер газеты не обходится без карикатур и зарисовок, что является отличительной чертой журналистики арабских стран.

Распространение прессы осуществляется по двум основным каналам: через газетные киоски и в офисах. Существует также система подписки на издания, но в местных условиях это не самый удобный, а потому и самый непопулярный способ получения газет. В суданских домах нет почтовых ящиков, поэтому, чтобы выписать газету, нужно арендовать ячейку на почте, куда и она и будет приходить, что связано с дополнительными затратами.

Важно отметить также, что один экземпляр газеты обычно проходит через несколько рук: его либо покупают вскладчину на несколько человек, либо передают после прочтения, либо даже перепродают. Это доказывает, с одной стороны, что из-за цены пресса доступна далеко не каждому, а с другой стороны, что интерес к ней очень высок у всех слоев населения. Последнее объясняет, почему власть в Судане уделяет особое внимание вопросам прессы и ее регулирования.

Деятельность СМИ, в том числе и печатных, регламентируется «Положением о прессе и публикации», принятым в 2009 году (Положение [б.г.]). Согласно «Положению о прессе и публикации», журналистом может быть человек, который сдал специальный экзамен и получил лицензию. Журналисты должны быть зарегистрированы в реестре Союза суданских журналистов. Редактором может быть специалист старше 35 лет, проработавший в журналистике не меньше 10 лет и имеющий диплом университета. Эта должность закрыта для человека, осужденного за совершение преступлений, связанных с нравственной распущенностью.

В суданском законе о печати говорится о том, что журналист не должен подвергаться какому-либо давлению при выполнении им профессиональных обязанностей, имеет право на неразглашение источников информации, что соответствует демократическим принципам современной журналистики.

В законе заложены принципы свободы и независимости прессы: «Деятельность печатных изданий осуществляется свободно и независимо, в соответствии с Конституцией и законом, с учетом общественного интереса и прав других лиц и их личной жизни, без ущерба для моральных норм» (там же). Однако здесь же утверждается первостепенность закона о национальной безопасности и Уголовного кодекса над «Положением о прессе и публикации», что ставит журналиста в прямую зависимость от чиновников Службы национальной безопасности.

«Положение о прессе и публикации» регулирует работу журналиста. В частности, закон запрещает журналистам публиковать информацию, касающуюся национальной безопасности, передвижения вооруженных сил, военных планов и операций, из каких-либо источников, кроме официальных. По этой причине информация о конфликтах в нестабильных районах Судана по большей части подается во всех газетах односторонне, со слов представителей военного ведомства.

Международному пакту о гражданских и политических правах, который был ратифицирован Суданом 18 марта 1986 г., со-

ответствуют тезисы «Положения о прессе», утверждающие, что журналисты своими материалами не должны провоцировать религиозную, этническую или расовую борьбу, насилие и беспорядки, а также общественные волнения, распространяя информацию о негативных явлениях и криминальных новостях. Значение этих тезисов особенно велико в суданских условиях, ведь страну населяет много этносов.

Журналистам также запрещается комментировать расследования или судебные разбирательства до окончания процесса. Журналисты должны уважать и защищать мораль, этику и религиозные ценности.

В «Положении о прессе и публикации» прописаны функции и полномочия Национального совета по прессе, который регулирует деятельность газет и других печатных изданий. Работа совета находится под контролем главы государства, который назначает 6 из 21 члена его состава. 5 членов избираются Национальным советом. В состав совета входят также 8 представителей журналистов и 2 представителя владельцев изданий. Национальный совет по прессе имеет право выдавать лицензии на выпуск изданий, выносить предупреждения и выговоры, приостанавливать работу изданий без судебного разбирательства на срок до 3 дней, а также накладывать запрет на материал еще до его выхода.

Таким образом, мы можем сделать вывод о противоречивости «Положения о прессе и публикации». С одной стороны, закон провозглашает принципы свободы и независимости прессы, его положения в значительной мере соотносятся с основными международными нормами, касающимися прав и свобод человека, в том числе относительно доступа к получению и распространению информации, а с другой стороны, он утверждает первостепенность закона о национальной безопасности и Уголовного кодекса над «Положением о прессе и публикации», наделяет Национальный совет по прессе широкими полномочиями и рычагами цензурирования.

Функционирование суданской прессы определяется в основном государственно-правовым регулированием, характеристика которого была дана выше, а также сложившимися в журналист-

ском деле традициями. В целом же принцип работы суданских СМИ мало отличается от общемировой практики.

В редакции крупной газеты «аль-Йаум ат-Тали» («Следующий день») работает около 30 человек в 7 отделах: новостном, политическом, аналитическом, экономическом, спортивном, отделе культуры и отделе «Разное». Главный редактор издания Набил Гали имеет богатый опыт работы в журналистике, что является одним из условий замещения должности согласно «Положению о прессе и публикации». В издании работает много молодых специалистов.

Для создания более объективного, взвешенного и профессионального материала редакция привлекает к сотрудничеству специалистов, компетентных в различных вопросах, в качестве экспертов. Чаще всего это политики, которые разъясняют журналисту и читателю сложные, например геополитические, вопросы. Кроме соблюдения правовых норм, для газет характерно следование неофициальным правилам, связанным скорее с нравственными традициями. Например, газета «аль-Йаум ат-Тали» («Следующий день») не публикует снимки террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и откровенные, с точки зрения исламской традиции, снимки. Основным принципом издания, по словам его главного редактора, является публикация правды без отражения позиции журналиста, конечно, в силу способности журналиста понять, что происходит.

Информационное агентство «Суданский медиа-центр» (SMC) ежедневно собирает важные новости внутри государства и за его пределами, обрабатывает их и распространяет среди редакций газет. SMC работает со всеми газетами на территории Судана.

Деятельность агентства не связана с долгосрочными темами. Сотрудники SMC не занимаются мониторингом отдельных тем, за исключением разве что предвыборных периодов и связанных с ними вопросов. Обычно агентство работает только с короткими новостями.

В «Суданском медиа-центре» работают 40 журналистов, которые регулярно проходят курсы повышения квалификации, раз-

личные периодические стажировки в стране и за рубежом. SMC представлен сетью корреспондентов во всех провинциях Судана, в том числе в беспокойных районах, к которым относятся спорные регионы на юге государства, а также в соседних странах. Суданские газеты подобными возможностями не обладают.

Рабочий график сотрудников агентства строится следующим образом. В 9:00 редакторы отделов собираются на утреннее совещание (планерку), во время которой проводится обзор суданской прессы, определяются основные направления работы на день (например, запланированные брифинги в МИДе, МВД и др.). До 15:00 — сбор и обработка информации. Журналисты работают с лентами зарубежных информационных агентств (в основном с арабоязычными), с информацией, поступающей от политических партий, государственных и общественных структур, а также сами добывают информацию во время брифингов, пресс-конференций, различных мероприятий и выездов на место происшествий. Отдел по работе с электронными сайтами отслеживает интернет-публикации о Судане на сайтах по всему миру. После сбора информации журналисты агентства занимаются ее обработкой и создают новости для суданских СМИ. Все готовые новости по внутренней сети поступают к главному редактору, за которым остается последнее слово относительно формы и содержания материалов. После проверки редактором новости распространяются среди редакций суданских СМИ.

Правила написания материалов для SMC описаны в специальной редакционной инструкции. Ее положения в основном касаются стиля написания материалов, основных жанров, используемых журналистами агентства. Инструкция также содержит правила написания заголовка, лида и основной части новостной заметки.

Внутриредакционная инструкция «Суданского медиа-центра» также отчасти выполняет роль редакционного устава. Так, в ней прописаны основные функции журналиста SMC:

- предоставление информации о событиях, вопросах или проблемах, которые волнуют общественное мнение;
- объяснение и интерпретация ежедневных новостей и предоставление комментариев;

- образование читателей посредством публикации различной информации, исторических фактов;
- идейно-политическое ориентирование и публикация информации о политике правительства и различных партий, их позиций по социальным вопросам;
- идеологическая помощь в рамках распространения идей и философии, а также защиты от противников и конкурентов;
- мобилизация людей для того, чтобы служить определенному политическому или социальному режиму или внести вклад в национальное развитие;
- формирование общественного мнения и влияние на тенденции, будь то положительные или отрицательные;
- написание развлекательных материалов для отдыха, сатирических статей.

Хотя основная деятельность информационного агентства связана с информационной (новостной) журналистикой, о чем заявлял его главный редактор, мы видим, что среди функций журналиста есть также функции написания развлекательных материалов, интерпретации и объяснения новостей, что ближе аналитической журналистике, а также функции идейно-политического ориентирования и формирования общественного мнения, что трудно соотносится с журналистикой факта. Это объясняется наличием у «Суданского медиа-центра» собственного сайта и периодически выходящих изданий, а также свидетельствует о том, что значительна духовно-идеологическая роль суданской журналистики: пресса выполняет познавательную, образовательную, воспитательную, мобилизующую функции (Корконосенко 2004, с. 177).

Кроме редакционной инструкции в SMC также существуют негласные правила. Например, «Суданский медиа-центр» старается избегать этнической напряженности, публикуя только конкретные факты: журналисты не пишут о «борьбе одного племени с другим», публикуются лишь факты о каком-то нападении или столкновении, без акцентирования внимания читателей на затяжном характере конфликта. Кроме того, «Суданский медиа-центр» старается публиковать разную по характеру и на-

строению информацию о каком-либо районе страны, не только отрицательную, но и положительную (например, о планах по развитию региона или достигнутых результатах).

Таким образом, можно сделать вывод, что для прессы Судана характерна самоцензура обусловленная, во многом с традициями, нормами профессиональной этики, а также со стремлением избежать напряженности, связанной с этническими и религиозными вопросами.

Журналистам приходится сталкиваться и с серьезным контролем со стороны властей. Поскольку, как уже было сказано, закон о национальной безопасности имеет первостепенное значение для журналистской деятельности, офицеры национальной безопасности, которым делегируются полномочия Совета по прессе, занимаются непосредственным контролем редакций газет. Как пишет в книге «ас-Сахафа ас-суданийа байна рамдаа ас-султати уа ниран муллак шарикатиха» Абд ар-Рахим Омар Мухи ад-Дин, около 40 офицеров национальной безопасности каждую ночь проверяют около 40 редакций и подготовленных номеров газет. Они имеют право запретить выпуск отдельных материалов или даже всего номера газеты, а также изъять уже напечатанный тираж (Абд ар-Рахим Омар Мухи ад-Дин 2009, с. 59).

В такой ситуации возникает проблема, на которую жалуются многие редакторы, — человеческий фактор. Порой офицеры ориентируются не на закон, а на собственное видение или даже настроение. Абд ар-Рахим Омар Мухи ад-Дин, сталкивавшийся с запретом собственных статей, видит в периодических конфискациях основную причину снижения качества и остроты материалов, которые могли бы привлечь внимание общественности и способствовать распространению газет.

16 февраля 2015 года Служба национальной безопасности и разведки Судана изъяла тиражи сразу 14 ежедневных газет, в том числе «аль-Интибаха» («Внимание»), «ар-Рай аль-Ам» («Общественное мнение»), «аль-Ватан» («Отчизна»), «Ахир лахза» («В последний момент»), «ас-Судани» («Суданец») и др. Около 50 журналистов провели сидячую забастовку в знак протеста против конфискации (Sudan seizes [2015]).

Важно заметить, что были изъяты тиражи газет разной политической направленности, как независимые, так и партийные, в том числе поддерживающие действующую власть. В этом также заключается одна из особенностей взаимодействия суданской прессы с политической властью. Несмотря на довольно строгий контроль, журналистика в Судане остается свободолобивой, и резкие, негодные властям статьи периодически выходят практически во всех изданиях независимо от их политической ориентации.

Из-за скандалов с изъятием тиражей изданий, приостановки их деятельности и широких полномочий Национального совета по прессе международная неправительственная организация «Репортеры без границ» (Reporters without borders) в своем «Всемирном индексе свободы слова» за 2015 год отвела Судану 174-е место из 180, как стране, в которой «независимой информации просто не существует» (World 2015). Однако стоит отметить, что авторитет и независимость самой организации «Репортеры без границ» были поставлены под сомнение после публикации американским экономистом, журналистом и политологом Фредериком Уильямом Энгдалем статьи «Reporters Without Borders seems to have a geopolitical agenda» (Engdahl 2010). Среди прочего, в статье говорится о признании генерального секретаря «Репортеры без границ» Робера Менара (Robert Menard) в том, что бюджет организации пополняется в основном за счет «американских организаций, тесно связанных с внешней политикой США».

В заключение можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, последние годы стали сложным периодом для суданской прессы в связи с экономическими трудностями, строгим государственным контролем и оттоком аудитории в постепенно распространяющийся Интернет. Данные факторы являются основными причинами сокращения количества изданий и их тиражей. Государственный контроль является также причиной периодических конфискаций тиражей газет и приостановки деятельности отдельных СМИ. С другой стороны, распространение Интернета способствует развитию электронных изданий, более независимых и мультимедийных.

Для суданской прессы характерна высокая степень ответственности, выраженная в самоцензуре и строгом соблюдении этических норм. Большое значение журналисты уделяют духовно-идеологической роли своей деятельности. Несмотря на трудности, газеты остаются наиболее влиятельным СМИ в Судане.

Конфликт между Севером и Югом Судана начался в 1955 г. и продолжается с некоторыми перерывами и трансформациями до настоящего времени.

А. Л. Емельянов, со ссылкой на работу политолога Д. В. Поликанова «Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию» (1998), относит конфликт в Судане к конфликтам, в основе которых лежит «комплекс противоречий, возникающих на почве религиозных и конфессиональных отношений в большинстве случаев между арабизированным и африканским населением стран, расположенных в зоне, которая разделяет Тропическую Африку и Магриб» (Конфликты 2008, с. 73), что позволяет нам рассматривать его как этноконфессиональный конфликт. Е. М. Травина также выделяет первостепенное значение религиозного фактора в рассматриваемом нами конфликте, к которому примешаны борьба за власть, ресурсы и самоопределение (Травина 2007, с. 200).

Проблема, лежащая в основе этноконфессионального конфликта в Судане в 1955–2011 гг., заключалась в нежелании или неспособности Хартума примириться с мыслью о том, что Демократическая Республика Судан не может быть исключительно арабо-мусульманским государством и должна для сохранения единства стать подлинным африкано-арабским государством без официально доминирующей религии. Хартум и Север в целом пытались решить эту проблему насильственным насаждением исламо-арабской цивилизации и культуры на Юге. По мнению С. Ю. Серегичева, «основным стимулом существования независимого суданского государства с 1956 до 2011 г. являлось стремление “научить” южан быть “северянами”, ибо для политической элиты Севера суданец — это либо араб, либо мусульманин, но никак не африканец, исповедующий анимизм или христианство» (Серегичев 2011, с. 57).

С момента обретения Суданом независимости в 1956 г. страна пережила две гражданские войны между Севером и Югом. Первая гражданская война в Судане (1955–1972) началась с волны беспорядков против «суданизации» южных провинций: замены английских служащих на выходцев с севера в местном административном аппарате (там же). В 1964 г. правительство приняло решение о высылке иностранных религиозных (христианских) миссий с территории Южного Судана (Поляков 2005, с. 193) в связи с их участием в политической борьбе, однако это лишило возможности получить образование значительную часть южносуданцев и привело к тому, что к 1990 г. 72,9% суданцев были неграмотными (Серегичев 2011, с. 47). К концу 1960-х гг. организации южносуданского сопротивления «Анья-Нья» («Жало змеи») не удалось вытеснить правительственные войска из южных регионов, а правительству — разгромить «Анья-Нья». Эта ситуация, и желание военных, пришедших к власти в результате «майской революции» 1969 г., легитимировать и стабилизировать свой режим подтолкнули стороны конфликта к заключению в 1972 г. в Аддис-Абебе соглашения о прекращении военных действий и предоставлении Югу статуса автономного региона в составе единого государства (там же, с. 50).

Вторая гражданская война (1983–2005) началась, когда в 1983 г. христиане и анимисты юга подняли мятеж против мусульман Севера (Травина 2007, с. 200). Произошло это в ответ на принятие решения о введении на всей территории Судана исламского законодательства и замене гражданского судопроизводства шариатом (Серегичев 2011, с. 53). 22 года правительство и основное повстанческое движение на юге страны — Народно-освободительная армия Судана (НОАС) — вели вооруженную борьбу друг с другом. За это время более 2 млн человек погибли, 4 млн были вынуждены покинуть свои дома, а около 600 тыс. человек бежали из страны (Травина 2007, с. 201).

Обе гражданские войны имели затяжной характер несмотря на множество неудачных попыток остановить конфликт и прийти к соглашению, сочетали методы партизанской и регулярной войн. Конфликтам были присущи обоюдная жестокость,

большие расходы на ведение военных действий, отсутствие решительного военно-политического перевеса одной стороны над другой, огромное число жертв и значительный урон, нанесенный социально-экономической инфраструктуре (Серегичев 2011, с. 61).

9 января 2005 г. в Найроби (Кения) между НОАС и правительством Омара аль-Башира было подписано всеобъемлющее мирное соглашение, подарившее Южному Судану право на самоопределение и максимально широкую автономию (там же, с. 65). Хотя в соглашении стороны указали единство Судана как один из приоритетов, был предусмотрен промежуточный период продолжительностью в шесть с половиной лет, в течение которого страной управляли переходные учреждения и были созданы и введены в действие механизмы международного мониторинга. На конец этого периода был назначен референдум, в рамках которого южносуданцы голосовали за сохранение единства Судана или отделение.

Несмотря на подписание всеобъемлющего мирного соглашения, 24 марта 2005 г. резолюцией № 1590 Совета Безопасности ООН была учреждена Миссия ООН в Судане, Совет безопасности определил, что положение в стране продолжает представлять угрозу международному миру и безопасности.

В январе 2011 г. в ходе контролируемого международным сообществом референдума население Южного Судана проголосовало за отделение от Республики Судан. 8 июля суданские власти официально признали Южный Судан, а 9 июля 2011 г. было официально провозглашено новое государство — Республика Южный Судан (Травина 2008, с. 2011).

Однако после референдума конфликт не завершился. Еще в мае 2011 г., когда Южный Судан готовился к провозглашению независимости, вспыхнул вооруженный конфликт в Южном Кордофане между НОАС и правительственными войсками Судана.

Богатый месторождениями нефти район Абьей, входящий в состав Южного Кордофана, остается спорным, о владении им правительства Судана и Южного Судана не могут договориться.

Затрудняют процесс разрешения конфликта напряженные от-

ношения между двумя основными группами, проживающими на этих территориях, — кочевым арабским племенем миссерия и южносуданским племенем нгок-динка. Первые имеют право на выпас скота на спорных территориях и боятся потерять его в случае присоединения Абьея к Южному Судану, а вторые постоянно проживают в Абее, но поддерживают южносуданские власти. Власти Южного Судана настаивают на проведении референдума среди жителей региона, а Хартум настаивает на политическом решении. Конфликт в Южном Кордофанае до сих пор не разрешен (Osman, Jennigs [2012]).

Освещение этноконфессионального конфликта суданской прессой имеет ряд особенностей, которые связаны с различными факторами, рассмотренными в нашем исследовании: с законодательством страны в сфере журналистики, с журналистскими традициями и этическими нормами, с государственным контролем, а также с тем значением, которое суданские журналисты уделяют духовно-идеологической роли своей деятельности.

Одной из основных особенностей освещения конфликта между Югом и Севером является скупое освещение военных действий. В газетах редко появляются материалы, посвященные вооруженным столкновениям, и все они ссылаются исключительно на источники в военном ведомстве. Такая характерная черта связана со статьей «Положения о прессе и публикации», которая запрещает журналистам публиковать информацию, касающуюся национальной безопасности, передвижения вооруженных сил, военных планов и операций, из каких-либо источников, кроме официальных. По той же причине в изданиях периодически появляются похожие материалы: все редакции располагают одними и теми же данными по поводу одной и той же проблемы. Разница обычно заключается лишь в форме подачи материала.

Например, в газетах «ал-Интибаха» и «ас-Судани» 8 мая 2013 г. появились аналогичные материалы, посвященные убийству предводителя нгок-динка Куала Маджука в районе Абьея: «Их клеветущий миссерия» (А-Таиб Мустафа [2003]) и «Равенство трудностей и выбора (Хартум)... Разрешение нового инцидента (Абьея)!!» (Магар Абуджух 2013). Оба материала основаны на

выступлениях официальных лиц по этому вопросу. Авторы обеих статей, используя основную новость в качестве повода, рассуждают о том, как важно найти пути для разрешения конфликта, наладить сотрудничество для возобновления мирной жизни в регионе.

Подобная традиция в освещении конфликта прослеживается на протяжении всего изучаемого нами периода. Поднимая в своих материалах проблемы, связанные с этноконфессиональным конфликтом, журналисты часто стараются говорить не о столкновениях и кризисе, а о возможных путях выхода из сложившейся ситуации, переговорах, которые ведутся сторонами, а также о существующих инициативах и шагах по урегулированию конфликта, что является одним из пунктов положительной модели информационного сопровождения конфликта, предложенной М. Мельниковым.

Так, номер газеты «Ахбар ал-йаум» («Новости дня») от 29 сентября 2000 г. открывался информацией о возобновлении мирных переговоров по суданскому конфликту на территории Кении, а в номере от 17 января 2001 г. на первой полосе вышел материал, посвященный возвращению нескольких тысяч повстанцев в городе Кадуглы (Южный Кордофан) к мирной жизни, что свидетельствовало об отказе от дальнейшей эскалации военного конфликта (Герасимов 2011, с. 171). В выпуске газеты «ас-Судани» («Суданец») от 19 октября 2013 г. вышел материал «Хартум и Джуба... Попытка разрядить напряженность» (Хамдан 2013) о предстоящей встрече президента Судана Омара аль-Башира с президентом Южного Судана Сальвой Кииром по поводу ситуации в районе Абьей.

Однако в рамках информационного сопровождения этноконфессионального конфликта невозможно обойти вниманием и информацию о проблемах. Статьи об эскалации конфликта, также периодически появляющиеся на страницах суданских изданий, обычно придерживаются проправительственных позиций, чаще звучат обвинения в адрес Южного Судана и его лидеров. 4 сентября 2011 г. в «ал-Интибаха» («Внимание») появилась статья «Южный Кордофан и Голубой Нил... Стрельба или потоп» (Южный 2011),

критикующая деятельность НОАС в Южном Кордофане. А 14 февраля 2013 г. в газете «ас-Судани» («Суданец») вышел материал «Хартум и Джуба... Сценарии столкновения» (Мохаммед Абдул-Азиз 2013), посвященный эскалации конфликта и описывающий возможные ужасные последствия. Автор статьи подчеркивает, что, если стороны не согласятся на переговоры, разразившийся конфликт затронет территории Судана, на которых проживает около 13 миллионов человек. Автор даже описывает оружие, которое будет использоваться в случае войны. Такой аналитический материал обладает сильнейшим влиянием на аудиторию.

Выполнение воспитательной и мобилизующей функции реализуется за счет написания журналистами статей в аналитических и публицистических жанрах. Подавляющее большинство материалов, посвященных конфликту на юге Судана, с которыми нам пришлось работать в рамках исследования, написаны в аналитическом или публицистическом жанре, а не в информационном. В ходе работы мы совсем не нашли репортажей в привычном нам понимании. Объяснить это можно, с одной стороны, журналистскими традициями, сложившимися в стране, а с другой — опять же «Положением о прессе и публикации», которое позволяет распространять информацию о военных действиях только со слов официальных представителей военного ведомства, из-за чего газеты в основном не отправляют своих корреспондентов в беспокойные районы страны.

Воздействие на читателя реализуется также за счет красочности и эмоциональности, свойственных суданской прессе в целом и материалам, посвященным этноконфессиональному конфликту, в частности. В статьях постоянно встречается оценочная лексика, риторические вопросы, восклицания и другие приемы, характерные для публицистических жанров.

Ярким примером текста, написанного для мобилизации аудитории и формирования у нее определенного отношения к противоположной стороне конфликта, является статья «Бои продолжались несколько часов... Стойкость правительственных войск перед наступлением Юга для оккупации Хеглига» (Дакш 2012) опубликованная 11 апреля 2012 г. в газете «ас-Судани» («Суда-

нец»). Образ врага создается за счет использования соответствующей лексики по отношению к действиям НОАС: «ненависть», «злая воля», «отвратительные агрессивные намерения». Ему, в свою очередь противопоставляется образ «стойких» правительственных войск, отражавших наступление врага «несколько часов». Наконец, после яркого описания столкновений автор статьи поднимает вопрос о том, что президент Судана и фельдмаршал, что важно в данном контексте, Омар аль-Башир поручил Верховному комитету работать над мобилизацией суданского народа для поддержки вооруженных сил страны в грядущих боях.

Подобные тексты воздействуют на читателя, выполняя функции, связанные с идейно-духовной ролью журналистики. При этом информационная функция СМИ в освещении этноконфессионального конфликта может уходить на второй план по нескольким причинам. Во-первых, военные действия, вооруженные столкновения освещаются неактивно. Во-вторых, освещение конфликта не всегда объективно и носит обычно проправительственный характер. В-третьих, в отдельных статьях на первый план выходят воспитательная и мобилизующая функции.

Однако не все суданские СМИ придерживаются подобной политики. Некоторые издания дают более объективный взгляд на развитие конфликта. К таковым можно отнести интернет-издание Sudan Tribune, освещающее новости Судана и Южного Судана и базирующееся в Париже. Sudan Tribune подвергает критике политику обеих сторон конфликта, подробно освещает военные действия и поднимает самые разные проблемы, связанные с противостоянием Севера и Юга. Благодаря этому издание снискало славу объективного СМИ и популярность среди читателей, имеющих доступ к Интернету.

На протяжении рассматриваемого нами периода тематическая составляющая информационного сопровождения конфликта в Судане менялась в зависимости от происшедших событий. До 2005 г. статьи были посвящены в основном поиску путей урегулирования конфликта и продолжавшимся столкновениям. На первой полосе номера газеты «Ахбар аль-йаум» («Новости дня») от 29 сентября 2000 г. вышла заметка, в которой представитель

генерального штаба генерал Мухаммад Осман Йас сообщает о готовности армии отразить нападения повстанцев, целью атак которых являются города Торит, Маква и Кийала. На первой полосе газеты «Алуан» («Краски») от 14 января 2001 г. был опубликован материал «Накдаллах возвращается сегодня из Найроби, неся с собой мнение Гаранга по поводу партии», освещавший вопросы контактов, которые в тот период активно налаживала партия «ал-Умма» с Джоном Гарангом (лидер НОАС) с целью укрепить отношения и найти возможности для совместной координации (Герасимов 2011, с. 171–172).

После подписания всеобъемлющего мирного соглашения в 2005 г. основными темами статей, посвященных конфликту, стали будущее развитие Юга и Севера, предстоящий референдум и его итоги, изменения, переживаемые страной после подписания соглашения. В номере англоязычной газеты The Advocate от 23 сентября 2007 г. были опубликованы развернутый материал о позиции президента Омара аль-Башира по поводу контактов с Югом и интервью с создателем Национального исламского фронта Судана Хасаном ат-Тураби на ту же тему (там же, с. 176). 29 октября 2009 г. сайт Sudan Tribune опубликовал материал Синдани Себит «Дорога к референдуму», посвященный подготовке Южного Судана к референдуму и плавному и стабильному переходу к независимости (Sebit 2009). «Аджрас ал-хуррийа» («Колокола свободы») от 25 октября 2010 г. содержит интервью с министром регионального сотрудничества правительства Юга Судана Денга Алура по поводу отделения южных регионов от Судана, а также статью Мухаммада Мухаммада ал-Амина Абд ар-Разика «Юг Судана... проблема и решение», в которой тщательно анализируется история вопроса в 1980-х гг. (Герасимов 2011, с. 177).

С 2011 г. и до настоящего момента информационное сопровождение конфликта строится в основном вокруг ситуации в Южном Кордофоне, где столкновения начались весной 2011 г. В газете «ас-Судани» («Суданец») от 27 ноября 2012 г. вышла статья «Сизиф Суданский» (Абу ал-Латиф Буни 2012), посвященная сложному развитию отношений по вопросу судьбы региона

между Суданом и Южным Суданом. 6 мая 2015 г. «ал-Интибаха» («Внимание») опубликовала короткую новость об «освобождении граждан из тисков повстанческого движения в Южном Кордофане» (Освобождение 2015).

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что информационное сопровождение этноконфессионального конфликта в Судане в значительной мере контролируется государством. Информацию, касающуюся национальной безопасности и всех военных планов и операций, журналисты получают только из официальных источников, из-за чего все издания, за редким исключением (базирующийся за пределами страны интернет-портал Sudan Tribune), публикуют аналогичные сведения о ходе конфликта.

В информационном сопровождении конфликта журналистика Судана в полной мере выполняет свою идейно-духовную роль, мобилизуя аудиторию и формируя у нее образ сторон конфликта. Из-за этого на второй план уходит информационная роль прессы — освещение конфликта не является объективным.

В жанровом отношении освещение конфликта строится в основном на аналитических и публицистических материалах, что как раз и помогает журналистике осуществлять функции, формирующие идейно-духовную роль. Информационные заметки встречаются гораздо реже, репортажи практически отсутствуют. На тематическом уровне освещение конфликта зависит от происходящих событий, но видна склонность к акцентированию на положительных моментах с целью избежать эскалации конфликта.

Подобная стратегия освещения этноконфессионального конфликта не соответствует всем нормам положительной модели информационного сопровождения, однако помогает не допустить распространения паники среди населения, поддерживать необходимое для государства отношение к конфликту и регулировать его развитие.

В ходе данной работы нам удалось познакомиться с понятием «этноконфессиональный конфликт», его характеристиками, а также особенностями освещения этого явления в мировой практике. Мы охарактеризовали систему СМИ Республики Судан, государственное регулирование и особенности функционирова-

ния журналистики. Проанализировав материалы, посвященные конфликту на юге страны, нам удалось выявить особенности его освещения прессой Судана. По результатам работы мы пришли к следующим выводам.

На основе существующих исследований в данной области понятие «этноконфессиональный конфликт» было определено нами как разновидность социально-политического конфликта, как минимум один из субъектов которого идентифицирует себя и противоположную сторону в этнических и конфессиональных категориях. Данное явление не исчерпывается лишь религиозным и этническим факторами, однако последние способны в наивысшей степени консолидировать стороны конфликта, сделать конфликт ожесточенным и трудноразрешимым.

Практика освещения этноконфессиональных конфликтов доказывает, что полное и объективное информационное сопровождение конфликта практически невозможно, а порой оно только усиливает конфронтацию сторон. Поэтому работнику СМИ следует тщательно обдумывать стратегию освещения и стараться не совершать ошибок, которые могут привести к эскалации конфликта. Для журналиста важно понимать, на какой стадии находится конфликт в данный момент, каково общее состояние аудитории, и стараться предвидеть, какой отклик получат результаты его работы.

В период развития этноконфессионального конфликта власти государств, на территории которых он разворачивается, зачастую проводят цензуру по отношению к СМИ, что обычно не противоречит международным правовым нормам. Наряду с этим журналист, освещающий столь сложное явление, всегда должен руководствоваться принципами профессиональной этики и самоцензуры.

Газеты в Судане остаются наиболее влиятельным СМИ, несмотря на то что последние годы стали сложным периодом для суданской прессы в связи с экономическими трудностями, строгим государственным контролем и оттоком аудитории в постепенно распространяющийся Интернет. Данные факторы являются основными причинами сокращения количества наименований

изданий и их тиражей. С другой стороны, распространение Интернета способствует развитию электронных изданий, более независимых и мультимедийных.

Основной особенностью функционирования суданской прессы является высокая степень ответственности, выраженная в самоцензуре и строгом соблюдении этических норм. Большое значение журналисты придают духовно-идеологической роли своей деятельности. Взаимодействие журналистов с политической властью неоднозначно: часть газет является партийными, издания привлекают политиков в качестве экспертов, но в то же время известны многочисленные случаи конфискации тиражей газет и приостановки деятельности отдельных СМИ.

Современное понимание основных этапов конфликта на юге Судана дает возможность анализировать различные аспекты этноконфессионального конфликта. Контент-анализ СМИ, освещающих конфликт, и изучение особенностей государственного регулирования позволили нам сделать вывод о том, что информационное сопровождение этноконфессионального конфликта на юге Судана в значительной мере контролируется государством. Информацию, касающуюся национальной безопасности и всех военных планов и операций, журналисты получают только из официальных источников, из-за чего все издания, за редким исключением (базирующийся за пределами страны интернет-портал *Sudan Tribune*), публикуют аналогичные сведения о ходе конфликта.

В информационном сопровождении конфликта журналистика Судана в полной мере выполняет свою идейно-духовную роль, мобилизуя аудиторию и формируя у нее образ сторон конфликта. Из-за этого на второй план уходит информационная роль прессы — освещение конфликта не является объективным.

В жанровом отношении освещение конфликта строится в основном на аналитических и публицистических материалах, что как раз и помогает журналистике осуществлять функции, формирующие идейно-духовную роль. Информационные заметки встречаются гораздо реже, репортажи практически отсутствуют. На тематическом уровне освещение конфликта зависит от

происходящих событий, но видна склонность к акцентированию на положительных моментах с целью избежать эскалации конфликта.

Подобная стратегия освещения этноконфессионального конфликта не соответствует всем нормам положительной модели информационного сопровождения, однако помогает не допустить распространения паники среди населения, поддерживать необходимое для государства отношение к конфликту и регулировать его развитие, что, на наш взгляд, позволяет считать ее эффективной.

Литература

Источники на русском языке

1. Книги, монографии

Блохин И. Н. Журналистика в мире национальных отношений: политическое функционирование и профессиональное участие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 496 с.

Блохин И. Н. Журналистика в этнокультурном взаимодействии: Учеб. пос. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2013. 198 с.

Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе: Учеб. пос. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2001. 252 с.

Волковский Н. Л. История информационных войн: В 2 ч. СПб.: Полигон, 2003. Ч. 2. 736 с.

Герасимов И. В. История публицистики Судана. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. 228 с.

Журналисты на чеченской войне. Факты, документы, свидетельства. Ноябрь 1994 — декабрь 1995 / Фонд защиты гласности. М.: Права человека, 1995. 354 с.

Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. пос. для студ. вузов / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008. 512 с.

Корконосенко С. Г. Основы журналистики: учебник для вузов. М.: Аспект-пресс, 2004. 287 с.

Лабуш Н. С., Бекуров Р. В. Международное гуманитарное право и профессиональная деятельность журналиста: Учеб. пос. СПб.: Роза мира, 2004. 143 с.

Международные стандарты профессиональной этики журналистов: Учеб.-метод. комплекс / Сост.: А. В. Байчик, Ю. В. Курышева, С. Б. Никонов. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2012. 102 с.

Михайлов С. А. Современная зарубежная журналистика: Учеб. пос. СПб.: Роза мира, 2004. 160 с.

Общая и прикладная политология: Учеб. пос. / Под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. М.: МГСУ; Союз, 1997. 992 с.

Политическая конфликтология: Учеб. пос. / Под ред. С. Ланцова. СПб.: Питер, 2008. 319 с.

Поляков К. И. История Судана, XX в. / [Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения]. М.: ИВ, 2005. 508 с.

Прикладная конфликтология для журналистов. М.: Права человека, 2006. 158 с.

Серегичев С. Ю. Современный Судан: от единства к разделу / Ин-т Ближ. Востока, Рос. гос. гуманитар. ун-т. М.: Институт Ближнего Востока, 2011. 239 с.

Травина Е. М. Этнокультурные и конфессиональные конфликты в современном мире: Учеб. пос. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 256 с.

II. Статьи

Андреев А., Давидович С. Об информационном противоборстве в ходе вооруженного конфликта в Косово // Зарубежное военное обозрение. М.: Красная звезда, 2002. №11. С. 7–13.

Байчик А. В. Российские медиахолдинги: особенности становления // Век информации. 2015. № 1 (S1). С. 355–367.

Бекуров Р. В., Никонов С. Б. Политические процессы трансформации реальной политики // European Social Science Journal. 2012. № 11-2 (27). С. 284–288.

Бекуров Р. В. «Информационный вакуум» как возможный механизм урегулирования локальных и региональных конфликтов // Средства массовой информации в современном мире, 2000: Тез. науч.-практ. конф.: Сб. / С.-Петерб. гос. ун-т, фак-т журналистики. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 164–165.

Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 166–213.

Быков А. Ю. Реализация норм профессиональной этики журналистов в практике американских СМИ // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2015. № 3 (43). С. 83–89.

Георгиева Е. С. Трансформация системы масс-медиа Болгарии в условиях европейской интеграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 1. С. 222–229.

Данилова Ю. С. Демократический мультикультурализм: основные подходы в печатных СМИ Франции и Канады // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 181–184.

Курышева Ю. В. Политика ЕС в информационной сфере: Европейская идентичность и культурное разнообразие. Нравственный аспект в работе фотоагентства — поставщика изображений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 1–2. С. 313–318.

Лабуш Н. С. Информационная война как порождение нового времени современных массмедиа технологий. Ч. 1. Продолжение политики средствами информационного насилия // Медиаскоп. 2015. № 2. С. 12.

Никонов С. Б. Фактор религиозного аспекта в манипулировании международными процессами // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2015. № 3 (43). С. 109–114.

Пуя А. С., Садыхова А. А. Современное арабское телевидение как посредник в диалоге культур // Россия и мусульманский мир. 2013. № 11 (257). С. 153–157.

Смолярова А. С. Функциональное своеобразие этнокультурных медиа // Медиаскоп. 2014. № 3. С. 8.

III. Электронные источники

Друш П. Мы жертвы медиа-стереотипов [2014] // Информационно-образовательный портал «1 линия». URL: <http://1-line.spbu.ru/acquainted/127-1422.html>.

Кудряшова И. В. Этнополитический конфликт [2011] // Фонд знаний «Ломоносов». URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0131918:article>.

Международный пакт о гражданских и политических правах [1966] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

Суанова Р. Е. Влияние печати на национальную политику и межнациональные отношения на Северном Кавказе в конце 80-х — 90-е годы XX в. // Дискуссия. 2014. № 8. URL: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1174>.

Троицкая Ю. Власти Судана признали независимость Республики Южный Судан // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20110708/398993881.html>.

Источники на английском языке

I. Книги, монографии

Burton J. Conflict: Resolution and Prevention. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; London, 1990.

Intractable Conflicts and their Transformation / Ed. by L. Kriesberg, T. A. Northrup, S. J. Thorson. N.Y., 1989.

II. Электронные источники

Engdahl F. W. Reporters Without Borders seems to have a geopolitical agenda [2010] // Voltaire Network. URL: <http://www.voltairenet.org/article165297.html#nb6>.

Murray D. Reporting on negotiations, shaping public opinion: the Northern Ireland experience // Preparing for peace: communications in conflict resolution / OSCE. 2012. P. 21. URL: <http://www.osce.org/networks/98116?download=true>.

Osman T. S., Jennings S. Abyei Dispute Threatens Sudan Accords [2012] // Institute for War and Peace Reporting. URL: <https://iwpr.net/global-voices/abyei-dispute-threatens-sudan-accords>.

Print media in Sudan facing serious challenges [2013] // Sudan Tribune. URL: <http://www.sudantribune.com/spip.php?article47811>.

Sudan profile — Media [2014] // BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/world-africa-14095119>.

Sudan seizes print runs of 14 newspapers: press council [2015] // Al Arabiya News. URL: <http://english.alarabiya.net/en/media/print/2015/02/16/Sudan-seizes-print-runs-of-14-newspapers-press-council-.html>.

Sudan Tribune. URL: <http://www.sudantribune.com>.

World Press Freedom Index 2015: decline on all fronts // Reporters without borders. URL: <http://index.rsfo.org/#!/presentation>.

Источники на арабском языке

I. Книги, монографии

Абд аль-Мутталиб Садык Макки. Ас-Сихафа ас-суданийя. Сирау ас-сультаи уа ал-мигнати (Журналистика Судана. Конфликт между властью и ремеслом). Хартум, 2014.

Абд ар-Рахим Омар Мухи ад-Дин. Шарикат дар Кахил ли-д-дирасат уа а-табаа уа ан-нашр ал-махдуда (Суданская журналистика между жаром власти и огнем владельцев компаний). Хартум, 2009.

II. Электронные ресурсы

Положение о прессе и публикации [б.г.] // Национальный совет. URL: <http://www.parliament.gov.sd/ar/index.php/site/LigsualtionVeiw/297>.

Alintibaha.net. URL: <http://alintibaha.net/>.

Alsudani // Alsudani.net. URL: <http://alsudani.net/news/>.

Alyoumaltali.com. URL: <http://www.alyoumaltali.com/>.

Sindani Ireneaus Sebit. Road to referendum [2009] // Sydab Tribune. URL: <http://www.sudantribune.com/spip.php?article32955>.

Sudan National Broadcasting Corporation [S.a.]. URL: <http://www.sudantv.net>.

Sudan News Agency [S.a.]. URL: <http://suna-sd.net/suna/index/en>.

Приложение

1. «Их клеветующий миссерия», а-Таиб Мустафа (ал-Интибаха («Внимание»). 2013. 8 мая)

مهدي لخي رضفمولا قيري سول
يفضطصم بيطل

ببرحلما قاهوم ان نأب ان نوفص بي ن موم ني بي ن اشلا فنأ مخر
اي ابح او ملعو ان ببولق بي فم ام يلغ او مل طا مهن الكو امن اري بي ر موم
حق ان افه ني روع ذملا مالوه فنأ مخر لوقا .. ان رودص نغ او قشو ان سوفن
ني سي بي رل ني بي رچ أ ي ذلا ي فضماهل لاصتال ابي اري ن ان رش بتمسا
مخر صم عارج سوفن ليا يفض لم رضفمولا بفضخلا دامجال ريك افضل سو ري ش بمل
قي بتموم او جال ان ان ي موم لوق او لوجم قن ي د لاوك لنوقن التن ي د ناطلس
رظن بي ي ذلا لور بملنا ن او ام سي قومالا لي بفضم مخر نل ني بمل وذل ني بي
قي بتماشلا قي بتماعلا لي لعل دسجال رظن بي اموم رضنك ابي حق فضطصم بيون جلا
قيري رلما افضا طوق قيه بتملا قل حصم يفض بتم سي اموم قع قوا قع قوا قع حبصا
قومولم قه سي ابي قعدن جأ قيري بتملا هبماهل يفض نور بي بتملا بخر بي ي ذلا
قيري رولما هبماهل جلا لاملشلا لاطق ن ا ر لكذا نأ يل قع احي يفض بتمس لو
بي بمل بمر جلا لاملش او او جال ري بتموم نم لوالا دي بتمس مولا ان بتمسي
الوشرك بيا يفض امهدي لخي طخضلا نم فم فم فم امونك امه بتمسي رش ابي فم بتمس
طاقس بلال خ نم ي احي بتمس مولا امه مخر شم قيري بتمسي فم دس ايسو امري مخر
لي بتملا مخرصل احي بتمجالا ق بتمس بي بتملا ي ضوفتملا بتمادجال ا دي بتمس ماطنلا
جل اص دم جلا مخر فضشك ام لعلو . دي بتملا ن ادوسلا مخر شم يفض ل بتمس مولا
بي بتملا يفة يرو بتملا قه بتملا نأ د لئأ ي ذلا يري س مولا ي احي قلا قع لوص
هان لوق ام بتمسي قن ي د لاوك بتمس ق

م فتملا ا بتملا قه بتملا يري ان اول بتملا قه بتملا يوق نم اري بتملا ن افه لئلك
نأ ي نم بتمس مخر طول ا مخر جلا يوق لئلك يفض ام بتملا يرو بتملا قه بتملا
نالك ول ي بتم ماطنلا طاقس ا يفض ل بتمس مولا امه بتمس قيري بتملا بمر جلا لعل بتمس
يل ي بتمس مولا قه بتملا او قله واصل ل ق و ام ي بتملا ناطي بتملا وه لي بتملا
ق. وذل ا راي مولا

ال نول بتمس مولا ال نول بتمس مولا نول بتمس مولا راي بتملا نول بتمس مولا
ري بتمس مولا ا بتملا «قها بتمس مولا» نم قيري بتملا لئلك يفض ام بتمس مولا فتمس مولا
ان نول بتمس مولا او لئلك موم ن افه يري بتملا احي ا بتمس مولا نغ ني ل بتمس مولا
ق ميري نغ نور دص ي موم نأ قع قوا قع ني ل ه ا بتمس مولا ا بتمس مولا
ان بتمس مولا قه بتمس مولا موم بتمس مولا مخر ن نأ لواح بي بتملا يفة يري س مولا
لي و طلا ه احي راي يفض ن او هل او لئلك مخر نغ ي ذلا زي بتملا ي بتملا
نأ مخر ل ا بتمس مولا قيري بتمس مولا لئلك مخر نغ ي موم نأ س ان ان ي موم لوقا

أو إذًا بضدحي يس اذاه» يضار بضفا وييران يس مسر قيرط نغ قحاضولا لي اذ بصل
 بضدخال لايح بصوصلنا بصوصلنا وقصلك بضاراي خذا لقال ووجلنا قومونك لضررق
 ووجلنا وييران يس داغ بصصا غم «؟.. هي ل غ ابجاي ي ا أبلس ق ق ل غ م لو
 -ري دق ق ل ا ل غ ق ل غ م ا هذ ه ي هذ — هي ق مضارمو لو و غ مظان لاي م بصل
 ق ي ل و د ا ق ي م ي ل ق ق ي ل ب ق ي ا دو و م د ل ا ر ظ ن بضدخال ا هذ ق ي ل و و س م
 د غ ب ا ل ب ق ب ص م ر م ا ل ا ف م ا ل ب خ ا ق ي ن ا ل م ا غ م ن ا ل ا ق ي ض ر م ا ل ا هذ ق ش ق ن ا م ل
 ص ا ل ح ص م ا ل ل و ص و ل ا و ن ي ا ر ق ل ا و ق ل د ا ل ا غ ي م ب ص و ق ي ق ح ب ص ل ا ق ن ج ل ل ي ل ن ش ه
 ا ذ ا — ه ر ي س م ب ص م م ي س و ن ا ل ا ف م ق و م ل ا ا ه ل م ل م م ي ن ب م ن ا م ن ا ، ح ي ا م ن ل ا
 ه ر ي ب ص غ ي د ق و ق ي ر ي س م ل ا و م و ط ر خ ل ا ن ي ب م ف م ل ا ح ب ص ل ا م ا ن ج ه م ص و ب - ل ي ق
 . ق ب ض د خ ا ل ا ي ه ق ي م س م ر ل ا م ا ه ج ل ا ط ر و م د ك و ي ل ي ل د ه ن ا ب م ن و ر خ ا
 ب ص ا ل ق ي ج ر ا خ ل ا ن ا ض ر م ف ن ا ن و م د ل ل م ف ل ا ل ن ش ه ق ر و ص ل ا ب ي ر ق ب ص ل
 ا غ و ط ق و م ل ك ل ا م ا ز ص ا ن ل ل غ م ا و بضدخال ن ي د م م ل و (بصوصل) ل ن ي ب ص ل
 ق ي ق ا م ل ا ه ذ ا د ا غ ب ص ا ي د ب م و ق ي ق ح ب ص ل ل ق ن ج ل ل ي ل ن ش ه ا ر ا ي ب خ ا و
 ق ل ا ح ل ط ي ه م ي س ا ل ه م و د ح م ق و م م ل ا و ي ر ا ن ي س ل ا ل ن ش و ه ا م ف ن م ي م م م م ل ا
 ؟!.. بضدخال ا هذ م ي ل و د ل ا و م ي م ي ل ق ل ا ب ض خ ل ا و ق و م ص ل ا
 - (بصوصل) ل ن ي ب ص ل ا ه م ن ا ق ل ا ح ي هذ - ا ه م و د ح م ق و م م ل ا ح ي ا م ن ل ا ي ل و ا
 ن ا د و س ل ا ي م ل و د ن ي م ن ا ق ب ض خ ا ل ا ق ل ا ح ي م ا ن ي هذ م م ص ل ا ا هذ ب م ب م م و ه
 ا هذ - ي س ا م و ل ب م د ل ا ي س ا ي س ل ا ي و م م م ل ا ي ل غ ب م ا م ا ه م ا ل ا م و ه ل د ا ب م و
 د غ ب ا د ج م ب م ر ج ل ا ن و م ا ي هذ ق ل ا ز ن ا ل ل ا م د ا غ ا م م ي د ق ن ا ا د ج ي م ل ا و ا
 ف م ل ق د ا غ ا و ا م م ن ي ب م ا ه ا ج ر م ر ا د ي م ل ا ح ي ل ج م ب م ر م ا ه م ن ا م م ا غ ي ل ا و ا ح
 ن ا ق ب ض خ a ل a ق ل a ح ي ل غ م ب م م م م و - ر م م ص ل a ق ط ق ن ل ن ي د ل ب م l a ن ي ب م م ا ق a ل a ل a
 د a ح B م a l a ي و م م م y ل غ ق ص a ح ق ي ل و د و ق ي م ي ل ق l م a ل م R ج م B ا ب و ج م ا ي ق ل ن ل م
 م ي ل a م M l a ا ه ر a ح م Q ي س ا ي س ب م a ن a د l a ر a ح م B a ض R م B ي ق ي R م l a
 ق ب ض D a l a ي هذ ي ل و D و ا ي م ي ل Q l ق ي ق ح م ا ر a ب م a م B م l a ط و د a غ B م B a م D
 ي ه و ق ي ق ح B ل l a م و م n و a ا ل ن ي R M a l a م م M n a د و S l a ه l a ل x n م ح B م y
 م و ط R x l a ي ل غ م ي ل B م y س a م و L B د و y س a ي S R ر م a ه م و D ح y ل غ M B م M y ق و ط x
 ق ن ج l l a ل ن ل م ل و م ب م a ر M و م ق ي ل B م M م M l a م a R a S م l a B م M B م l a Q B م و M م م
 . ه ي ل l y ي هذ م n ن ل م y ا م و

ق ي ن ا ل م ا و ه ق ي ض ق ل ا هذ ل ا ي ح ق و م ل ك ل ل م ج م م l a و ي ر a ن y S l a ي ق B y
 ق ي ل و D l a ق ي م a ن ج l a ق و M ل M l a R y B a ض a ي هذ م a R a ط l a ض م B ل B ق n م a م B ج l a
 ي ق y R م l a د a ح B a l a م a و ق y B م و n م y ل غ a D B م l a Q ب M a م B ق o س a -
 ه B م ن ج M l a م و ط R x l a y م م م و y ر a ن y S و ه و - R و م R a D y م Q م y ن ل M س ح ق ط n م B
 ق ي ض M l a م a و n S l a ق ل ي ط ه M a ل M R ج م y ل غ a B l S R م و y ه R a B م R a B
 a ه M D a B ق l a l x R م B ق ي ل و D l a ق ي M a ن ج l a ل a B M n م B a l ف M l l Q ب M D a h l a
 ق ي ق y R م l a B a ج R a l a R م و M a ه R x a ن a ل - ق ي S a م و L B د و Q ي S a ي S م a l M l
 B م و n M l a ح B م l a ن a M l a ط و - y M l a R ه M l a l a l x M و ط R x l a ه M M a ض M S a y B l a

قبيلاس يوق رجب تفرخ رصان غل هكه نأ قن ي بيم ، ي س و ل ا اي ق ي ر ف ع ا ر ب ع
اهگم ل م ا غ ل ا م ع ي س و ن ا د و س ل ا ف د ه ت س ر ق ي ي ا د غ ا ل ا م غ ا ي ن ب ص د
ي م ا و س ل ا د ي ق ي غ ل ا ق ج ل س م ل ا ت ا و ق ل ا م س ا ب ي ت د خ ب و ل ا ل ا ق و . ي ر و ف ر ا ل ا م س ج ل ا ب
ا م ي ا ه ل ق ق ا ل غ ن ا ت ه ا ه ل ا ه ك ه ن ا ق ي ف ح ص ت ا ح ي ر ص ت ي ف د د غ س د ل ا خ
ن ي د ل ا ر ص ن ا ق ا م ج ل ن ي م ك ن م ن ا ن م ر و ف ر ا د ت ا ل ت ر ح و و د ر م ت م ه ر ي ب ي
ت ا م و ل م ل ل ب و م ق ي ن م ا ل ا ت ا ه ا ج ل ا ن ا د ن ا و ن ا د و س ل ل ا و ب ر س ت د ق ق ي ل ا م ل ا
ر ص ا ن غ ل ا ه ك ه ا ي ا و ن و ن ل ن ا م ا ن غ ق ي ف ت ا ن

ي ت ل و د ن ي ب ي ل ن ر ا م و ب ر ح غ ا ل د ن ا ي م ا و س ل ا ي ف ن ي ر خ ا ت ه ج ن م
ي ش ي ج ن ي ب ي ق ي ر ل ن س غ ت ا ل ن ا ب ت ه ش ا ي ا و ا ن ا د و س ل ا ب و ن و ن ا د و س ل ا
ط ي ر ش ل ا ق ل ا ب ق ه ل ق ع ب ا ت ق ي ر ل ن س غ ت ا و ق ر ش ن م د غ ب ل ط ق و ، ن ي د ل ب ل ا
ب و ن و ن ا ق ل و د ب ل ا ف ص ل ا ق ر ا ز و ت م ع ر ا م ن ، ن ي د ل ب ل ا ن ي ب ي د و د ج ل ا

درو دص

ت ا ر ش و م ت ه ا ب ن ي ف ر ط ل ا ن ي ب ي د ا ج ل ا ب ا ط خ ل ا ا ه ل ط ي ف و
ر ي ب ج ل ا ي ر ي و ب ر ح ل ا ب ر م ن م ب ر ه ق ت ا ب و و م و ط ر خ ل ا ن ي ب ي ق ق ا ل غ ل ا
ط ط خ ن م ل و د ل د ب ا ل ه ن ا ن ي م ا ل ا س ا ب ع د و م ، د ا و ل ل ا ي ج ي ت ا ر ب س ل ا
و ب ن ت ل ا ن ل م ي ب ر ح ل ا ن ا ي ل ا ن ي م ا ل ا ه ب ن ي و ، ف د و م ل ل ق ل ي د ب
ل ت و م ه ن ا ي ل ا ا ت ف ا ل ا ه ت ي ا ه ن ق ف ر م ن ل م ي ا ل ن ل و ا ه ت ي ا د ب ي
ي ف د ق ش ه ق ط ن م ل ط ي ف ي ت ا ن ل د ر ا و م ل ا ف ل ت خ م ل ا ر ي ط ا ف ز ا ن ب س ا
(ي ن ا د و س ل ا) ل م ع ي د ح ي ف ن ي م ا ل ا ر ا ش ا و . ب و ر و ر ل ا ت ا ل ي و ن م ي ن ا غ ت ل ل ا
ن ا ل ق ل و ا ش ل ا ه ج ا و م ل ا ق ل ح ر م ل ل ص ت ن ل ن ي ف ر ط ل ا ن ي ب ي ت ا ه ا ج ا و م ل ا ن ا ي ل ا
ق ه ج ا و م ت و د ح ل ا ج ي ف و ه ن ا ي ل ا ت ف و ل و ، د ح ي ص ا ل ن ا ك ه ن م ن ي ف ر ط ل ا
ن ا ن و ل ا و ن ا م ز ل ا ق و د و د م ن و ل ت س ف

م و ط ر خ ل ا ي ل غ ط خ ل ل ق ل و ا م و ه ا ي ل ا ج ي ر ج ي ا م ن ا ن ي م ا ل ا ي ر ي و
ا ض ي ا ف ي ض ي و ، ن ي د ل ب ل ا ن ي ب ي ق ق ل ا ج ل ا ا ي ا ص ق ل ا ي ف ت ت ا ل ز ا ن ت م ي د ق ب ل
ا ه ل د غ ت س ن ن ا ب ع ي ل ب ا ق م ل ا ي ف ن ل و ق د ي غ ب و د ب ت ب ر ح ل ا ص ر ف ن ا
ق ي ر ل ن س غ ل ا ، ق ي س ا ي س ل ا ت ا ي و ت س م ل ا ل ن ي ل غ م ك ي د ا د غ ب س ا ل ا ا ه و
ق ي ف ت ا ق ب ل ا و ق ي ل ا م ت خ ل ا و ق ي د ا ص ت ق ا ل ا و

غار صلا وييران يسي

ب ر ح ل ل ا ج ل ي ن ل ا م ه ن ا م ا ل ل ن ش ب ن ا د ل و ي ا ب و و م و ط ر خ ل ا ن ا م و ر
ال ر و م ا ل ن ا ل ل ، ض و ا ف ت ل ا ق ي ر ط ن غ ا م ه ت ا و ز ا و ا ج ي ل غ ن ا ل م و م ي س و
ن ي ب م و ا ص ل د و ق ي د ق ا م م ح ق ا و ل ا ض ر ا ي ل غ د ر ا ب ل ا س ف ن ل ا ت ا ذ ب ر ي س ت
د ت م ي ا ي ل و د ا ع ب ا ط د خ ا ي س و ق ب س ا م ر ب ل ن ا ه ر ت ا ن و ل ت ي س ن ي ف ر ط ل ا
د و د ج ل ا ج ر ا خ

ق د و ع ل ا ن م ت ر د و ق ط ق ن ل ا ه K ل ق ق ط ن م ل ا ت ا د ا ي ق ت ه و ب ت ن ا د ق و
ر ي ج ل ل ن ك ا ي ق ي ر ف ن ا ي ل غ ق و و م ج ي ا ه ن ل د و ق ي س ي ذ ل ا ب ر ح ل ا ب ر م ل
ر ا ر ق ن ا ل و ق ي د غ س د ل ا ج ي م ا و س ل ا ق ج ل س م ل ا ت ا و ق ل ل ي م س ر ل ا ق ط ا ن ل ا ن ا
ي ل غ ا ن ب ا ل ا ل ن ر ح ت ي ا ل ش ي ج ل ا ن ا و ، ق ي س ا ي س ل ا ق س و م ل ا د ي ب ب ر ح ل ا

6. А. Дакш. «Бои продолжались несколько часов... Стойкость правительственных войск перед наступлением Юга для оккупации Хеглига» (ас-Судани. (Суданец). 2012. 11 апр.)

رارح إماماً قتل مسلماً صاوقاً دوعص .. لاوط صاعا اصل لئرا عمل اهل صاوق
!!... جي لجه لال صعا يلغ بيون چلا
شوق دوعصاً

بيون چ قلود لال صعا ايج دي فضة قما لعا اهددرو صر صاوق قمي مسر ريغ عابن ا
قووضه قعاسلا اهل طو ، ن افضدرك بيون چ قبالو بچي لجه ققطنول نادوسلا
لك صامول عمل نم دي دل ايج اهي فضة قدايي زلا ام بمر و صامول عمل لئلك دي در صل
يرك نس لعا دي غص لعا نو دي ذيل ان ه سانل قما غ اعطق نئل و هعقو و بسج
ين نادوسلا بيدن چلا رفق هن نئل و ، امدلا نم دي زولا لئفضي يل ا بيضضي يذلا
هاس فضن ا ذخاي ال دالكي ، بمر چلا نم قليوط قل جر يل ا مالس قن ده نم چرخي ن ا
نئل ، مويوق لعا قداغ او ان بئل اهدنغ فضقووهي بي لعا مالسا صاطحو لال خ
امبيس ، يرخا يل ا قنرغو نمو بمر د يل ا بمر د نم لائقل ل مع فضدك رادقل ا
ضدح او يلغ درلا بي فضة ا هق حبا هظا فضة حبا بيون چ ل قموك چلا دعووه لظ بي فضة
اهي ضارا يلغ ناو دغ نم

ققز بمر صاوق

لروضه صاطح ل يضح لئرا عمل رارم صسا نغ س ما بئل لعا قتل مسلماً صاوقاً
نادوسلا دود چ يلغ بيون چلا قلود قموك لجل بي فضة صاوق نم قضي حاصل
اهنغ رداص نايب بي فضة صذلناو ، جي لجه قن بي دم هاچ صايب قمي بيون چلا
صل صرح دغس دلاخ بي مراوصل دي ق لعا بي مسر لاهق طان جي قووهي روهوم
قلودل بي فضة قوشاخ صاوق ل صاعا دصعا دلنا ، هنم قخسن يلغ (ين نادوسلا)
جي لجه قن بي دم هاچ صايب قمي بيون چلا دال بئل دود چ يلغ نادوسلا بيون چ
بيون چ قلود ل خا د نم (ققز بمر ل) و بي بئش ل ش بي چلا رصانغ نم بئك رص
قبغ لراو قمي نلا عوسو دق چلا اهم دق بي صاوق لئلك ن لاقو نادوسلا
مولو سي طولا قمي واح لازم ال لئرا عمل ن ا ادك نوم بمر چلا ل صاوق بي فضة قرد چ صول
دغ بي اه فضقووم لچ ني

لئل دغ صاوق لئني لئفضه بي فضة اهن نايب بربغ قتل مسلماً صاوقاً بمر صسا
اهاديب بي لعاو بي مراوصل دي ق لعا اهل لطا بي لعا صارا بئل لال خ نمو موهلا
نادوسلا بيون چ قلود سي يزل قل صول صا بئغر ل بوا چ نم نغ بئي دي دل ايج
قلودو نادوسلا ني بمر چلا دم رارم صسا بي فضة هلا م او بئي در ايج ري لئافضل س
نغ بئي دي دل ل قرشا بيم بيه ذيل ، مودك قع بي طقل سر لئي امب نادوسلا بيون چ
يلغ نادوسلا بيون چ قلودل بي فضة قوشاخ صاوق ا دصعا قع بي بط لئني فضة
دي ق لعا بسج حبا موق بئل ، جي لجه قن بي دم هاچ صايب قمي بيون چلا دال بئل دود چ
ققز بمر ل او بي بئش ل ش بي چلا رصانغ نم قن و لئلا صاوق لئلك بي مراوصل
امب ري لئك ل بي مراوصل بيه ذيل ، نادوسلا بيون چ قلود ل خا د نم لئرا بئل ايج

چېکنمولا ناو امپيس، يې بڼه چال دقنلنا، نه قېن ادوسل قهولنگل دقافض قدايز
ضامولنمولا بس چې قهولنگل قېن ازيه نه (40%) يې لواح کنش يې چي لجه نه
يلغ يې بېغشلا شري چل ضاوقل ري خال او موچهلنا نأ حضاولا نمو، قل واد بصلوا
امپيرو ني بصلودلنا يې بې غازنل ل ايس او بيا بېل ا حضيض يې چي لجه ققطنه
قل بېقنمولا بھاعسالا لالغ دي غص بصل قدايز يې ل ا امھن يې بھاقال غل دي غي
قېروهمل س يې ر اھل ي کنش نه غ ن لغ ا ي بھل ا يې ل غل ا قن چل ل نا و ودي بي و
ي بھل او چي لجه ي لغ بھون چل ق بھاسلا موچھل ا بھق ي ري ش بھل ا رمع ري ش بھل ا
ي بھل او، بھق حرم نامضغ ي لغ قېروهمل ا س يې ر ل ل و ا ل ا بھي ان ل ا اھس ا ري
ي ن ادوسل ا بھقش ل ا قې بھق ي لغ ل و غل ا ي فھ اھم اھم ري ش بھل ا س يې ر ل ا دھ
قل بھقنمولا اھن کر ا ح ي فھ اھن رز او مو ق چل س مولا بھاقو ل ا م غ د ل اھ ر ا فھن بھس او
ي بھل او قې بھق ل ا ماھول ا نه دي دھ ل ا اھھ چ او فھ قن چل ل کنل نه نا و ودي بي
س يې ر اھم ا س ا م ق يې ق ح ض ر غ بھ، قفھ ا ح ض م بھل لو و س م اھل اھنک ي لغ ي ق ل بھ
قې يھي بھو (ي ري بھن ل ا م د ر ل ا ق ر فھن)، بھ ري ش بھل ا رمع ري ش بھل ا قېروهمل ا
قې ي ق بھقنمولا ي ر خ ا ماھم ي ا بھن ا چ بھ يې دھ ا چ مولا د ا د غ ل بھار کنس مولا
اھض ا ر خ ا

فصال خو غازن

لوح يې م ر او ص ل ا دي ق غل ا اھق ل ط ا ي بھل ا ق ق بھاس ل ا بھ ا چ ي ر ص بھل ل غ و چ ر ل ا بھ و
موچھل ا کنل ذ نا اھل ل ا خ نه دھن ا ي د ل او چي لجه ققطنه ي لغ ق بھاس ل ا موچھل ا
قل ل س بھم ق او ا س مولا ل دھل ا قن ر ح يې ط ر مھم نه ق غ و م م م اھل ل ا ح بھس ا بھ بھم ا ق
ل ق ح چ ر ا خ ق چ ل س مولا بھاقو ل ل ا م ق و م بھق دھ بھس ا بھي چ چي لجه ققطنه ي ل ا
ا ي ا ق بھ م ل م ا م ا ح بھ بھل ا ز ا م ي بھل ا ق چ ل س مولا بھاقو ل ا اھل بھق بھو ط فھن ل ا
ر بھن ل ا ل ا دي فھ بھس مولا نا و ودي بي بھ ا چ ي ر ص بھل ا کنل ي ل ا م و چ ر ل ا بھ مھل و ل فھ
قھولنگل ا ي لغ ق ط ر مھمولا (قې ر و بھل ا قھ بھ چ ل ا) وھ ني بھ بھل و د ل ا ني بھ رھو بھل ا نه
بھون چ و ن ادوسل ا ني بھ چي لجه ققطنه لوح غازنل نا او امپيس، قېن ادوسل ا
بھ ا د بھ بھي چ، امھن يې بھ دود چ ل او يې ض ا ر ل ا لوح غازنل ا م د ق م يې د ق ن ادوسل ا
قن ر بھش مولا قې س ا يې س ل ا قن چل ل ا ل ا ل ا خ نه ققطنه مولا لوح امھن يې بھ بھ ا فھال خ ل ا
ي ا اھل ا بھ م ي ا د ل ا م يې کن بھل ا قھلن م ي ل ا ا مھ بھ ا ه ذ ي بھ ق بھس ر ن بھم بھق و يې فھو
يې يې بھ ا ققطنه لوح غازنل ا اھن ل ا

م ا ر ص ل ا بھ بھس ا مھا نه ا د ا ح او ققطنه مولا يې فھ د و چ مولا ط فھن ل ا ل ر بھي امپيرو
ض و ا فھ مولا قھولنگل ا دھو س يې ر ن ا کنو، اھي ني فھر ط ل ا کنس مھو ققطنه مولا لوح
ا ق بھاس قې بھقش ل ا قن ر چ ل نا ا ق بھاس بھق و يې فھ ر کن ذ ق ا بھاس س يې د ا بھ
ن ا ل ا چي لجه ققطنه لوح ش ا ق ن ل ا ح بھق ي لغ بھر ص ا ا ق ا ل بھون چ ل ا قھولنگ و
قھلن م نه ر د ا ص ل ا ر ا ر ق ل ا بھ بھو س ح د ق قې ض ق ل ا ن ا ي لغ ر ص ا قھولنگل ا دھو
ن ادوسل ل ققطنه مولا بھ بھ بھ ا بھ چ و م بھ ي د ل او ي ا اھل ا بھ م ي ا د ل ا م يې کن بھل ا
ن ادوسل ا بھون چ ق ل و د قھولنگ س يې ر بھي ان بھ ا چ ي ر ص ي ل ا د و د غ ل ا بھو
قھلن م ر ا ر ق ر و د ص بھق ي ا اھل ا بھ ق بھاس بھق و يې فھ اھل ا ق ي بھل ا ر ا ش م ل ن ا ي ر د

لضم بعض نادوسلا قوولنجل بكون چلا نم قيرلنسخو قيسايس لئاسر هن طابج
يلغ طخضلا يفة اهدخنصسي نأ نلنمي ضرل هيدل بكون چلا نأ يفة
قوولنچلا

نم ديدچلا هبوشن چيلجه ققطنم لوح غازنلا نإ ببايرأ ءاوللا لوقيو
قدحولا قبالول ببعص ققطنم اهنوربعصمي ريونلا نإ لاقو ،صادي ققطنم
يفة ببايرأ لاقو .اهي ضارأ يفة ططننلا نم قري بكن صايمك دوچو ببعص
يلغ لبيق نم ياهال يفة بكنلغأ قيبغشلا قنرچلا نإ (ين نادوسلا) لفي يفة
هل اهنللو يي ببايرأ دوچ نم بچرخ ققطنم ققطنم نأ راشم لئاسر ناسل
ققطنم لاقو يرخأ صاديق ققطنم دوچو ببايرأ دلنو ،بكون چلا دوچ نم بچرخ
قري سملاو الكني دلان يي ببايرأ

7. Абд ал-Латиф Буни. «Сизиф Суданский» (ас-Судани (Суданец). 2012. 27 нояб.)

ين نادوسلا فمي زيبي

ينوبيل فمي طللا دبع

ريكو ريش بيلان يي ببايرأ نواغشلا صايقافصا لقي قووه اندهاش نا دبع
وها) شودلا ققطنم لاقو انلق مرصنم لاقو ربعص ببعص يفة اببعسا سي دا يفة
انك (ببعص ببعص) نكلو (ققطنم لاقو قووه سان يي ببايرأ /ري ببعص ببعص لاقو
لقي قووه لاقو ام لاقو ققطنم لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
ءارق ببعص نالكو ام لاقو ققطنم لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
يفة بكنانو ال ايش ييلغ لاقو ققطنم لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
ادبعي نا امو چراچلا يي قووه لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
انك ام دبع يي ببعص امه ديد اذه نالكو ببعص لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
دچاو دل ببعص يي ببعص نواغش لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو

نال لبيق نبي ببعص لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
قمي دقل ققطنم لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
يلا چرخ ببعص لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
وهالو اهنلنو وهالو . ققطنم لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
قلا يي ببعص لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
نبي ببعص لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو

ييا نبي ببعص لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
هي لاقو
ديري بكون چلا نا يي ببعص لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
ببايرأ ببعص لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
نافدنك بكون چ يي ببعص لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو لاقو
ايلا لاقو لاقو

Е. А. Савельева

ПАНАРАБИЗМ И СМИ СТРАН АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Рассматривая страны Аравийского полуострова, их особенности, менталитет народа, возможности и предпосылки возникновения идеи объединения арабского мира, особенности функционирования СМИ этого региона, нельзя обойти вниманием одну из важнейших составляющих современной жизни этих стран — ислам.

Во-первых, ислам возник на территории Аравийского полуострова, а арабы — первые, кто создал, принял и признал эту религию своей, что не могло не отразиться как на мировосприятии самой нации, так и на политической, экономической, социальной и медиа деятельности. Такой исторический экскурс и анализ роли, которую религия играет в жизни стран и народа, прояснят и то, почему вообще стало возможно говорить о возникновении идей объединения арабского мира, также частично помогут разрушить стереотипы и отказаться от предрассудков, сложившихся в неарабском мире вокруг понятий «араб», «ислам», «мусульманин», что сделает исследование более осмысленным, позволит глубже познать суть изучаемых явлений.

Во-вторых, ислам охватывает все сферы жизни ее последователя (мусульманина) — быт, правила жизни, он формирует человека, его менталитет и взгляды. Эта религия устанавливает законы, по которым живут целые государства. Практически невозможно назвать сферу, где ислам бы не присутствовал, его даже называют не религией, а образом жизни (Коровиков 1990, с. 25). Кроме того, религия является еще одной объединяющей силой.

Хотя сейчас ислам одна из самых распространенных религий в мире, в самом начале своего существования ему и его последователям пришлось столкнуться с массой сложностей. Прежде чем говорить о зарождении ислама, необходимо дать описание доисламского состояния места, где сформировалась новая религия, и общества.

В то время Аравийский полуостров был заселен разрозненными племенами, которые занимались разными видами деятельности. Среди них были земледельцы и скотоводы, которые вели почти оседлый образ жизни, неоседлые кочевники, бедуины — это самостоятельная группа населения Аравии, которая существует до сих пор, конечно, уже не в первоначальном виде. Благодаря верблюдам и лошадям они отличались мобильностью, могли осваивать новые территории, в том числе и пустынные, занимались торговлей, выступали в роли наемной военной силы. Именно это сделало бедуинские семьи и племена самыми богатыми на Аравийском полуострове. Примерные представления о количестве населения дают следующие цифры: к моменту возникновения ислама, в VI–VII вв. н.э. на всей территории степной Аравии могло быть около 3 млн бедуинов, а земледельцев — около 4 млн (Большаков 2000, с. 4).

Трудные природные условия (например, пастбища были настоящей роскошью), даже несмотря на огромную территорию, приводили к столкновениям между племенами. И это далеко не единственная причина противостояния племен. Разница в социальном положении, историческое противостояние, обостренное чувство справедливости и чести, как в отношении себя, так и всего племени, обычай кровной мести — эти и многие другие причины меша-

ли племенам бедуинской Аравии жить в мире, образовывать единую общину.

Мы говорим о племени как о единице измерения арабского общества, так как именно принадлежность к племени, его положение в существующей иерархии, определяло и положение отдельного человека в этом обществе. Племя и предки — это именно то, что одновременно объединяло и отделяло людей друг от друга. Исторически сложилось так, что любовь к своему племени есть самое святое, самое дорогое чувство, которое известно арабу (Крымский 2003, с. 359). Отметим, что это противостояние племен не носило только военный характер.

Арабы придавали большое значение поэзии и стихотворениям, ценили не только их лирическую красоту. Практически в каждом племени был свой поэт, который восхвалял свое племя и высмеивал племя противника (Гольдциер 2003, с. 359). И это были далеко не безобидные соревнования. Творения поэтов становились известны и другим родам, по ним складывалось впечатление о далеком, незнакомом племени. Условно, но все же эти произведения можно назвать источниками информации. Особо удачные и острые стихи могли стать причиной позора всего племени и каждого его члена.

Нередко общий предок, цели, интересы, например в торговле, объединяли два или несколько племен вместе. Позже такие союзы, их экономический или политический успех привели к пониманию, что для дальнейшего успешного существования раздробленным племенам необходимо стать единой силой.

Общими у арабов были и верования в высшие силы. Уже до ислама у арабов было представление о высшем существе, творце. Он уже был известен под именем Аллаха, но эта вера не была основной и единственной в том обществе, не было культа, традиций и ритуалов (кроме жертвоприношений), связанных только с его именем.

Наряду с Аллахом также почитались джинны и гении, но главными объектами поклонений стали идолы. Камень, кусок дерева, любой другой предмет отождествлялся с божеством, которому приносили жертвы, ему не молились, скорее, его просили о

чем-либо. Подобный идол был у каждого племени, их считали дочерьми Аллаха (Крымский 2003, с. 46).

Интересно, что племенной идол часто ставился выше, чем творец, но в случае «невыполнения» идолом просьбы поклоняющихся его могли и оскорбить словесно, и воздействовать на него физически, следовательно, должного уважения к высшим силам тогда не было. Такие «взаимоотношения» с божествами перешли в фетишизм, но именно веры не было (там же, с. 49).

Уже тогда у арабов были места, которые считались священными. Так, Мекка, город, который в истории ислама занимает одно из главных мест, становится священным религиозным центром Аравии. Город был построен в середине V века н.э. (Большаков 2000, с. 44). А центром мы называем его из-за находящегося там храма, который назывался Кааба, он был построен Авраамом. В нем были собраны идолы всех племен и находился черный камень, считавшийся главной святыней. И этот камень станет в дальнейшем и мусульманской святыней. Территория этого города считалась неприкосновенной, там запрещалось нападать, грабить и убивать.

Следовательно, арабов тех времен можно назвать идолопоклонниками, но не всех. Было бы ошибочным считать, что ислам стал первой монотеистической религией на земле язычников, а знание о Боге пришло лишь с Пророком. В то время уже существовали люди, которые верили в единого Бога. Назывались они ханифитами (Мавлютов 1974, с. 13) и были последователями веры Авраама, которого считали своим общим предком (всех арабов) через его сына Исмаила.

Аравия была хоть и труднодоступным, но все же не изолированным регионом. Благодаря торговле, военным столкновениям, соседству с империями тогда арабам уже были известны и христианство и иудаизм, но охватить всю Аравию этим религиям не удалось. Следовательно, можно предположить, что в исламе присутствуют элементы иудаизма, христианства, а к ним прибавляются некоторые обычаи и элементы традиционной арабской культуры.

Объединение племен стало необходимостью, так как по территории Аравии проходил важный торговый путь, страна при-

обрела богатства, но отдельные племена без централизованной власти, общих законов вряд ли могли обеспечить безопасность своих территорий, неприкосновенность имущества. Объединить такие разные группы могла только новая сила — религия, так что можно сказать, что ислам возник вовремя и уже на подготовленной почве. Несмотря на все это, исламу пришлось пройти долгий и трудный путь становления и признания даже на своей родине.

Объединить арабов — попытка не из легких, хотя это один народ, но каждое племя можно рассматривать как отдельную общность, совершенно отличную от других. Различия можно найти во всем: быт, род деятельности, даже особенности характера, недаром каждое племя имело какую-то черту, характеризующую его. Например, одни славились храбростью, а другие — жадностью.

Да и новые идеалы, которые предлагала новая религия, арабам были чужды, так как они противоречили их традициям и культуре. И только надежда возвыситься среди арабского общества или другой, еще более глубокий мотив — расчеты на материальную выгоду — мог быть побуждением для этого народа (поэтому можно сказать, что люди принимали религию, но не обладали верой), насквозь пропитанного реализмом, последовать за Пророком, который проповедовал им что-то непонятное (Гольдциер 2003). Уже существующие монотеистические религии, хотя и были известны арабам (некоторые племена даже приняли христианство), все же были чужды этому народу. А. Е. Крымский, известный востоковед и арабист, считает, что благодаря христианству арабы не могли объединиться, так как эта религия «полна чудес», а арабы — реалисты, люди практичные, рассудок у них на первом месте. Иудаизм же — религия одного избранного народа (Крымский 2003, с. 52).

Будущая мировая религия возникла в первой половине VII века, поэтому она считается самой молодой монотеистической религией. Эпоху, которая предшествовала появлению ислама, позже назовут джахилийя. Это слово приобрело скорее отрицательный смысл — время безбожия и идолопоклонничества.

В чем же заключался смысл новой религии и почему она так долго и трудно приобретала своих последователей? В описании сущности ислама, его основных правил и догм мы отойдем от правильной исторической последовательности и хронологии, представим его основные черты и характеристики, которые он приобрел при Мухаммеде, и его современное классическое понимание как единого целого.

Ислам, самая молодая монотеистическая религия, зародился на Аравийском полуострове, но впоследствии расширил свои территориальные границы и вышел на мировой уровень. Он послужил объединяющей силой, пусть и не сразу, для разрозненных племен Аравии. В самом названии новой религии отражена ее основная идея, сущность: в переводе с арабского «ислам» означает «покорность» (Рамазанов 2008).

В исламе находят отголоски и заимствования из более древних монотеистических религий, например иудаизма и христианства. Критики утверждают, что ислам лишен оригинальности, а единственным новым элементом было лишь то, что Мухаммед объявил себя последним посланником Бога. Отметим, что исламом не отрицаются ни иудаизм, ни христианство, признается, что и до Мухаммеда были пророки (да и во время его жизни и сразу после смерти находились люди, называвшие себя пророками, например Асвад, Мусейлима, который впоследствии был объявлен лжепророком, пророчица Садхаж).

Самыми значимыми пророками считались Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус (Дози 2003, с. 255). Считалось, что каждый из них появлялся в трудный период существования человечества, через него Бог помогал людям, посылал откровения, которые нужны были именно в тот момент. Следовательно, можно сделать вывод, что Мухаммед предлагал не новую веру, а новый, правильный, по его мнению, путь для верующих.

Мухаммед был объявлен последним из пророков, то есть после него, какими бы ни были обстоятельства, сложности у человечества, как бы не менялось время и жизнь, откровений, а значит, божественной помощи, не будет. После последнего откровения прошло немало времени, поэтому если основные постулаты веры

носят вневременной характер, то законы и требования, например, в бытовой или социальной сфере жизни человека, возможно, могут устаревать (Нойвирт 2013). Факт «последнего единственно правильного откровения» послужил одной из причин возникновения радикальных течений в исламе.

Основные идеи этой религии оформились в религиозные догмы — пять основных предписаний ислама, его пять столпов, признание и соблюдение каждого — обязанность любого мусульманина.

Первая и самая главная догма, которая отражает саму суть религии, носит название «шахада». Она состоит из двух частей: в первой говорится о том, что нет Бога, кроме Аллаха, во второй признается пророческая миссия Мухаммеда. Каждый верующий признает два этих положения, а произнесения этого свидетельства вслух на арабском языке достаточно для того, чтобы принять ислам, стать мусульманином.

Второй принцип веры — обязательное совершение молитвы — саяят (Бибикова 2008, с. 22). Имеется в виду не только сам процесс моления, но и сопровождающие молитву ритуалы, например обряд очищения (как очищение тела, так и души). В день мусульманин обязан совершить пять молитв. По преданию, сначала обязательных молитв было пятьдесят, так было передано Пророку во время его вознесения. Но Мухаммед, зная, что молитва была для арабов в тягость, попросил сократить их число (Гольдциер 2003, с. 351). Молящийся обращается лицом к Мекке (раньше направление было на Иерусалим), он использует Коран, также возможна личная молитва. Женщины совершают моление отдельно от мужчин, присутствие в мечети для них не обязательно.

Третий столп ислама — паломничество в Мекку и Медину, или хадж. Для мусульманина это не только долг, но и мечта. Обычай восходит еще к доисламским временам, но с распространением ислама приобретает новое толкование и значение. Паломничество состоит из множества обрядов: семикратный обход Кабы, бег между холмами, кидание камней, принесение жертвы (Бибикова 2008, с. 32). Каждый ритуал имеет свое религиозное

значение и сопровождается присущими ему фразами. Образцом паломничества считается хадж Мухаммеда.

Еще одно предписание — пост в месяц рамадан, когда Мухаммед получил первое откровение — саум. До заката солнца мусульманин должен соблюдать строгий пост: отказ от еды, воды, контроль над своими мыслями и поведением. Через пост верующий очищается, приближается к Аллаху (Апшерони [б.г.]). От поста освобождаются те, кто не может его соблюдать по объективным причинам, например больные.

Пятым столпом является закят — налог, обязательные отчисления на дела мусульманской общины. Этот «фонд» может использоваться в качестве помощи неимущим, на эти деньги могли содержаться воины. Закон предусматривает минимальный процент этого налога, но так как верующими он воспринимается как некий вид очищения, бескорыстной помощи, что одобряется исламом, то размеры выплат часто превосходят официальные требования.

Наряду с закятом существует и еще одна форма пожертвования — садака (там же). Это добровольный дар, благотворительность, что в исламе также считается добродетелью.

Также новая религия предполагала наличие рая и ада, а значит, поощрения или наказания за поступки и мысли. Сама идея о загробной жизни противоречила традиционным верованиям арабов, у них даже не было такого понятия. Скорее то, что своими действиями араб навлечет позор на свое племя, осквернит имя предка, удерживало его больше, чем надежда на загробную жизнь в раю. Поэтому можно сказать, что арабы были ориентированы больше на прошлое, чем на будущее. Именно прошлое мотивировало, поддерживало, служило примером.

Противостояние добра и зла, рая и ада также нашло отражение в религии. И если Аллах — это добро, то воплощением зла и греха в исламе является демон Иблис, который был изгнан Аллахом за неповиновение — отказ поклониться человеку, самому совершенному творению. Именно Иблис склоняет человека к греху (Мавлютов 1974, с. 36).

Также идея о том, что судьба человека предопределена, является еще одной отличительной чертой ислама. Все, что должно слу-

читься, уже предначертано Аллахом, человек не может изменить свою судьбу. У арабов существуют понятия «кисмет» — удел, неизбежность, «мактуб» — то, что предначертано. Поэтому фатализм можно назвать национальной чертой арабского народа.

Как и у каждой религии, у ислама есть свои священные книги. Главная книга мусульман — Коран — несотворенное слово Божье, совершенная книга (Дози 2003, с. 188) (ее вариант на арабском языке, переводы не обладают подобной ценностью). Он содержит откровения, которые Мухаммед через ангела Джабраила получил от Аллаха (Мавлютов 1974, с. 44). Коран рассматривается как произведение искусства, как кладезь сокровенных божественных откровений, его главы — суры — имеют аллегорический смысл, постижение которого не всегда доступно человеку.

Коран — это не только священная книга религиозных откровений и предписаний, но и сборник законов, источник информации о жизни арабов и мусульман того времени.

Отметим, что в то время, когда жил и проповедовал Мухаммед, Корана (именно книги) не существовало, но после смерти Пророка возникла угроза потерять откровения. Поэтому халифом Абу-Бекром (халиф с 634 г.) было принято решение собрать существующие письменные отрывки будущего Корана, которые находились у мусульман. Эта работа была поручена Зейну ибн-Табиту. Но так как у людей были разные варианты отрывков, и каждый придерживался своего, третий халиф Осман решил издать официальный единственно правильный вариант Корана, а прочие варианты уничтожить (Дози 2003, с. 172). Конечно, такой подход не мог не вызвать критику и подозрения относительно справедливости отбора текстов в Коран. Особый интерес вызывали варианты, которые в него не вошли. Создавались даже альтернативные версии Корана (Климович 1986, с. 73). Поэтому можно говорить о том, что уже в то время существовали противоречия в исламском мире.

Коран отличается сложной структурой: он разделен на 114 глав (сур). Их расположение по размеру (начиная от длинных, заканчивая короткими) также вызывает вопросы исследователей. Да и сам смысл сур, возможно нарушенный в угоду рифме, редко имеет прямое значение.

Все эти сложности нуждались в разъяснении, поэтому к Корану пишутся комментарии, разъясняются те или иные его положения. Эти комментарии не только религиозного характера, есть исторические, философские, филологические комментарии. Тем не менее и комментарии не приводят к единственному правильному пониманию Корана. Его неоднозначность допускает возможность трактовки священных текстов, что приводит не только к появлению и разнообразию направлений и течений внутри ислама, которые образуются из-за принципиальных религиозных несогласий, но и к возникновению радикальных групп. Их трактовка Корана, его неоднозначных частей помогает оправдывать религией свои действия.

Вместе с Кораном мусульмане почитают также Сунну — слова, поступки Мухаммеда, а также то, что одобрялось Пророком и против чего он не высказывался. По замечанию Р. Доzi, голландского арабиста и исламоведа, от основателя религии восточные народы ждут не только разрешения религиозных вопросов: они требуют также, чтобы он установил для них и государственный строй, и право, и порядок обыденной жизни — до мельчайших подробностей, чтобы он предписал, как им надо одеваться, как причесывать бороду, как есть и пить (Крымский 2003, с. 221). Поэтому образцом послужили слова и поступки самого Пророка, он стал примером для всех мусульман не только в вере, но и в обычной жизни.

Хадисы, части Сунны, — сообщения свидетелей, предания, тексты о действиях, словах Мухаммеда. Они служат источником информации для верующего: какие действия в быту или в религиозном обряде разрешены, а какие запрещены, как правильно выполнять эти действия. Также каждый хадис содержит информацию о том, от кого он был получен. Самые ранние предания были утеряны, до нас дошли только некоторые цитаты. Отметим, что свидетельства от людей, которые лично знали или видели Пророка, считаются наиболее авторитетными не только в жизни верующего, но и при вынесении решений в спорах и тяжбах в шариатских судах, которые руководствуются хадисами как законами. Также учитывается количество «передатчиков»

хадиса. Это делается для того, чтобы определить достоверность свидетельства, наряду с общепринятыми хадисами существуют и «ложные». Так как это именно свидетельства, которые проверить точно никто не мог, то нередко они придумывались, создавались с определенной целью, например оправдать то или иное действие радикального религиозного лидера (Хадис [2015]).

Так как хадисов было довольно много, они были получены от разных свидетелей и находились в разрозненном состоянии, возникла необходимость создать связную историю жизни Мухаммеда, чтобы верующие имели единый и полный источник информации. «Житие Посланника» ибн-Исхака (Крымский 2003, с. 146) стало первой такой попыткой.

Приведем пример религиозного хадиса о пяти столпах ислама: «Передают со слов Ибн 'Умара, да будет доволен Аллах ими обоими, что посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: "Ислам основывается на пяти (столпах): свидетельстве о том, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммад — посланник Аллаха, совершении молитвы, выплате закята, совершении хаджа к Дому (Аллаха) и соблюдении поста в рамадане"» (Хадисы [б.г.]).

Утверждение, что ислам регулирует все сферы человеческой жизни, подтверждается следующим хадисом: «Передают со слов Абу Хурайры о том, что пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: "Если бы я не обременил (этим) верующих, то велел бы задерживать вечернюю молитву и использовать зубочистку (сивак) перед каждой молитвой"» (Абу Дауд [б.г.]). Этот хадис представляет собой частную и совершенно конкретную рекомендацию, норму. Отметим, что разные направления ислама признают каноническими разные хадисы. Так, сунниты пользуются исключительно своими сборниками, а шииты — собственными.

Мусульманское право, которое основано на Коране и Сунне, неотделимо от религии. Шариат, как задумывалось, должен был стать универсальным законом для мусульман не только потому, что законы шариаты распространялись на всех верующих, но и потому, что он регулировал все сферы жизни человека.

Все поступки человека делятся на обязательные, рекомендуемые, разрешенные, неодобряемые и запрещенные. Осуждались и наказывались законом действия, которые не находили одобрения в Коране или Сунне. Вне исламского мира закон шариата считается одним из самых строгих, даже жестоким, например забрасывание камнями или отсекаание руки за воровство (Королев 2005, с. 244), но также и самым действенным, там, где соблюдают этот закон, практически сошли на нет воровство, убийства и т.д. Но не только закон и боязнь наказания сдерживают мусульманина. Ответ в судный день и стыд — внутренние ограничения, которые тоже играют важную роль.

Казалось бы, равенство перед Богом и законом — еще одна идея для объединения последователей этой религии, но и тут возникли споры. Наряду со священными текстами некоторые правовые школы (суннитские) признают кияс и иджму. Кияс — суждение по аналогии, в практике находится прецедент, и решение по новому делу выносится на его основе. Иджма — мнение общины, позже знатоков священных текстов. Кияс и иджма отвергаются фундаменталистами, традиционалистами и радикально настроенными группами. Кияс не признавали из-за его сложности, возможности ошибки, а иджма не вызывала доверия, потому что основывалась не на конкретном священном тексте, а на людском несовершенном мнении. Традиционалисты наделяли официальным статусом только консенсус первого поколения единомышленников Мухаммеда, передаваемый хадисами (Ходжсон 2013, с. 297).

Страны арабского мира могут жить как по законам шариата, например Саудовская Аравия, или не придавать шариату официальный статус, лишь частично руководствуясь им.

Ислам, его сущность и догмы, законы и нормы тесно связаны с человеком по имени Мухаммед. Также возможны варианты написания: Мохаммед — произношение и написание, укоренившееся в русских текстах, правильно будет Мохаммад, а Магомет считается неправильной формой (Крымский 2003, с. 38). Пророк был именно смертным человеком, который избран нести слово Аллаха. Так, мусульмане, признавая Иисуса Христа, также счита-

ли его одним из пророков, но отказывали в божественном происхождении.

Мухаммед родился в 570 или 571 году н.э. (Мавлютов 1974, с. 15) или (по мусульманскому преданию) 20 апреля 571 года (Крымский 2003, с. 57) (дата все равно остается условной) в Мекке. Он принадлежал к знатному арабскому племени курайши, которому удалось завоевать особое место себе в арабском обществе: Мекка находилась под их покровительством. Семью Мухаммеда нельзя было назвать богатой: единственной настоящей ценностью, которую приписывают именно этой семье, был находящийся на их земле колодец Замзам.

В двадцать четыре года Мухаммед поступил на службу к богатой вдове Хадидже, которая станет его первой женой, а также первым человеком, который примет ислам.

Личность Пророка до сих пор вызывает споры в научной среде. Одни исследователи идеализировали и восхваляли Мухаммеда. Другая крайность состояла в том, что ему даже ставили диагнозы современные врачи, подвергали сомнению душевное здоровье, а его личную жизнь рассматривали под микроскопом. И если его последователи делали это с целью понять, что можно, а что нельзя мусульманину, считая Мухаммеда примером для подражания во всем: от молитвы, до его поведения в бытовых ситуациях, — то исследователи пытались дискредитировать Пророка, найти несоответствия в его учении.

В защиту приводим мнение, что самозванец или больной не мог бы основать религию, которую потом примут миллионы, а сам, будучи арабом по происхождению, трепетно относился к собственной чести, поэтому не мог бы просто так терпеть оскорбления и лишения, которые выпали на его долю. Как человек он имел и человеческие слабости и мог в чем-то ошибаться.

Первое откровение Мухаммед получил уже после сорока лет. По преданию, на горе Хыра, «Горе света», ему явился ангел Джабраил и сказал: «Читай» (Климович 1986, с. 67). По другой версии, это было слово «проповедуй», такой вариант появился из-за того, что Пророк все-таки получал сообщения не из книги, а в качестве откровений.

После первых посланий Мухаммед долгое время не получал новых, это заставило Пророка сомневаться в себе, в своих поступках, в том, достоин ли он нести слово Аллаха. Как уже было сказано, первым человеком, который поверил Мухаммеду, принял его учение, была Хадиджа, она поддерживала его в трудные времена. Пророк воспринял отсутствие посланий как урок смирения, и послания не заставили себя ждать.

Первыми последователями стало близкое окружение Пророка — его семья, близкие друзья. Например, богатый торговец Абу-Бекр не только принял ислам, но помогал распространению религии, оказывал финансовую поддержку.

Несмотря на весь труд Мухаммеда и его последователей, за первые три года приняли ислам не более сорока человек (Крымский 2003, с. 72). Существовала группа сочувствующих, которые, хоть и не приняли веру, возможно из-за страха, но разделяли идеи Мухаммеда. Последователи стали называться «мослим» («муслим»), то есть повинующиеся, покорные Богу.

Новую религию охотно принимали люди, которые не принадлежали к высшим слоям, а были, например, рабами. Возможно, их привлекала идея равенства верующих перед Богом.

Мекканская элита поначалу равнодушно относилась к новому учению, оно не имело многочисленных последователей, да и арабы обладали терпимостью по отношению к верованиям. Учение стало представлять опасность, когда Пророк начал критиковать многобожие и идолопоклонничество, а значит, подвергать сомнению «государственную», всеми признанную религию, расшатывать сами основы существования арабского народа. Началось преследование тех приверженцев религии, за которых некому было вступить (эту религию принимали рабы, женщины). Так появились первые мученики ислама. У таких действий были и материальные предпосылки. Если бы жители Мекки приняли ислам, они автоматически отказались бы от идолов, от идолопоклонничества, а значит, вступили бы в конфликт с другими племенами. И общая для всех святыня, находящаяся на территории Мекки, стала бы недоступной для язычников. Таковы политические причины.

Были еще и экономические: торговые караваны мекканцев не могли бы проходить по территориям других племен, из-за религиозных противоречий знать понесла бы немалые убытки, если вообще не оказалась бы без средств к существованию.

Со временем оказалось невозможным игнорировать учение, которое приобретало все большую популярность, преследовать его последователей, которых становилось все больше. И перед Мухаммедом было поставлено условие, которое могло бы примирить новую религию и арабские традиционные верования. Пророк и его учение будут признаны, если он упомянет в своих проповедях божеств наиболее сильных соседних племен: богинь Аль-Лат, Оззу и Манат (там же, с. 84).

Мухаммед согласился на сделку, признал богинь и таким образом буквально разрушил основу своей религии: ведь нет Бога, кроме Аллаха. Осознав свою ошибку, Мухаммед отрекся от своих слов. Последователи и семья Пророка подверглись еще большему давлению. Ислам мог бы погибнуть, так и остаться неизвестной религией с малым количеством последователей, но Мухаммед получает поддержку двух сильных племен, которые властвовали в городе Ясриб (Медина [б.г.]), который позже стал Мединой, городом Пророка.

Племена Мекки и Ясриба соперничали между собой, в том числе из-за происхождения. Мекканцы, северные арабы, считали мединцев, земледельцев по роду деятельности, ниже себя. Кроме того, и в самом Ясрибе племена вели междоусобную борьбу. И по этим двум причинам — «отомстить» мекканцам, принять члена их племени, опального Пророка, а также воспользоваться его идеями, чтобы объединить враждующие племена на своей территории, — Мухаммеда и его религию признали в Медине. Мусульмане начали массово выезжать из Мекки в Медину, где они могли мирно жить, и силой их никто не останавливал, так как род был важнее религии (Матвеев 2005, с. 128). Но против самого Мухаммеда зрел заговор, считали, что если убрать Пророка, то сама религия прекратит свое существование, и вернется прежняя жизнь. Чтобы не навлечь на себя месть племени Мухаммеда, из каждого рода был выбран представитель: если Пророка убьет группа, то виноваты будут все.

Пропроку пришлось бежать из Мекки в 622 году. Во времена халифа Омара эта дата стала считаться началом мусульманского летоисчисления. Отметим, что к 622 году последователей было около семидесяти человек.

В Медине Пророк и его последователи начали строительство мечети, которая была не только местом для молитвы, но и залом собраний. Уже тогда закладывались традиции веры, знакомые современному мусульманину. Муэдзин, возвещающий о времени молитвы, произносил призыв, формула которого осталась неизменной до сих пор. Также со времен Пророка пятница стала днем, когда верующий обязательно должен был посетить мечеть для молитвы.

Влияние и авторитет Мухаммеда росли, если сначала его воспринимали как духовного главу, то со временем он стал решать гражданские или бытовые дела. Так влияние религии распространилось практически на все сферы жизни человека.

Пророк провозглашал равенство всех мусульман, но в то же время знал, что эта идея чужда арабам, поэтому сделал мудрый ход: между жителями Медины и своими соплеменниками, которые бежали с ним из Мекки, устанавливал особые отношения, так называемое побратимство (Крымский 2003, с. 98). Эти отношения приобретали особый статус: они считались даже ближе родственных. Следовательно, религия если не заменила до конца, то дополнила родственные узы, тем самым она стала новой основой общества.

И все же полностью преодолеть сопротивление некоторых племен пока не удавалось. Религия налагала ограничения и запреты на традиционные для араба вещи. Запрещалось пить вино, которое даже прославлялось в творениях поэтов. В исламе прощение обиды не являлось слабостью, а арабы считали слабым того, кто не отомстил. Религия несет идею равенства, стирает племенные различия. Но может ли так просто забыться древняя вражда? Происходившие между племенами стычки нередко заканчивались смертью воинов, а ислам запрещает убийство единоверцев. Самое главное — религия говорила о том, что предки арабов, которые не знали истинной веры, жили неправильно и несправедно. Подобные

нападки на предков вызвали не только принципиальное несогласие, но и отрицание, неприятие религии.

Да и в Медине Мухаммед не мог спокойно жить и проповедовать. Его не отпускала мысль о том, что жители его родного города не обратились в «истинную религию». Этот факт и притеснение мекканцами мусульман, оставшихся в городе, возможно, вошли в число причин объявления войны Мекке.

Успешные нападения на караваны, последующая битва при Бадре, закончившаяся победой войска Мухаммеда, привлекли новых союзников и принесли добычу. Успехи не всегда сопровождали Мухаммеда, и если его победы укрепляли веру мусульман в Аллаха, то поражения заставляли усомниться в правильности пути, в предназначении Мухаммеда. Во время этих событий Пророку были откровения о джихаде, еще одном положении ислама, споры о его смысле не утихают до сих пор. Мухаммед обещал тем, кто убит на священной войне, рай. Откровения о джихаде неоднозначны, до сих пор исследователи и комментаторы Корана не могут определить, какую войну подразумевает и разрешает джихад — наступательную или только оборонительную (Крымский 2003, с. 271). Возможность трактовки этих откровений используется радикальными группами, которые считают, что нести ислам можно и насильственным путем.

Нельзя утверждать, что религия распространялась исключительно с помощью силы, а обращали в нее против воли. Ислам люди принимали и из-за политических соображений — принадлежность к набирающей силу религиозной общине сулила и материальные выгоды: часть общей добычи или помощь в торговых делах.

Мухаммед, неся людям ислам, не ограничился своим народом и Аравией. Известен факт, что Пророк послал правителям Персии, Сирии, Египта, Византии письма (по другой версии, послов), в которых требовал принять ислам (Соловьев [б.г.]). Кто-то это увещевание проигнорировал, а, например, Египет ответил дружеским посланием. Несмотря на то что этот поступок нельзя считать результативным в плане приобретения новых последователей, сам факт указывает на рост влияния Мухаммеда и ислама уже не только в масштабах Аравии.

Поход на Мекку, состоявшийся примерно в 630 году, закончился ее захватом и обращением жителей в ислам. Мухаммеду было не суждено увидеть дальнейшего успеха своей религии — 8 июня 632 года Пророк умер и был похоронен в Медине (Крымский 2003, с. 142). После его смерти ислам не исчез, последователи Мухаммеда смогли сохранить его наследие, расширить границы исламского мира. И все же в мусульманской общине возникли проблемы и разногласия: в то время, когда жил Пророк, со всеми спорными вопросами о религии, жизни, обращались напрямую к посланнику Бога. Его решения были авторитетны, принимались всеми как истина. После его смерти не стало и единственного источника знаний об исламе, Аллахе, правильной жизни верующих. Можно предположить, что именно это сделало возможным появление различных направлений и течений в религии, в исламе произошел раскол (и даже не один).

Мусульманам требовался новый вождь и духовный лидер. Выбрать первого наследника Пророка не составило труда: им стал Абу-Бакр (Бекр), союзник и тесть Мухаммеда. Первый халиф («следующий по пятам Пророка») (Королев 2005, с. 157) столкнулся с тем, что после смерти Мухаммеда многие приверженцы стали отступать от веры. И это отступление носило отнюдь не мирный характер: нападения, появления лжепророков со своими маленькими армиями. В битвах были убиты многие знатоки Корана, именно этот факт привел Абу-Бакра к мысли, что сохранять и передавать Коран лучше в письменном виде.

Первому халифу сопутствовала удача в сражениях: благодаря своим победам он получил прозвище «Покоритель Сирии» (там же). Правда, скорая гибель помешала Абу-Бакру выполнить все задумки по укреплению положения ислама в Аравии и за ее пределами.

Преемник первого халифа Омар (Умар) ибн Хаттаб — еще один союзник Пророка и его зять. Как мы можем видеть, ценность родственных уз для арабов не потеряла своего значения. Следует отдать должное военному гению этого халифа: за десятилетие его правления к исламскому миру присоединились территории современной Сирии, Иордании, Палестины, Ливана, а

также Египет (Рамазанов 2008). Такие успехи мусульмане воспринимали как знак, что они следуют верным путем, путем ислама.

Так ислам вышел далеко за пределы Аравийского полуострова. При Омаре было введено новое летоисчисление (начало — переселение Мухаммеда в Медину), установлены налоги, построены новые города. Он развил, укрепил и усовершенствовал все то, что было создано Пророком и первым халифом. Омар, которого почитали и уважали, был убит рабом.

В 644 году во главе мусульманской общины стал Осман (Усман) бин Аффан, при котором халифат расширил свои границы в Северной Африке и Закавказье (Королев 2005, с. 169). Этот халиф вошел в историю не только благодаря своим завоеваниям. При нем был утвержден единый текст Корана, но то, что Осман сам определил какие тексты войдут в редакцию, а какие — нет, вызвало протест среди верующих. Недовольство халифом возрастало. Ко всему прочему, при распределении высших должностей он отдавал предпочтение своим родственникам. Халиф Осман бин Аффан также не избежал насильственной смерти — был убит во время бунта.

Четвертым халифом, благодаря общине, Аише, одной из жен Мухаммеда, стал Али ибн Абу Талиб (Рамазанов 2008), двоюродный брат Пророка и первый мужчина, принявший ислам. И если до Али в мусульманской общине все обходилось спорами, стычками, то факт избрания Али халифом привел к первому расколу в исламе, и два этих направления не примирились до сих пор.

Причиной раскола стало то, что род Омейядов, к которому принадлежал Осман, считал, что следующим халифом должен стать представитель их рода. Явное превосходство войск Али в последующем столкновении, казалось бы, должно было решить проблему, и Али вышел бы победителем. Хитростью халифа заставили пойти на переговоры. Несогласные, посчитавшие приглашение Али на переговоры, слабостью, образовали еще одно направления в исламе (Али ибн Абу Талиб [2014]). Его приверженцы хариджиты избрали своего халифа Абдаллаха ибн Вах-

ба. Али погиб от рук хариджита. Следующим халифом был избран сын Али Хасан.

Конечно, династия халифов на этом не прекратилась, первые четыре халифа были названы праведными, при их правлении ислам развивался и завоевывал новые территории и приобретал новых последователей. Противоречия, споры никогда не оставляли исламский мир, именно при Али приверженцы ислама окончательно разделились на шиитов и суннитов.

В исламе, который объединял огромные территории и разные народы, возникают направления со своими идеями, идеалами и пониманием ислама. Возникает вопрос: можно ли теперь считать религию объединяющим фактором? Эти группы существуют до сих пор, но и они, в свою очередь, делятся на течения, а некоторые приобретают радикальный характер, но все они образуют исламский мир. Жизнь стран Аравийского полуострова также подвержена влиянию религии, поэтому то направление ислама, которого придерживаются жители той или иной страны, определяет и характеризует и другие сферы жизнедеятельности, например политику, экономику и т.д.

Два основных направления ислама — суннизм и шиизм. Раскол, как было упомянуто выше, произошел во времена халифа Али, противоречия между представителями этих направлений не преодолены до сих пор. Сунниты доминируют в исламском мире по численности, но шииты остаются силой, которую невозможно не учитывать.

Раскол стал возможным не только из-за религиозных противоречий, но и из-за политических — борьбы за власть в халифате. Противоречия рождались из-за того, кому принадлежит верховная власть в мусульманской общине — потомку племени курайшитов, к которому принадлежал Пророк, или только прямому потомку Мухаммеда.

Наряду с суннитами и шиитами существовали хариджиты, последователи самого строгого исламского движения, первыми отколовшиеся от основного направления ислама. Равенство верующих перед Богом и законом, примирение всех противоборствующих групп мусульман — основные идеи этого направления.

Шариат считался главным средством создания и поддержания единства и порядка в мусульманской общине. После VIII века это направление постепенно утратило свою значимость.

Оговоримся, что направления ислама нельзя называть и считать сектами. Вводится понятие «фирка» — способ мышления (Ходжсон 2013, с. 73). Поэтому одновременно возможно существование нескольких толков ислама. Направления, школы, фирки возникали уже во времена первых халифов: мурджиа, усманийя (признавали Османа), мутизила (не делали различия между Али и Османом), хариджиты (не признавали ни Али, ни Османа).

Особое место в то время занимало манихейство — учение, положения которого сформулированы еще в III веке. Его последователи считали пророком Мани, который жил позже Христа на два века, проповедовали аскетизм, деление всего на дух (который должен был восторжествовать) и материю (которая должна была подчиниться духу). Мусульманская община категорически не принимала это учение, возможно, считая его одним из главных соперников и угрозой исламу. Такое давление привело к тому, что последователей манихейства становилось все меньше. Арабское название этого учения — зандака — стало означать любую запретную ересь (там же).

Суфизм — еще одно мистическое и древнее направление, возникшее в рамках ислама, предполагающее отказ от материальных благ и аскетизм. Во главу это учение ставило личные переживания человека, который идет по пути веры, особое внимание уделялось самоанализу и метафизике. Коран в суфизме не воспринимался буквально, искались скрытые смыслы, учитывался «внутренний отклик» человека, читающего Коран.

Критики суфизма отделяют его от ислама, обвиняя в подрыве религиозных авторитетов, свободомыслии, отходе или нарушении догм ислама, уходе от земных проблем (Степанянц 1987, с. 65). Отметим, что А. Е. Крымский, советский востоковед, считал, что появление направлений и течений в исламе связано с тем, что в исламе взяли вверх языческие воззрения (Крымский 2003, с. 222). Это мнение мы также учитываем, но в комплексе с другими причинами.

Итак, вернемся к двум основным направлениям ислама. В чем же все-таки заключаются их различия? Основное состоит в том, что сунниты призывают к неукоснительному следованию Корану и Сунне, а шииты признают в Сунне только хадисы от потомков Пророка, предания и изречения Али (Королев 2005, с. 262). Главное противоречие вызывает вопрос о том, кто может возглавить мусульманскую общину.

Шииты — последователи Али, считали, что именно ему и его потомкам принадлежало и принадлежит право возглавлять мусульманскую общину. А те верующие, кто отвернулся от Али, назывались отвернувшимися от истины (Ходжсон 2013, с. 33). Также последователи этого направления считали период жизни Мухаммеда и правления Али временем «правильного» (чистого) ислама. У шиитов даже есть сура «Два светила» о Мухаммеде и Али. Даже если последнего они почитали не в качестве пророка, то все равно наделяли особым статусом. Истинными хадисами шииты признают только те, которые получены от семьи и потомков Али.

У шиитов есть свои святыни, например усыпальницы и могилы наиболее уважаемых последователей ислама. Почитают также и Фатиму, дочь Мухаммеда, что суннитами воспринимается как отход от принципа единобожия (Мавлютов 1974, с. 73).

Также отличительной чертой шиитов является вера в скрытого (исчезнувшего) имама, человека, представляющего волю Аллаха на земле и обязательно принадлежащего к роду Али. После смерти Али у шиитской общины халифами стали его сыновья, после их гибели сложилось учение об имамах. В шиизме не установлено точное количество имамов, например, у исмаилитов их семь, а большинство считают, что имамов двенадцать (Степанянц 1982, с. 35). Разное толкование этого учения раскололо уже само направление шиизма. Дело в том, что у потомка Али Джасфара ас-Садика было трое сыновей — Исмаил, Абдаллах и Муса. Так, по учению исмаилитов, Исмаил был шестым имамом, седьмым — его сын Мухаммед, которого считали скрытым имамом. Из исмаилизма, в свою очередь, вышло направление друзов. Двунадсятники, или имамиты, признают имамом Мусу, а скрытым

имамом считают сына одиннадцатого имама Хасана ал-Аскари (Мавлютов 1974, с. 270). Все же, несмотря на разногласия, предание о скрытом имаме (Махди) объединяет шиитов. Оно гласит, что перед Страшным судом имам явится миру и возродит истинный ислам.

Кроме вышеперечисленных течений шиизма, существуют еще зейдиты — умеренные шииты, которые отрицают идею скрытого имама, а алавиты даже имеют отдельную священную книгу на основе Корана.

Сунниты — «люди сунны» и последователи Муавии, признавали всех халифов в отличие от шиитов. Исследователи находят недостаток термина «суннизм»: часто ошибочно считают, что шииты — раз уж их противопоставляют суннитам — не признают хадисы и Сунну. Поэтому в качестве более точного термина предлагают «джамаизм», так как спорный момент заключается в признании исторического единства — джамаа (Ходжсон 2013, с. 247).

Сунниты считают, что следование Сунне, ее буквальное восприятие — обязанность любого мусульманина. Также в суннизме существует четыре равнозначные правовые школы — малакитская, шафиитская, ханифитская и ханбалитская (распространена на Аравийском полуострове) (Браницкий, Корнилов [б.г.]).

Из суннизма вышли джамаилиты, мутазилиты, приверженцы интеллектуальной и философской трактовки веры (само направление постепенно исчезло), хадиситы, считавшие хадисы главными авторитетными текстами, а Коран — «частицей Бога» (Ходжсон 2013, с. 345).

В наше время в процентном выражении сунниты составляют примерно 90% от общего числа мусульман в мире (на 2013 год в мире было 1 757 292 623 приверженцев ислама (Сколько [2013]), в 2014 году число превысило два миллиарда (Muslim [s.a.])).

По мнению исследователей, раскол не преодолен до сих пор из-за принципиального противостояния этих двух направлений, неумения и нежелания выслушать друг друга, для последователей того или иного направления примирение означает предательство своих догм веры.

Особое место в исламе занимает ваххабизм — движение в рамках суннизма, которое возникло в XVII веке в Аравии. В основу этого направления легла доктрина Мухаммеда ибн Абда аль-Ваххаба, который считал, что мусульманскую общину необходимо вернуть на истинный путь, к нормам истинного единобожия (Васильев 1999, с. 69), а все сферы жизни человека должны регламентироваться только законами Аллаха. Ваххабиты признавали Коран и Сунну, но отрицали иджму и кияс (Степанянц 1982, с. 30). Поэтому приверженцев этого направления можно назвать традиционалистами. Почитание первых последователей Мухаммеда, халифов, возведение в сан святых, паломничество к могилам Мухаммеда, Фатимы — все это аль-Ваххаб считал идолопоклонничеством, отходом от истинного ислама. Доктрина исключала любой культ, поэтому и суфизм, и шиизм, и любые другие направления ислама считались неправильными, а мусульман, которые отошли от истинной веры, признавали неверными, как и христиан, и иудеев. Враждебное отношение к неверным придает джихаду в рамках этой религии особый статус: разрешена вооруженная борьба с неверными.

Мухаммеда ваххабиты считали обычным человеком, которого нельзя обожествлять, но признавали четырех первых халифов, считали ислам их времени «правильным». Особое отношение было к власти: ее нельзя слушаться, усомниться в правильности ее действий.

Мекка и Медина также оказались под контролем ваххабитов. Они разрушали гробницы, даже гробницу Мухаммеда, убивали неверных. Так продолжалось до 1818 года, пока османы не смогли остановить ваххабитов (Ходжсон 2013, с. 1148). Но учение не погибло, идеи и принципы этого направления ислама до сих пор существуют. Доктрина аль-Ваххаба имела огромный успех, она смогла объединить верующих: «ваххабитский» эмират династии Саудитов оказался настолько могущественным, что продолжал существовать еще долгие годы после смерти его идеолога. Поэтому Саудитов до сих пор правят Саудовской Аравией, одной из самых сильных стран Аравийского полуострова, ваххабизм стал официальной религией этой страны, и страна живет по стро-

гим законам шариата. Оговоримся, что современный ваххабизм можно назвать умеренным (Королев 2005, с. 282).

В исламском мире также существуют крайние формы ислама, радикальные группировки. Часто их относят к фундаменталистам, оговоримся, что правильнее относить их к крайним, воюющим фундаменталистам. Цель радикально настроенных группировок — создание единого исламского государства, в основу которого положены законы шариата. Возможными причинами их появления, как мы отмечали раньше, стали неоднозначность Корана и других священных текстов, возможность их трактовки часто в угоду собственным целям, несогласие с существующим положением дел в стране. Радикализм использует искаженные идеи панисламизма и доктрины, например аль-Ваххаба.

Деление лишь на черное и белое, отказ от компромисса, поразительная активность и деятельность, вырывание цитат из контекста и нарушение логики священных текстов, приверженность крайним идеям, экстремизм и использование крайних методов — вот как можно охарактеризовать радикальные группы.

Крайней мерой воцарения ислама в мире становится терроризм — это тактика или стратегия группы, заключающаяся в систематическом, организованном и идеологически обоснованном использовании терактов для достижения цели (Коровиков 1990, с. 11). Террористический акт можно считать современным методом ведения джихада. Теракт — это действие, усилие, провокация, способ психологического воздействия на общество, чтобы добиться выполнения своих требований, чаще всего в политической сфере (там же, с. 10), а также публичное выступление, даже спектакль, в котором СМИ играют одну из главных ролей.

Так как в основе радикальных учений лежит религия, то «благодаря» использованию религиозных идей становятся возможными самые страшные теракты, например, обещанием рая террористу-смертнику.

Мусульмане, которые не являются приверженцами радикальных идей, также находят действия радикалистов недопустимыми.

Приверженцы радикализма не могут добиться единения даже в своих кругах. Наличие большого количества радикальных орга-

низаций — тому подтверждение. Их вдохновляет исторический пример: Мухаммед с небольшим количеством последователей смог изменить существующий порядок. Наравне с религиозными целями группировки также преследуют экономические и политические цели.

Событием, заложившим основу для выхода экстремизма сначала на египетскую, а потом на общеарабскую политическую арену, считают поражение арабских государств в войне 1967 года (Коровиков 1990, с. 23).

Наличие радикальных организаций опасно и для мусульманских стран. Так, страна, живущая не по законам шариата (исключительно по ним), может быть признана неверной. Ведь Аллах уже создал законы, и человек должен им следовать, а не создавать свои. По логике, правителя и народ этой страны также можно назвать неверными. Последователи ислама, которые отошли от «правильной», с точки зрения радикальных групп, религии, больше не являются мусульманами.

И хотя традиционное уважение к правителю сохраняется, все же радикальные группы допускают возможность если не свергнуть правителя, то хотя бы указать на его ошибки. Так, даже Саудовской Аравии не удалось избежать давления радикалистов. В 1979 году была захвачена мечеть, радикальная группа обвинила правящую семью в коррупции, сотрудничестве с США, отсутствии политических свобод (там же, с. 59).

Ж. Кепель, французский политолог и арабист, считает, что радикализм и исламизм находятся на стадии ослабления, а вскоре их ждет и полное поражение (Кепель 2004, с.9). Недавние события, например действия группировки «Исламское государство Ирака и Леванта», позволяют не согласиться с этим утверждением и даже предположить усиление радикальных группировок.

Мы рассмотрели основные идеи и догмы ислама, его главные направления и течения. Эти движения, их противоречия формировали историю и создавали современную картину исламского и арабского мира.

Сейчас ислам — это мировая религия с множеством последователей, которые проживают практически во всех странах. В 28 стра-

нах, например, в Саудовской Аравии, Египте, Кувейте, ислам имеет статус государственной религии (Браницкий, Корнилов [б.г.]). Особая культура, язык, ценности и традиции — все это стало возможным благодаря исламу. Если говорить о направлениях ислама, то шииты преобладают в Бахрейне, их общины есть в Кувейте, Саудовской Аравии. В остальных странах исповедуют суннизм.

Аравийский полуостров, место зарождения ислама, продолжает занимать важное место. На его территории находятся Саудовская Аравия (97%), Оман (97%), Йемен (99,5), Бахрейн (99,5%), Катар (81%), ОАЭ (80%), Кувейт (87%), и ислам занимает далеко не последнее место в жизни этих стран (в скобках указан процент мусульманского населения в стране на 2013 год (Сколько [2013])).

Количество мусульман в мире растет. Благодаря своей гибкости и способности приспосабливаться ислам проникает во все сферы жизни общества и государства, присутствует в политике, экономике, социальной сфере и «захватывает» новые, например медиа. Несмотря на существование радикально настроенных фундаменталистов (присутствие которых характерно не только для ислама), приверженцев «старого» ислама, существуют и модернисты, готовые к диалогу. Идея создания идеального исламского государства до сих пор не оставляет мусульманскую общину, тем более что их история знает такие примеры.

Ислам, его традиции, идеи, законы, сложны для понимания немусульманина, но и сами мусульмане часто расходятся в вопросах веры. Сложность и многогранность этой религии можно проиллюстрировать так: изучение ислама, трактовка и интерпретация его догм и законов являются одной из сфер научной деятельности мусульманских исследователей, а присуждаемые степени показывают совместимость науки и религии: магистр исламских наук, доктор исламских наук. Стереотипы и предрассудки относительно ислама, мусульман, арабов, а также существование крайних форм религии еще больше затрудняют понимание ислама.

Доисламская история Аравийского полуострова и история ислама показывают, какие разные общности объединила и продол-

жает объединять религия, какие факторы разделяют и арабский народ, и исламский мир. Сложность этих взаимоотношений тянется из прошлого, а современные реалии еще только добавляют проблем и вопросов.

Попытки объединить арабский мир строились на национальной и религиозной общности. Эти идеи позже стали основами двух доктрин: панарабизма (объединение на основе национальной принадлежности) и панисламизма (объединение на основе религии). До сих пор ведутся дискуссии о том, как соотносятся эти два понятия, до сих пор исследователи не могут прийти к единому выводу: панарабизм и панисламизм — это противоположные, несовместимые явления или «союзники», дополняющие друг друга. Становится понятным, что автономно они существовать не могут, так как слишком тесно связаны религия (ислам) и арабский мир. С другой стороны, история возникновения этих идей, да и сами их основы находятся в некоторой несогласованности, а в чем-то даже противоречат друг другу.

Предпосылки возникновения панарабизма и панисламизма мы находим еще во времена становления и распространения ислама, да и сам ислам изначально был призван объединить разобщенные арабские племена, поэтому его возникновение частично может рассматриваться как попытка объединить арабский мир Аравийского полуострова. Самих идеологий тогда не существовало, оформление в доктрины произошло позже, несмотря на то что попытки объединить народ по национальному и религиозному принципам предпринимались задолго до этого.

Чтобы определить, как и в каких сферах идеи панарабизма и панисламизма воплощаются в настоящее время, рассмотрим историю их становления и изменения, основные положения, принципиальную разницу между ними.

Панисламизм именно как доктрина, течение сформировался во второй половине XIX века. Религия уже давно вышла за пределы Аравийского полуострова, приобрела новых последователей и стала неким связующим звеном сначала арабского мира Аравии, а затем и всего исламского мира. Так, М. Т. Степанянц, философ, исследователь восточных философий, считает ислам

первой попыткой объединения тогда еще разрозненных племен Аравии (Степанянец 1982, с. 108). До ислама в Аравии общество строилось по родовому признаку, но Мухаммед осудил этот принцип, он провозгласил братство и равенство всех тех, кто принял ислам, независимо от национальной принадлежности, языка или расы. Родственные узы, объединявшие людей раньше, заменялись общей религией. Ислам должен смешать расы, сделать мусульман единым целым, где на этническую принадлежность никто бы не обращал внимания.

Сам термин «панисламизм», считает исламовед Р. Р. Сикоев, появился в Европе, скорее всего, по аналогии с терминами «пангерманизм», «панславизм» и стал применяться для характеристики религиозно-политической доктрины, в основе которой лежит идея объединения всех мусульман и создания всемирного исламского союза (государства) политическим или военным путем (Сикоев 2010, с.16).

Возникновение идей панисламизма связано с именем шейха Джемаль ад-Дина аль-Афгани (1839-1897) (Добаев 2002). Личность этого человека мифологизирована, так, до сих пор у исследователей существуют противоречивые версии относительно национальной принадлежности аль-Афгани, точной и полной картины его взглядов и убеждений.

Родиной создателя панисламизма некоторые исследователи считают Иран, город Хамада (Ходжсон 2013, с. 1295), где аль-Афгани называли Сайид Джамалуддин, по второй версии, местом рождения является Афганистан. Согласно последней версии, аль-Афгани родился в 1838 году, а род его возводился к Пророку (Сикоев 2010, с. 34). Он был приближен ко двору эмира, позже претендент на афганский трон Мухаммад Азам-хан назначил его визирем. На этом посту аль-Афгани разрабатывает программу реформ, которые затрагивают многие сферы: от строительства дорог до деятельности СМИ. Реформам не суждено было состояться, так как трон занял противник покровителя аль-Афгани Шир Али-хан, который выслал аль-Афгани из страны.

Известно, что аль-Афгани много путешествовал, был в Индии,

Ираке, Иране, Саудовской Аравии, в Европе и России, так он знакомился с другими культурами, идеями, но у него зрели идеи о единстве мусульман, возрождении ислама, создании исламского государства. Он отдавал должное техническому прогрессу, достижениям немусульманских стран, но призывал использовать их лишь в борьбе за ислам, единство, причем он не отрицал и радикальные меры (Ходжсон 2013, с. 1296). Про аль-Афгани ходили слухи: его причисляли то к шиитам, то к суннитам, то к ваххабитам, то обвиняли в неверии и называли атеистом, он был даже «русским агентом» при кабульском дворе (Сикоев 2010, с. 38).

Так или иначе, мысль о единстве всех мусульман была высказана аль-Афгани еще в 60-х годах XIX века (Степанянец 1982, с. 118). Он считал, что ислам мог стать той объединяющей силой, которая не только сохранит культуру и особенности исламского мира, но и защитит его от западного влияния. Именно он сформулировал главную идею панисламизма: ислам — это единственная сила, которая может и должна объединить всех мусульман. Чуть позднее конечной целью приверженцев идей панисламизма стало создание единого исламского государства, халифата, живущего по законам шариата. Эту форму можно назвать теократическим государством, где люди будут жить по божественным законам, нести ответственность перед Богом, а «временными» правителями на земле стали бы улемы — знатоки Корана и Сунны, которые гарантировали бы соблюдение шариата в исламском государстве. Пока этого не произошло, мусульманские страны должны выступать как единое целое, образовывать некий союз и проводить согласованную внешнюю политику.

Панисламизм предполагал доминирование религии над национальной принадлежностью, сторонники доктрины считали, что равенство верующих-мусульман перед Богом исключает выделение какой-либо нации в этой общности. Конечно, в начале своего существования ислам был религией арабов Аравии, но впоследствии арабы составили лишь часть мусульманского мира. Такая религиозная общность, наоборот, предполагала объединение различных наций, часто абсолютно разных. Именно поэтому панарабизм, да и любой другой национализм, считался несомне-

стимым с исламом (Степанянц 1982, с. 116), его существование, с этой точки зрения, ставится под вопрос, так как оно противоречит основам ислама.

Панарабизм предполагал выделение арабов из мусульманской общности, религия была отодвинута на второй план, что было недопустимым и противоречило идеям ислама. Конечно, панарабизм учитывал, что есть и арабы-христиане, но их меньшинство, и часто они интегрированы в исламский мир. Панарабизм часто сравнивается с джахилией, доисламским периодом, когда доминировали племенные отношения, а это осуждал еще Мухаммед. Не племенные и родственные отношения, а религиозную общность он ставил прежде всего (там же, с. 117). Но тут вмешивается «национальная гордость»: Пророк был арабом, на арабском языке были откровения и Коран, арабы стали первыми мусульманами. И аль-Афгани понимал, что национализм был силен.

Аль-Афгани все же боролся с национализмом, например, опираясь на веру и ссылаясь на хадисы: «Тот, кто призывает к национализму, тот не из нас; тот, кто воюет ради него, не из нас; и тот, кто погибает ради него, не из нас», — или: «Ваше происхождение не дает вам повода оскорблять других. Все вы дети Адама, и нет между вами преимуществ, кроме как по религии и богобоязненности» (Шамсутдинов [2013]). Аль-Афгани считал национализм недопустимым пережитком прошлого, теперь же, когда существует ислам, национализм должен естественным образом исчезнуть, а единение должно происходить не на кровном, а на более высоком, духовном уровне. Так, в статье «Национальность и религиозность в исламе» он писал: «...тайна силы мусульман состоит в том, что, несмотря на различие их стран, они не придают значение вопросу национальной принадлежности и отвергают любой вид приверженности национализму, признавая лишь пристрастие и преданность исламу» (Сикоев 2010, с. 69).

Позже в статье «Таасоб» («Групповая солидарность») аль-Афгани был уже не так категоричен, он пытался примирить панисламизм и панарабизм (единение на национальной основе), найти их общие черты, взаимодополняемость: одного национального единства недостаточно, оно не может в одиночку про-

тивостоять всем вызовам современности, ислам — еще одна объединяющая сила — делает эту связь прочнее. Возникает вопрос: какую именно национальность аль-Афгани имеет в виду, ведь не только арабы были мусульманами?

Отметим, что уже тогда СМИ использовались как способ донесения идей, например, газета «Прочный узел» стала рупором панисламистской пропаганды (Степанянц 1982, с. 120) и, несмотря на недолгий срок существования, помогла панисламизму найти последователей. Например, в Индии идеи аль-Афгани, заставили мусульман подняться против английского господства (там же, с. 123). Этот факт подтверждает теорию о том, что появление панисламизма стало некой защитной реакцией исламского мира.

Панисламизм прошел длинный путь, становился основополагающей идеей множества религиозных и политических объединений, таким образом обретая последователей и набирая силу. Панисламизм не избежал и сравнений и обвинений в радикализме. Еще сам аль-Афгани разделял национализм и панисламизм на умеренный и радикальный (максимальный) (Сикоев 2010, с. 71). Возникли даже понятия «политический ислам», «исламизм». Основные идеи панисламизма, например о создании единого исламского теократического государства, легли и в основу идеологий радикальных групп, например «Братьев-мусульман» и др. Так, Хасан ибн Ахмад аль-Банн, один из основателей «Братьев-мусульман», считал, что сочетание религии и национализма ведет к великим свершениям (там же, с. 104).

Сейчас панисламизм, точнее его искаженные идеи, являются питательной средой для мусульманского экстремизма (там же, с. 258). Его радикальная трактовка прочно вошла в программы экстремистских групп, которые используют крайние меры, например наступательный джихад, для достижения единства мусульман, создания государства. Стоит отметить, существует мнение, что подобные группы лишь используют религию для достижения своих целей.

Современные радиальные исламские организации, обращающиеся к идеологии панисламизма, несмотря на сравнительно давнее возникновение, все же явление относительно новое, на-

пример, египетские «Братья-мусульмане» образовались в 1928 году. Они возникли как ответ на тенденции секуляризации после распада Османской империи (Добаев 2002). Поэтому можно говорить, что панисламизм стал защитной реакцией. Позже филиалы этой организации появились и в других странах. «Братья-мусульмане» — лишь одна из первых подобных организаций, в настоящее время в разных странах арабского мира, а теперь и за его пределами функционирует множество радикальных групп.

Явление исламского радикализма можно рассматривать с двух точек зрения. С одной стороны, борьба за чистоту ислама, создание государства по образу халифата могут восприниматься как борьба за возрождение ислама, которая подразумевает возрождение и отстаивание мусульманских ценностей в условиях глобализации (там же). С другой стороны, отстаивание политических или экономических интересов трансформирует религию в инструмент борьбы. Так возникает политический ислам, причем в крайних формах. Радикальные организации, взяв на вооружение идеи аль-Афгани, также играют заметную роль в современном исламском мире и международном сообществе.

Стоит отметить, что некоторые такие организации не запрещены, действуют легально, пользуются поддержкой народа, например пакистанская «Джамаат и Ислами» или ливанская «Хезболла», которая в США и ряде других стран считается террористической организацией, а у себя на родине в парламенте в 2011 году имела 14 мест, поэтому ее можно считать легитимной политической партией (Miles [2011]).

Реальное существование панисламизма часто подвергается критике: например, В. В. Бартольд, российский востоковед, считал, что подобная теократическая идея — всего лишь идеал, который с действительностью ничего общего не имеет (Бартольд 2012). Такого же мнения придерживался и А. Е. Снесарев, военный теоретик и востоковед. Он считал, что панисламизм как идеология может существовать, а вот практическое применение и воплощение его невозможны (Снесарев [б.г.]). Такая позиция вполне оправдана.

Например, возможна ли идея о создании халифата? Сейчас совершенно другие масштабы панисламизма. Если раньше исламский халифат процветал на Аравийском полуострове, сейчас приверженцы этой о всему миру. В какой же тогда форме воплотится идея панисламизма? Споры о его территориальном расположении, структуре, способе возникновения ведутся уже сейчас: будет постепенное «строительство» исламского государства сначала на территории одной-двух стран с последующим расширением или масштабное единовременное мировое событие? Да и сам исламский мир расколот на шитов и суннитов, а крайние методы объединения, которыми пользуются радикальные группы, осуждают и не принимают большинство мусульман.

Конечно, полного воплощения идей панисламизма в жизнь мы не наблюдаем, однако, отметим, что, возможно, мнение о невозможности существования панисламизма в реальной жизни обусловлено временем, и в настоящее время панисламизм, когда его идеи берут на вооружение крайние радикальные группы, имеет определенный «успех» в действительности. Например, террористическая организация «Исламское государство Ирака и Леванта» (Lawrence [2014]), которая контролирует часть Сирии и Ирака и на этой территории строит халифат, также использует джихад для претворения идей панисламизма в еще больших масштабах.

Лишь то, что идеи панисламизма используются радикальными группами, придает радикальный оттенок всему панисламизму. Нельзя ставить знак равенства между радикализмом, экстремизмом и панисламизмом.

Религия в арабском мире тесно связана с политикой. В исламе существует понятие халифата — правильного государства, в религии уже существуют законы, по которым должна жить не только мусульманская община, но и все государство, например законы шариата. Так, в Саудовской Аравии шариатский закон является официальным, в ОАЭ, Катаре также действует шариат. Таким образом, ислам неотделим от арабского общества, арабского мира.

Исламский мир и арабский мир становятся такими субъектами международных отношений, которые невозможно игнорировать. Возможно, идеи панисламизма воплощаются в создании таких организаций, как Исламская конференция, Лига исламского мира и другие, в которых страны, выступая вместе, выражают идею единства исламского мира. Сейчас пришло понимание, что создать исламское государство практически невозможно, но, вероятно, есть другая форма объединения, например Лига наций — общность стран, некий политический союз с общей платформой. Поэтому можно говорить, что панисламизм, несколько модифицированный, уже не в радикальной трактовке, существует и в наши дни. Примером сотрудничества и объединения исламских стран может служить Организация исламского сотрудничества (в прошлом организация «Исламская конференция»). В нее входят 57 государств, среди них — Йемен, Саудовская Аравия, Марокко, Египет, Мали, Кувейт, Катар, Сомали, Бахрейн, ОАЭ и др. (Organisation of Islamic Cooperation [s.a.]). Сотрудничество осуществляется в сфере культуры, экономики, торговли, науки и медиа. Так, в медиасфере организация видит своей целью развитие отношений между государствами в информационном поле, совместный поиск решений социальных, экономических, политических проблем, также Исламский вещательный союз через СМИ исламского мира пытается создать условия для того, чтобы мусульманские народы лучше узнали культуру, традиции, жизнь друг друга, чтобы немусульманский мир узнал об исламе, а мусульманские народы объединились (Islamic Broadcasting Union [s.a.]).

Такой вид панисламизма объединяет огромное количество стран и их население, он действительно способствует единению исламского мира. Если раньше панисламизм был защитной реакцией, то теперь все чаще (здесь мы не имеем в виду радикальную трактовку панисламизма) он выступает как попытка сохранить самобытность, культуру, менталитет мусульман, создать условия для развития и успешного функционирования стран исламского мира.

Панарабизм также предполагал объединение в единое, но уже не исламское, а арабское государство. Его возникновение также

называют защитной реакцией на распад Османской империи, сопротивлением западному давлению, панарабизм был призван предотвратить распад и разделение арабского общества (Панарабистский проект [2012]). Панарабизм имеет двойственное толкование: с одной стороны, он предполагает духовную общность, родство арабов, а с другой — национализм подразумевает некую территориальную общность, создание единого государства. Эти две ипостаси панарабизма часто не разделяются, как и в нашем исследовании. Арабский писатель Амин Рейхани считал, что светское толкование панарабизма, без религиозной составляющей, станет главным инструментом единения арабов: «Учите детей тому, что они раньше всего ливанцы и сирийцы, раньше арабы, а уж потом христиане или мусульмане, иудеи или друзья».

Но кто такой араб? Кого можно считать арабом? На эти вопросы есть несколько ответов. Первоначально арабы — это население Аравии, племена (оседлые и кочевники-бедуины). Конечно, с появлением ислама множество арабов стало мусульманами, но не все, были и христиане и иудеи. Если сначала ислам был явлением чисто арабским, то со временем он вышел за эти рамки. Арабы распространили свое влияние на Йемен, Сирию, Ирак, Египет (Ходжсон 2013, с. 186), а значит, распространили и свою религию.

С распространением арабского языка арабами стали называться люди, которые владели этим языком, хотя родным для них он мог и не быть. Такое утверждение несколько противоречит современной действительности, поскольку люди, владеющие арабским языком, не всегда являются арабами по национальности или даже не всегда хотя бы близки к этому (там же, с. 70).

Понятие «араб» сейчас не имеет четких границ, существует несколько позиций по тому, кого можно считать арабом. Если изначально арабы — это население Аравийского полуострова, то постепенно понятие «араб» расширило свои границы, и сейчас это скорее не национальное обозначение, а политическое или лингвистическое, так как даже те, кто не имел корней в Аравии, сейчас называют себя арабами, например марокканцы или египтяне. Таким образом, понятие «арабский мир» выходит за свои

рамки и перестает относиться лишь к Аравийскому полуострову. Еще одна трудность в определении арабского мира заключается в том, что арабами себя не считают берберы и курды (Биби-кова 2008, с. 18). Также стоит отметить, что термин «арабский» используется не только по отношению к этническим арабам, но и к мусульманам неарабского происхождения, по историческим причинам оказавшимся в других местах (Ходжсон 2013, с. 186). По мнению М. Ходжсона, историка и исламоведа, это привело к тому, что понятия «араб» и «мусульманин» стали использоваться как синонимы, что в корне неверно. Поэтому мы можем говорить о том, что сейчас панарабизм предполагает объединение куда большей общности людей, чем только коренное население Аравии.

Идеология панарабизма пользовалась популярностью до момента поражения арабов в войне с Израилем в июне 1967 года (Панарабистский проект [2012]). Идеи панарабизма также входили в политическую программу, например, бывшего ливийского лидера Муамара Каддафи и второго президента Египта Гамалы Абделя Насера, по имени которого даже было названо панарабское движение «насеризм», которое предполагало сопротивление Западу, объединение арабских стран (Агарышев [б.г.]).

Сейчас мы можем говорить лишь о кратковременном, региональном успехе панарабизма. Он показал себя несостоятельным в качестве политической идеологии. Его отдельные черты существуют до сих пор. Например, существует Лига арабских стран, куда входит двадцать одна страна: Алжир, Бахрейн, Джибути, Египет, Ирак, Иордания, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Оман, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Сомали, Судан, Тунис, ОАЭ, Йемен, Коморские острова (Arab League [s.a.]). Эти страны и составляют современный арабский мир, их союз можно считать частичным претворением идей панарабизма в жизнь. Как мы видим, арабский мир, как и панарабизм, давно вышел за пределы Аравийского полуострова.

И панарабизм и панисламизм строятся на одном фундаменте, панисламизм также можно назвать национализмом в религиозном значении. Эти две доктрины в своей основе подразумевают

объединение людей: панисламизм — на основе религии, а панарабизм — на национальной основе. Существует несколько точек зрения на то, как взаимосвязаны две теории: это противоположности, при существовании одной вторая невозможна (как ислам, панисламизм отрицает понятие нации, доминирование какой-либо нации над остальными). Они лишь частично смогли воплотиться в жизнь, так как соперничество государств, раскол внутри ислама, деятельность множества различных радикальных группировок, наличие как сторонников фундаментализма и традиционализма, возвращения к истокам, так и модернистов, не боящихся сближения и сотрудничества с Западом, мешают объединению исламского и арабского мира. Эти идеологии так и остались бы только в теории, но стали реальностью, когда вошли в политические программы тех или иных лидеров, государств и даже радикальных группировок. Межгосударственные, национальные, религиозные, политические и экономические противоречия не дают полностью воплотиться идее панарабизма в жизнь. Панисламизм также имеет совершенно разные формы, и в кругах мусульман существуют разные интерпретации этой идеи: от созидательного объединения до радикального трактования панисламизма. Эти две доктрины существуют в качестве идеологий, а реального воплощения в полном объеме (особенно панарабизм) не имеют.

Расширение понятий «арабский мир», «исламский мир», «панарабизм» и «панисламизм» привело к их частичному объединению. Р. Р. Сикоев также приходит к выводу, что в настоящее время панисламизм и панарабизм не антагонисты, а попутчики и союзники (Сикоев 2010, с. 250).

Таким образом, термин «панарабизм» остался, но стал включать в себя больше. В реальности панарабизм выходит за свои первоначальные рамки, как и понятия «араб», «арабский мир». Сейчас это не только страны с арабским населением (вспомним, что, например, в ОАЭ множество неарабов, которые работают там, не имеют гражданства, но все же составляют большую часть населения). Именно гибкость позволяет панарабизму включать в себя элементы панисламизма. Панарабизм вышел за пределы

национальности и стал пониматься как нечто общее, объединяющее для арабских стран и их населения, таковы требования современности. Можно говорить о взаимопроникновении панарабизма и панисламизма, потому что понятия «арабский мир» и «исламский мир» не имеют четких границ, они пересекаются и дополняют друг друга.

Изъятие религии из идеологии панарабизма в современном мире можно назвать искусственным, так как ислам присутствует во всех сферах жизни, он занимает слишком большое место в жизни арабского мира, чтобы вот так просто изъять религию из доктрины, это то же самое, что изъять национальную черту.

Арабскому миру до сих пор приходится решать множество проблем, связанных с некоторым отставанием не только в экономическом, но и в социальном плане. Эти проблемы были известны давно, поэтому для их решения, сплочения арабского народа, выхода на новый международный уровень, а также для сохранения национальных особенностей стран арабского мира в начале XX века возникла политическая доктрина — арабский национализм («аль-каумийя аль-арабийя») (Труевцев 2004, с. 104). Панарабизм родился на Аравийском полуострове, но постепенно, по мнению Г. Г. Косача, «мигрировал» на иные территории современного арабского мира, стал объединяющим началом в более широком геополитическом пространстве, политически конструируемом Лигой арабских государств.

Понятие «национализм» обычно считается отрицательным: это практически всегда превосходство одной нации над другой, а значит, ущемление прав, возникновение радикальных движений с собственной идеологией этнической или религиозной нетерпимости, в своих крайних формах национализм доходит даже до физического истребления. В своей классической, первоначальной форме неискаженная идея панисламизма имеет противоположные черты: и сплочение нации, и стремление сохранить уникальный менталитет, культуру, традиции.

Так, во второй половине XIX века, в рамках развития идеи «арабского возрождения» возникли понятия «народ», «родина», «арабское отечество», «арабизм». Постепенно все эти понятия

объединились в арабской национальной идее, которая с территорий своего зарождения (современные Ливия, Иордания, Израиль, Сирия) распространилась в другие страны Магриба и Аравийского полуострова.

Национализм имеет два направления. Это национализм, исходящий от государства, направленный в сторону обретения общественного единства. Арабский национализм как раз базируется на идее единства. В то время как второй вид национализма направлен против государства (Малахов 2005, с. 5).

«Арабизм» — ядро национальной идеи, стал восприниматься как объединяющая духовная взаимосвязь всех арабов (Труевцев 2004, с. 104), этническая мобилизация (Косач 2007, с. 259), а также в какой-то мере как национальное возрождение. Конечной целью идеологи видели создание единого арабского государства. Эта идея, на первый взгляд, не имеет практически никаких отрицательных черт: она призвана сохранить самобытность арабского народа, его древнюю культуру, религию, совместно искать решения проблем. Способна ли искусственно созданная доктрина объединить уже ставшие самостоятельными государства, их граждан, разные политические, экономические, культурные, религиозные интересы?

Арабы пользуются общим литературным арабским языком, но существуют и диалекты, на которых говорят жители той или иной страны, арабы в большинстве своем объединены единой религией — исламом, но исповедуют разные его течения и направления, не говоря уже об арабах-христианах. Возможно, принудительное объединение создаст больше проблем, а не приведет к возрождению нации.

Благодаря становлению национальной арабской идеи впоследствии возник Панарабистский проект, целью которого стало объединение арабских стран в единое арабское государство. Инициаторами выступили арабские националисты в разных странах (Панарабистский проект [2012]). Сам панарабизм стал пониматься как доктрина, согласно которой арабы — самостоятельный народ, со своими территориями, языком, историей, традициями и культурой, которые надо сохранять. Возникнув как

идея регионального объединения, панарабизм распространился практически на весь современный арабский мир. Отметим, что термин «панарабизм» расширил свои границы, отошел от первоначального своего значения, перестал быть региональной идеей, хотя бы потому, что арабами стали называть себя люди, которые изначально не принадлежали к этой нации, а современный арабский мир уже не ограничивается лишь территориями (странами), которые исторически принадлежали арабам и были ими заселены.

С течением времени идеология панарабизма претерпевала серьезные изменения, потому что ее создатели, последователи, современные исследователи спорили и спорят до сих пор, является ли религия одной из главных составляющих этой идеологии.

Существует еще одна точка зрения: панарабизм возник в противовес идее панисламизма и сосредотачивает внимание именно на арабах, а не на мусульманах. Так, один из создателей национальной идеи, политик и философ Мустафа Саты аль-Хусри в своем сочинении «Что такое национализм» ограничил понятие панарабизма двумя признаками — общностью языка и истории (Труевцев 2004, с. 109), религия, как он считал, не является признаком нации.

Аль-Хусри не отвергал религию, но выступал за то, что ислам не может рассматриваться в качестве определяющего принципа арабской нации. Он был против того, чтобы панарабизм и панисламизм считали понятиями-синонимами. Конечно, эти понятия не равнозначны, в них заложена принципиальная разница: в основе панисламизма лежит объединение по религиозному принципу, в то время как панарабизм не считает религию главной объединяющей силой.

Мнение, согласно которому панарабизм — это сосредоточение внимания на народе, а не на религии, мы не рассматриваем подробно, так как именно религия остается главным объединяющим явлением в современном арабском мире, и именно доминирование религии, в том числе в СМИ стран Аравийского полуострова, представляется нам составляющей панарабизма, реальность такова, что он «вырос» из просто объединения араб-

ской нации, включил в себя еще и религиозную составляющую, тем самым расширил свои границы. Ислам оказался универсальным «растворителем», морем, в котором растворились другие народы, привнеся в него свои особенности (Мухиэддин [б.г.]).

Конечно, панарабизм и панисламизм не синонимы, но исторически сложилось так, что арабское общество по своему характеру религиозное: религия играет главную роль в формировании арабского менталитета и мышления, она часть истории арабского мира, именно религия дала человеку метод постижения окружающего мира и созерцания его, объединив народы под одной идеей, определив особые формы поведения и взаимоотношения между людьми (там же). Именно поэтому мы можем утверждать, что эти два понятия органично связаны, они дополняют друг друга, имеют точки соприкосновения.

Стоит также отметить, что рассматриваемая идеология не является чисто политической. Панарабизм и религия (разные формы ислама) стали не только одной из главных идеологий арабских государств, но и переместились в медиасферу, тем самым показали свою гибкость и способность приспосабливаться совершенно к новым сферам жизни.

Также стоит отметить, что хотя сама религия еще служит объединяющей силой, она тоже меняется и трансформируется. Например, появилось понятие «евроислам». Этот новый вид ислама должен сочетать мусульманские обязанности и принципы с западными элементами, такими как права человека, власть закона, демократия и гендерное равенство (Садыхова [2011]). Исследователь А. А. Садыхова находит некоторые изменения в обществе, возникшие с появлением евроислама:

- религиозный (отказ от своей религии и принятие ислама как религиозно-идеологической системы);
- демографический (миграция, расселение, смешение народов);
- языковой (принятие иного языка либо включение многих слов, имеющих религиозное содержание, из арабского, персидского или турецкого);
- политический (принятие мусульманской идеи государственности, распространения ислама и создания исламского государства);

- культурный (осознание себя частью мусульманского мира, признание и принятие мусульманской культуры) (Садыхова [б.г.]).

Появился и «голубоглазый ислам» — это этнические русские последователи ислама. Таким образом, панисламизм обретает новых последователей, распространяется на новые территории. Если перенести явление в медиасреду, то это означает появление новых аудиторий для изначально панарабских СМИ. Так ислам становится не только главной объединяющей силой отдельной страны, но и всего арабского мира (и даже выходит за его пределы), и религия является одной из важнейших составляющих панарабизма не только как концепции, но и как медиа явления.

Единая религия, на первый взгляд, должна объединять население разных государств, смягчать противоречия и помогать улаживать конфликты, но в реальности в рамках одной религии существуют не только разные направления и течения, но и радикально настроенные группы, которые пытаются навязать свою идеологию (именно так можно назвать подобное использование религии, ислама) как можно большему количеству людей, используя и насильственные методы, в том числе и через СМИ. Сторонники исламского радикализма полагают, что вся жизнь общества, государственная и общественная, должна подчиняться законам только Корана и Сунны, а именно тем трактовкам двух священных книг, которые сами приверженцы радикальных направлений ислама признают правильными. Получается, что большая часть того, что было сделано арабскими модернистами, например их попытки привлечения других источников правил, а не только Корана и Сунны в жизнь исламского мира (как в области веры, так и в повседневной жизни), объявляется неправильной и полностью отрицается. Сторонники радикализма выступают за восстановление истинного исламского правления и создание теократического государства. Закон людей они считают выдуманным и несовершенным (Мамед-заде [2004]). А если вспомнить, что ислам делится на направления и течения, в которых существуют иногда совершенно противоположные трактовки Корана и Сунны, то можно представить разницу в подобных запретах в разных государствах арабского мира.

Угрозы мировой общественности, террористические акты — все это предпринимают экстремисты для продвижения своих идей. Часто арабским СМИ приходится транслировать выступления террористических лидеров, их угрозы и целые пропагандистские кампании. Такими силовыми методами некоторые арабские государства ведут борьбу и продвигают свои политические идеи.

Конечно, религия — это неотъемлемая часть жизни арабского мира, по религиозному принципу, по законам шариата функционируют не только группировки, но и целые государства: Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Бахрейн, Саудовская Аравия. Как мы можем заметить, и одна религия может иметь совершенно разных последователей. Но не только религиозные проблемы и противоречия мешают объединению арабского мира.

Становление глобализирующегося мира бросает арабскому сообществу еще один существенный вызов — требование демократизации (Косач 2012, с. 72). Ни одно из арабских государств не может называться демократическим, даже если учесть попытки некоторых государств делать шаги в сторону демократизации. В странах Аравийского полуострова, так сложилось исторически, власть не выбирается населением, она передается по наследству или в пределах правящей семьи, династии.

Политических оппозиционных партий, как правило, нет, а если они и существуют, то очень слабы и не представляют реальной угрозы правящей семье и ее режиму. Значительная часть населения арабских стран вообще лишена избирательных прав. Женщины составляют более 50% населения, однако они занимают не более 3% мест в законодательных органах власти. Во многих государствах они полностью лишены права голоса (там же, с. 72).

Принадлежность власти исключительно правящим семьям, даже если так сложилось исторически, называют архаичным проявлением, так как оно практически не соответствует требованиям современности. Такое положение дел не только создает реальную возможность возникновения новых серьезных внутренних кризисов в арабских странах и тормозит процессы демократических преобразований в них, но и существенно затрудняет разрешение конфликтных ситуаций (Ахмедов [2005]).

Существует и диаметрально противоположное мнение: исторический опыт ряда стран Востока свидетельствует о том, что авторитарная власть при определенных благоприятных условиях обладает способностью осуществлять быструю реорганизацию общественных структур, сконцентрировать усилия и ресурсы для модернизации (Сейранян 2012, с. 6). Действительно, эта проблема является исторической особенностью арабского народа, их привычным способом политического существования. Такая незыблемость государственных устоев является еще одним противоречием, мешающим объединению арабского мира.

Многие лидеры арабских стран не покидают свой пост десятилетиями. Они также используют подвластные им СМИ для сохранения правящего режима, запрещают любую критику в свой адрес. Следовательно, страна не может развиваться должным образом.

Также существует проблема nepотизма, кумовства — должности распределяются между членами правящей семьи. Хотя такое положение вещей традиционно и привычно для арабского сознания (вспомним вождей племен, шейхов), семья является для араба одной из величайших ценностей, всегда существует опасность свержения, переворота. Эта ситуация опасна даже в рамках одной страны. Что же будет, если страны арабского мира начнут объединяться в одну, ведь каждая из них захочет стать новой родиной панарабизма? Вот и получается, что теоретически панарабизм выступает как единое национальное целое, а в действительности он распадается на множество потоков, каждый из которых действует в той или иной стране (Косач 2007, с. 259), всегда претендующей на то, чтобы быть главной арабской страной. Даже если представить, что мечта о едином арабском государстве станет реальностью, то кто возглавит это самое государство и какие потери понесет арабский мир в ходе этого разбирательства?

Таким образом, в арабском мире нет общепризнанного центра, который стягивал бы это геополитическое пространство, и отсутствие такого центра всегда исключало даже потенциальную возможность становления какой-либо структуры политической

иерархии провозглашающих себя арабскими государствам (там же, с. 315).

Воплощение идеи панарабизма встретило на своем пути практически непреодолимые препятствия, но теоретически может состояться в медиасфере. СМИ, имея огромную аудиторию, технические возможности, различные способы донесения идеи до зрителей (текст, визуальный ряд, различные формы, способы и жанры подачи материала), могут стать еще одной попыткой восстановления панарабизма.

СМИ — один из способов не только сохранить национальную культуру, язык, что является одной из основных идей панарабизма, но и популяризировать их, рассказать о них массовой аудитории. И основную роль здесь играет спутниковое телевидение, именно оно создает стереотипы и внедряет их в массовое сознание (Подцероб [2012]). «Внедрять» можно не только стереотипы, телевидение может послужить объединяющим звеном для разрозненного сейчас арабского мира. И ведущая роль в этом принадлежит «Аль-Джазире» и «Аль-Арабийе», передачи которых на арабском и английском языках стали важнейшими источниками информации как для арабских стран, так и для западного мира (Юнгерр [2012]). Можно ли назвать эти СМИ действительно панарабскими? У этих телеканалов огромная аудитория (население практически всех стран арабского мира, к ним присоединяются мусульмане, зрители, ищущие альтернативный источник информации, просто любопытствующие и т.д.), эти СМИ просто не могут остаться в стороне и не стать орудием политики.

Из-за вовлечения СМИ в противостояние между государствами, радикальными группировками идеологическая пропаганда, манипуляции сознанием и эмоциями зрителей, перетягивание аудитории на свою сторону не ограничиваются государственными границами, национальностью или вероисповеданием, поэтому структурами, которые «двигали» идеологические революции стали именно спутниковые, электронные СМИ (там же).

Такое мощное оружие пропаганды не только внедряет нужные идеи, но и искажает информацию в глобальных масштабах. Так, в медиасети распространяется ложная информация в глобальных

масштабах, например о том, что Триполи был захвачен повстанцами 21 августа 2011 года, хотя на самом деле это случилось только 24 августа. Дезинформацию распространяла «Аль-Джазира», она утверждала, что ливийская авиация наносит удары по мирным демонстрациям и это привело к гибели в Киренаике 6 тыс. гражданских лиц (на самом деле, как выяснилось позже, никаких ударов с воздуха по манифестантам не было, а общее число жертв столкновений на востоке составило менее 200 человек) (Подчероб [2012]). Это лишь пример использования СМИ в собственных целях, «Аль-Джазира», которую уже называют панарабским телеканалом, несомненно, занимает особое место среди СМИ арабского мира, и ее положение и политика заслуживают всестороннего разбора.

Мы наблюдаем раскол внутри арабского мира, который не может способствовать становлению панарабизма как национальной арабской идеи, это скорее ее идеализированная, далекая от реальности модель. Территориальные, политические, религиозные, культурные противоречия, существование в мультикультурной реальности не дают идее панарабизма полностью воплотиться в жизнь. Приведем такой пример разницы в экономическом положении стран арабского мира: если сравнить Катар с Мавританией, то разница между ними по ВВП достигает 87,5 раз, т.е. в 2007 году на одного среднестатистического катарца приходилось столько же реальных благ, сколько на 87,5 мавританцев (Гусаров 2012, с. 46). Разница между государствами, которые хотят объединить, огромна, она затрагивает почти все сферы жизни.

Существует еще одна точка зрения, почему была создана доктрина панарабизма. В ней выразилось сопротивление британскому и французскому колониализму, навязавшему территориальное разделение этого региона, частью выраженной оборонительной культуры в обществах Среднего Востока и Северной Африки (Шерстюков 2009, с. 278). Панарабизм выступает здесь в качестве оборонительной политики, но так или иначе его можно назвать искусственно созданным феноменом, идеей, которая показала свою несостоятельность в политической сфере.

Со временем панарабизм утратил свое былое влияние, единство стало невозможным из-за несогласий стран внутри арабского мира, например из-за разницы в экономическом положении стран. Единственным жизнеспособным геополитическим проектом, выполненным в идеологии панарабизма, считают только Объединенные Арабские Эмираты (Панарабистский проект 2012). Пример одной страны, обладающей некоторыми чертами панарабизма, нельзя считать претворением национальной доктрины в жизнь. Следовательно, это явление уже устарело, и если оно хочет сохранить право на существование, ему так или иначе придется меняться и искать новые формы своего воплощения, например в медиасреде. Какие это будут формы, и будет ли это тот самый панарабизм, который потерпел фиаско как политическая доктрина?

Несмотря на то что панарабизм в качестве политической модели оказался практически несостоятельным, только некоторые его черты отразились в медиа, единство, обособленность и национальные особенности арабского мира все равно отражаются и пропагандируются в СМИ, начиная с внешнего вида ведущих в кадре и заканчивая наполнением и подачей новостной информации.

В нашей работе под панарабизмом в медиа мы понимаем совокупность черт и явлений, характерных для СМИ стран Аравийского полуострова, в том числе, например, для телеканала «Аль-Джазира», которые так или иначе способствуют объединению арабского мира. Даже в медиасфере панарабизм не воплотился в своем изначальном значении, и можно обнаружить признаки несостоятельности этой идеи. Например, даже в странах, близких друг другу и экономически и идеологически, возникает разница в подаче информации в СМИ. Например, более открытые ОАЭ могут допустить в публикациях критику, мнение «извне», тогда как закрытая Саудовская Аравия жестко контролирует не только свои СМИ, но и всю информацию, попадающую к зрителю через другие каналы, часто используются мифологизация и сокрытие информации. СМИ Саудовской Аравии является наиболее контролируемыми, если сравнивать все арабские страны. Журнали-

стам не разрешается критиковать правительство и королевскую семью, подвергать сомнению религиозные догмы ислама (Вара Тарек Бассам 2012). Как в такой ситуации возможно создание панарабского СМИ, одного медиа «для всех»?

Не стоит забывать, что сам исламский мир неоднороден (даже если рассмотреть только два основных направления ислама). Он расколот идеологически: 80% — это сунниты, 20% — шииты, существуют радикальные группировки, террористические организации. У каждого направления есть свои лидеры, которые могут по-разному толковать и трактовать законы и нормы ислама, зачастую искажая их для своих собственных целей. На практике такой подход приводит к тому, что в то время как идеологи и лидеры различных групп пользуются правом выносить свои суждения по различным вопросам, рядовые члены такого права не имеют и должны принимать трактовку ислама, проповедуемую их лидером (Исламский фундаментализм [б.г.]). Так, например, в Катаре основной религией и идеологией стало течение ислама — ваххабизм, одно из самых строгих направлений этой религии, которое выступает за чистый ислам, без каких-либо нововведений, зачастую это выражалось в их радикальном устранении, иногда в ущерб национальной культуре и повседневной жизни мусульманских народов (Сулейманов [2012]). Существует телесеть «Аль-Джазира», которая своей аудиторией считает весь арабский мир и даже выходит за его пределы. Религиозное влияние и насаждение идеологических норм и законов неизбежно, также неизбежно и влияние самого Катара на политику телеканала. «Тактика мечети» нашла применение в сфере медиа.

Сама религия ислам становится идеологической и правовой основой (шариат) государственности. СМИ — одно из лучших средств для продвижения идей, пропаганды и религиозного воспитания, такой способ воздействия государство просто не может оставить без контроля, а значит, можно говорить если не о цензуре, то точно об ограничении свободы слова.

Журналисты, мусульмане или нет, также подчиняются религиозным законам и правилам. Поэтому можно говорить об особом

виде самоцензуры и политике редакции с учетом религиозных запретов. Если вспомнить, что религиозные правила ислама затрагивают все сферы жизни и поддаются трактовке и интерпретации, то возникает проблема использования религии государством.

Таким образом, мы можем отметить, что для СМИ стран Аравийского полуострова характерна сдерживающая и ограничительная роль религии как национальной особенности. И полного воплощения панарабизма в медиа нет из-за разного отношения к религии, менталитета, культурных особенностей каждой страны, несмотря на то что благодаря единому языку СМИ считают своей аудиторией весь арабский мир. Тематику, описываемую в данной статье, можно найти в работах российских ученых А.В. Байчик (2015), А. Ю. Быкова (2015), Е. С. Георгиевой (2011), Ю. С. Даниловой (2011), Ю. В. Курышевой (2008), Н. С. Лабуша (2015), С. Б. Никонова (2015), Р. В. Бекурова (Бекуров, Никонов, 2012), А. С. Пую (Пую, Садыхова, 2013), А. С. Смоляровой (2014).

Развитие арабской журналистики осуществлялось благодаря сочетанию собственных методов и опыта Европы и США, ведь именно арабоязычные журналисты, ранее работавшие с BBC, составили основу для творческого коллектива журналистов одного из самых популярных телеканалов в арабском мире — «Аль-Джазиры», а еще один общеарабский канал «Аль-Арабия» со штаб-квартирой в Дубае является частью саудовской компании Middle East Broadcasting и получает поддержку правительств Саудовской Аравии, Кувейта, Иордании и других арабских союзников США — эти факты не могли не повлиять на политику телеканала и особенности подачи информации.

Также существует мнение, что расцвету не только идеологии, но и пропаганды в арабских СМИ способствует недостаток профессионализма журналистов: они не способны критически оценивать материалы, анализировать их источник, должным образом освещать то или иное событие. Арабские журналисты считают, что непрофессионализм — это величайшая угроза, которая сопровождается низкими зарплатами и связанной с этим коррупцией, в регионе работают лишь несколько школ, где

можно обучиться журналистскому мастерству. Средняя зарплата журналистов в регионе начинается от нескольких сотен долларов в месяц. Это значит, что репортеров можно подкупить (Пинтак 2011). С этим утверждением можно частично не согласиться, так как, например, страны Аравийского полуострова (одни из самых успешных стран в экономическом плане) уделяют большое внимание качеству своих СМИ. Поэтому трудно согласиться, что журналистское мастерство плохо оплачивается. Да и тот факт, что, например, «Аль-Джазира» стала заметной фигурой в мировой медиасреде, опровергает мнение о непрофессионализме арабских журналистов.

Тем не менее почти во всех арабских странах действует закон, по которому журналист может быть осужден за оскорбление правителя, нации и, в некоторых случаях, ислама, это является серьезным препятствием для беспристрастной и объективной работы журналиста и всего СМИ.

Также на журналистику накладывает влияние правящий режим, так или иначе контролируя СМИ. Закрепленные в законодательстве ограничения доступа в Интернет для населения, мониторинг посещаемых пользователями интернет-ресурсов, а также фильтрование информации с помощью специальных программ, что делает невозможным для пользователей доступ к некоторым «нежелательным» сайтам (Андерсон [б.г.]) — все эти ограничения сказываются на качестве журналистики. Но вместе с этим, согласно «Санской декларации об арабских СМИ», в декларативной форме отвергаются «законы и меры, ограничивающие свободу прессы» (Арабские средства 2009).

В арабских странах, где религия (ислам) определяет и направляет жизнь огромного количества людей, устанавливает государственный строй и законы в обществе, СМИ попадают в еще более сложную ситуацию: им надо соблюдать не только законодательство, но и те правила религии, которые зачастую ставятся выше закона, созданного человеком.

Следует отметить, что из-за разницы в менталитете, непонимания религиозных нюансов нам иногда трудно понять: то, что у нас называется цензурой или нарушением свободы слова, в

арабском мире норма. Но это не значит, что фактов нарушения не было, каждый случай нарушения свободы слова в арабском мире нуждается в индивидуальном рассмотрении.

Возможно, из-за интеграции и необходимости сотрудничества с другими странами мира в СМИ отражается не совсем правдивая картина, присутствует стремление к созданию положительного образа стран и всего арабского мира. Отметим, что существует огромное количество стереотипов восприятия арабов, ислама, мусульман. Критика, выискивание недостатков арабских СМИ, обвинения в пособничестве терроризму, отказ в наличии свободы слова частично вызваны нашим непониманием менталитета, культуры, религии населения арабского мира.

Тем не менее имеют место факты нарушения свободы слова, и косвенная поддержка радикальных группировок, и несоблюдение этических норм. В таких условиях существуют и функционируют самые крупные и известные СМИ арабского мира, но, несмотря на обстоятельства, СМИ и медиасфера имеют шансы стать новой формой воплощения панарабизма.

Панарабизм — уникальное явление, которое зародилось как национальная программа, позже трансформировавшаяся в национальную идею и медиафеномен. Исследователи до сих пор не могут прийти к единому мнению: возможно ли вообще существование панарабизма? Если в форме идеологии он существует и его влияние на СМИ неоспоримо, может ли он в реальной жизни объединить арабский народ? Как он сможет преодолеть существующие политические, экономические, культурные разногласия?

В настоящее время мы можем говорить о светском характере панарабизма, где религия хотя и занимает одну из ведущих ролей, но наравне с ней выступают и другие ценности: общая культура, язык, традиции арабского народа, — панарабизм широко использует социальную сферу жизни человека.

Несмотря на несогласие отдельных групп и насаждение с их стороны совершенно других ценностей, философия панарабизма до сих пор существует, конечно, не в своем первоначальном виде, она перешла в сферу медиа, смогла измениться, не потерять сво-

ей актуальности. Гибкость, подвижность этого феномена позволяет ему не только «захватывать» новые территории, народы, но и переходить от одной формы существования (национальной доктрины) в другую — медиафеномен. Сейчас панарабизм отходит от своей первоначальной концепции, приобретает новые черты и приспосабливается к современным условиям существования.

И если в качестве политической программы, объединяющей весь арабский мир в единое государство, панарабизм признан несостоятельным из-за больших территорий, огромной разницы в экономике, менталитете, религии (хотя ислам является одним из основных предпосылок для объединения), нежелании самих арабских государств объединяться, то в качестве медиафеномена у него есть все предпосылки для существования.

Панарабизм не состоялся как политическая доктрина, но нашел новый путь в медиасреде. В настоящее время в арабском мире можно выделить три главных фактора, которые влияют на формирование человека: школу, религию и СМИ. Возможно, объединить территории и народы сможет новый инструмент панарабизма. Или возникнет новый панарабизм, и арабский мир сплотится вокруг СМИ?

СМИ стран Аравийского полуострова — особый медиафеномен из-за своего юного возраста, условий существования. Несмотря на молодость и особенности функционирования, комплекс СМИ Аравийского полуострова составляют газеты, журналы, телевизионные сети и интернет-ресурсы. Как отмечалось ранее, для нашего исследования были выбраны именно спутниковые телевизионные каналы, так как именно они могут претендовать на звание панарабских, способствовать объединению арабского мира в глобальных масштабах. Печатные же СМИ не имеют такого охвата аудитории, они ограничены в представлении некоторых наиболее наглядных и действенных медиатекстов (например, видео и т.д.), лишены того объема интерактива, каким обладает канал, располагающий своими интернет-версиями.

В арабском мире СМИ и спутниковое телевидение в частности

«находятся под патроном». Это или правительство, или спонсор, или владелец, часто это одно лицо, но даже если это и не само государство, спонсор так или иначе связан с правящей элитой.

Следовательно, возникает вопрос о свободе самого СМИ, независимости его политики, объективном освещении событий как в рамках страны, так и в международном масштабе. Несмотря на изобилие СМИ на Аравийском полуострове, все они так или иначе работают на свою страну или лишь немного выходят за ее пределы (по аудитории, например). Стоит отметить, что телевизионные каналы в большинстве стран арабского мира появились в 1960-е годы, позже только в Сирии (с 1970 года) и Палестинской автономии (с 1994 года), и в большинстве своем контролировались государством. Исключением был Ливан, в котором первые СМИ имели и частных владельцев (Вара Терек Бассам 2012). Именно контроль государства, продвижение его политической мысли называют недостатком СМИ арабского мира.

Лишь в нескольких СМИ нашла свое отражение идея панарабизма. Прежде всего, это катарский телеканал «Аль-Джазира» и «Аль-Арабия», базирующаяся в ОАЭ, но финансируемая Саудовской Аравией. «Аль-Арабия» была создана если не в подражание, то по большей части для того, чтобы составить конкуренцию в медиасреде «Аль-Джазире» и ослабить растущее влияние Катара.

«Аль-Джазира» — феномен среди СМИ стран Аравийского полуострова, она вызывает множество споров, критики в свой адрес, но, тем не менее, остается если не одним из главных претендентов на звание настоящего панарабского телеканала, то хотя бы примером формирования и воплощения идеи панарабизма в медиа.

Международная телекомпания «Аль-Джазира», штаб-квартира которой находится в Дохе, столице Катара, начинала как региональная медиаструктура, но впоследствии превратилась в медиагиганта, с которым теперь приходится считаться бывшим лидерам этой отрасли. «Арабский CCN», «арабский BBC» — к этому телеканалу никогда не относились нейтрально: его называли и рупором «Аль-Каиды», и инструментом политики Катара, и одновременно, несмотря на всю критику и не-

достатки телеканала, практически все исследователи называют «Аль-Джазиру» медиафеноменом арабского мира и отдают должное заслугам этого СМИ.

Даже само название телеканала можно считать отражением идеи панарабизма: «остров» — сокращенное название Аравийского полуострова. Такая ситуация была только в начале становления и развития телеканала, сейчас «Аль-Джазиру» можно назвать и панисламским телеканалом, и СМИ не ограничивается Аравийским полуостровом, арабским и исламским миром, оно находит новую аудиторию в странах Европы, США и многих других. «Аль-Джазира» уже считается панарабским каналом, потому что своим вещанием «объединяет» страны арабского мира, но, как мы отмечали раньше, панарабизм давно перестал быть лишь территориальным явлением, стал более сложным, расширил свои границы, поэтому территориальный охват не является единственным критерием для того, чтобы СМИ могло считаться панарабским.

Сеть имеет около 30 корпунктов по всему миру, ее аудитория огромна и сложно поддается вычислению, например, приводятся такие данные: 220 млн семей более чем в 100 странах мира (Телеканал [2011]). Точную цифру назвать невозможно, так как для просмотра материалов «Аль-Джазиры» люди используют официальные арабо- и англоязычные сайты, канал на YouTube, что значительно расширяет охват аудитории телеканала). Это люди разного возраста, социального положения, и если сначала это были в основном жители арабских стран, то сейчас, имея в своем распоряжении спутниковую связь и Интернет, «Аль-Джазира» давно вышла за рамки просто панарабского канала.

В чем же заключается феномен «Аль-Джазиры» и почему ее называют панарабским каналом? Первое, что следует отметить, — место «зарождения»: «Аль-Джазиру» называют «относительно свободным телеканалом, работающим в регионе, наименее склонном к свободе» (Zayani 2005, p. 4). Катар, в котором была создана «Аль-Джазира» в 1996 году, небольшое государство с населением около 1,9 млн человек (коренное население и мигранты, проживающие и работающие на территории Катара)

в Восточной части Аравийского полуострова. Религия — ислам суннитского толка, основная часть населения — ваххабиты (Все 2007, с. 94).

Катар — пример нефтяной страны, где живут в значительной степени за счет доходов от ее реализации, также у страны есть крупные газовые резервы. Катар принял конституцию, которая гарантирует гражданскую свободу, свободу вероисповедания. Например, эмир разрешил строительство церквей, которое до этого было запрещено. Также было решено упразднить Министерство информации и отменить цензуру. Тем не менее новые меры не означали, что журналисты могут писать все, что хотят. Главное отличие в том, что теперь вся ответственность за «ошибки» возложена на журналистов (Da Lage [2005]).

Катар неоднократно обвиняли в пособничестве террористам: он фигурировал в американском списке стран, причастных к международному терроризму, был исключен из него только потому, что разместил на своей территории американскую базу ВВС (Орлов [2005]).

Именно по личному указу эмира Катара появилась «Аль-Джазира». Эти факты неизбежно наложили отпечаток на политику канала, именно они вызвали основную критику и обвинения в адрес сети за продвижение политики государства, связи с радикальными группировками, непрофессионализм журналистов и т.д.

Управляет Катаром с 2013 года шейх Тамим бин Хамадаль-Тани, получивший власть от своего отца шейха Хамада бен Халиф аль-Тани, при котором и была создана «Аль-Джазира». Следует отметить, что шейх Хамад бен Халиф аль-Тани захватил власть в 1995 году, пока его отец был за пределами страны. Пытаясь построить либеральную конституционную монархию, он первым в регионе ввел избирательное право для женщин, еще одной ступенью к модернизации стало создание «Аль-Джазиры».

Подобная активизация в медиасреде привела к усилению роли Катара в политике и экономике всего Аравийского полуострова. Он потеснил даже Саудовскую Аравию. С Катаром стали считаться, ведь до запуска «Аль-Джазиры» это государство было не так

известно на международном уровне несмотря на запасы нефти и газа. Теперь Катар занимает одно из центральных мест среди стран Аравийского полуострова, наряду с Саудовской Аравией, ОАЭ и другими экономическими гигантами. Такой резкий взлет не мог пройти незаметно: страны арабского мира восприняли «Аль-Джазиру» как серьезное оружие маленькой страны, кроме нее у Катара нет ни значительной армии, ни индустрии ОАЭ. СМИ смогло конкурировать даже с нефтью, и Катар стало невозможно игнорировать. Это государство называют рабом двух господ — американского правительства и арабского общественного мнения (El Offi 2005, p. 76). Критика и обвинения в сотрудничестве с США, финансировании американцами «Аль-Джазир» не оставляют Катар до сих пор. Эти отношения называют «союз в обмен на безопасность» (ibid.) и опасаются, что арабская страна не сможет без потерь выйти из этих неравных отношений.

Исследователь Ронда Захарна сравнивает отношения «Аль-Джазир» и США с «танцем, в котором непонятно, кто кого ведет» (Zaharna [2003]). Она не только затрагивает вопросы сотрудничества «Аль-Джазир» с США, но и говорит о культурной сложности понимания друг друга американцами и арабами. Правительство США активно использовало «Аль-Джазиру» как трибуну для продвижения своих идей в арабский мир, но они не учитывали культурные различия между народами. В арабской культуре придается большее значение не фактическому содержанию речи, а ее эмоциональной составляющей, а невербальное поведение важнее вербального. Американские политики не смогли адаптировать свой стиль общения так, чтобы наладить связь с арабским зрителем. Исследователь приходит к выводу, что США и «Аль-Джазира» «танцуют под разную музыку», причем это «танец межкультурного непонимания» (ibid.). Большинство медиасистем в арабском мире субсидируется правительствами. Такая ситуация сложилась отчасти потому, что СМИ нуждаются хотя бы в стартовом капитале, а взять значительные суммы практически нелегко.

Также не стоит забывать о специфике этих стран: государство, религия контролируют СМИ в этом регионе, и создать новое ме-

диа в таких условиях без согласия и помощи государства, в том числе и финансовой, сложно. Правительства арабских стран заинтересованы в том, чтобы иметь «свое» СМИ. Это помогает поддерживать единство страны, сохранить централизованную систему правления и осуществлять контроль над людьми. Частичная государственная собственность, финансирование, законы — формы контроля существуют разные. Подконтрольное СМИ не будет угрозой правящему режиму, не поднимет в своих программах неудобные темы и вопросы, а, наоборот, будет инструментом государственной пропаганды, идеологии, те малые группы инакомыслящих, которые могут существовать в той или иной стране, не получают доступ к аудитории с помощью такого мощного средства донесения идей, как СМИ. Стратегия работает, даже если популярность государственного канала снижается, у общественности нет альтернативного источника информации.

До конца разобраться в том, кто владеет тем или иным арабским СМИ, очень сложно. Слухи, ложная информация конкурентов — далеко не весь список трудностей, с которыми придется столкнуться, изучая этот запутанный вопрос.

«Аль-Джазиру» с ее резкими высказываниями, критикой и разоблачениями политических деятелей арабского мира, острыми, а иногда и провокационными темами программ, на первый взгляд, трудно назвать рупором Катара. Она «замахивается» даже на религию, что немыслимо для арабского СМИ. «Аль-Джазира» отличилась и здесь: Катар создал медиаструктуру, которая, с одной стороны, поднимает критические вопросы, а с другой — служит интересам государства.

Исследователи также указывают на то, что телеканал, находясь «под большим пальцем катарской королевской семьи», политику правящей династии никогда не критикует (Zayani 2005, p. 11), можно также добавить, что не только не критикует, а «обходит стороной» спорные вопросы, словно не замечая их, и заостряет проблемы других арабских стран. «Аль-Джазира» словно отвлекает внимание от дел Катара. Эта критика, несомненно, имеет право на существование, и она оправдана. Возможно, таким абстрагированием от дел Катара «Аль-Джазира» пытается

избежать одной из основных проблем СМИ стран Аравийского полуострова. СМИ этого региона «грешат» подробным описанием повседневной деятельности правящей элиты, восхвалением и поддержкой проводимой политики, появление критического отношения, проблемного материала практически невозможно, так как созданы СМИ не для этого. Следует отметить, что сам Катар не признает своего влияния на «Аль-Джазиру»: офис телеканала расположен на территории этого государства, но телеканал полностью независим.

В 2011 году шейх Хамад бин Джабер аль-Тани в интервью даже назвал «Аль-Джазиру» проблемой правительства, заявил о готовности Катара продать СМИ, добавив, что еще два года назад за него было предложено 5 млрд долл. (El Offi 2011). Но «Аль-Джазира» не продана до сих пор. Тогда возникает вопрос: как государство, которое не имеет отношения к «Аль-Джазире», может продавать медиа?

Да и факты говорят обратное: «Аль-Джазиру» создало и профинансировало государство. Сети был предоставлен пятилетний кредит в размере 150 млн долл. (Zayani 2005, p. 14) (годовой бюджет определялся в 30 млн долл.). Именно финансовую зависимость (и не только финансовую) критики называли слабым звеном этого СМИ, так как государство если не контролировало, то вмешивалось в политику «Аль-Джазире». По заявлениям представителей самого телеканала, кредит был погашен: телеканалу представился случай стать независимым хотя бы от Катара, СМИ. Но о свободе говорить еще рано.

Реклама — один из способов существования СМИ. На первый взгляд, «Аль-Джазира» с ее популярностью, аудиторией, географическим охватом не должен испытывать трудностей с рекламодателями, но и здесь ее репутация, политические, религиозные и этические соображения потенциальных клиентов не дают в полном объеме пользоваться рекламными возможностями. И если многие просто опасались появления своей рекламы на телеканале со спорным имиджем, реакции своих правительств — противников «Аль-Джазире» (в странах Аравийского полуострова телеканал воспринимался как подрывающий авторитет правящих

элит, ислама в этом регионе), аудитории, то некоторые арабские компании просто бойкотировали канал. Например, соседняя Саудовская Аравия, один из основных потенциальных покупателей в отрасли (учитывая положение страны не только в рамках региона, ее международные связи и проекты), контролирует большую часть рекламных агентств в регионе, до сих пор неохотно позволяет своим компаниям сотрудничать с «Аль-Джазирой».

Во время саммита GCC (Совет сотрудничества стран Залива) в 2001 году принц Саудовской Аравии Абдулла подверг резкой критике «Аль-Джазиру», так как, по его мнению, канал стал «позором для стран Персидского залива, угрозой стабильности в регионе», он также уличал СМИ «в клевете и поощрении терроризма». Саудовская Аравия давно «затаила обиду» на «Аль-Джазиру». Королевство установило монополию в медиасреде, которая позволила либо контролировать, либо владеть большей частью арабских газет, журналов, спутниковых телеканалов, все они способствуют формированию нужного общественного мнения. «Аль-Джазира» изменила расклад. Конкуренция между арабскими государствами за контроль общественной сферы объясняет крупные инвестиции в СМИ. В рамках этой конкурентной гонки «Аль-Джазире» удалось заявить о себе и получить преимущество над другими арабскими СМИ (El Offi 2011, p. 74).

Недостаток средств канал восполняет, хотя и не до конца, благодаря уникальным материалам, например видеоконтенту. «Аль-Джазира» имеет договоры на предоставление этих материалов западным СМИ, продает документальные фильмы.

То, что канал находится в регионе освещаемых событий, куда трудно, а иногда и невозможно попасть другим журналистам, имеет доступ к уникальным материалам, — его потенциал, который, возможно, позволит перейти на самофинансирование и получить независимость. Согласно первоначальной концепции, канал создавался как самостоятельное медиа, в редакционную политику которого государство не вмешивается, после возвращения кредита Катару «Аль-Джазира» со временем могла бы обрести и финансовую независимость, что еще больше расширило возможности медиа. Возможно ли это в реальности?

В тех условиях, в которых функционирует сеть, независимость, свобода слова, политика редакции — понятия относительные: налагаются и религиозные, и политические ограничения. Еще одним условием свободы этого СМИ считают его территориальное нахождение за пределами арабского мира. Сохранит ли сеть в таких условиях свою уникальность, останется ли она панарабской? Физическое расположение нескольких бюро телеканала в регионе, где и происходит большинство освещаемых событий, является одной из сильных сторон «Аль-Джазиры». Да и с выходом из региона сеть потеряет свою уникальность, свои особенности, перестанет быть «Аль-Джазирой», пусть и спорным, но брендом.

Канал по-прежнему получает финансовую помощь от государства, вряд ли сеть самостоятельно смогла бы запустить новые проекты, так расширить территорию вещания лишь за счет продажи материалов и предоставления в аренду оборудования. Действительно, не все аналитики оптимистично настроены в отношении финансовой самостоятельности «Аль-Джазиры»: если государство лишит ее финансирования, то ставится под вопрос само существование этой сети. Сейчас она защищена правительством, предоставляется не только финансовая помощь. А если этой защиты не будет? Смена правительства, да и любая серьезная внутренняя перемена в Катаре обязательно скажутся на «Аль-Джазире». Она останется без поддержки и, возможно не сможет сопротивляться внешнему давлению. «Аль-Джазира» иллюстрирует шаткое положение СМИ в арабском мире, на Аравийском полуострове.

Не только финансовую зависимость от государства ставят в вину этой сети, есть и более серьезные обвинения: «Аль-Джазира» существует и на деньги радикальных террористических организаций, взамен канал предоставляет им эфирное время, а это уже пропаганда терроризма. Если разбирать ситуацию, руководствуясь девизом «Аль-Джазиры»: «Мнение и противоположное мнение», когда телеканал обвиняли в том, что он спонсируется террористическими группировками, называли рупором «Аль-Каиды», то и она представляется двойственной. После событий

11 сентября, после транслирования видеозаписи обращения главы «Аль-Каиды» «Аль-Джазира» была обвинена в пособничестве террористам, в прославлении и некоей романтизации образа бен Ладена как идеолога. В вину телеканалу ставили то, что он позволил использовать мощное средство влияния для пропаганды терроризма и распространения идей джихада (Zayani 2005, p. 24). США даже пытались повлиять на телеканал через эмира Катара, но тот не захотел вмешиваться в редакционную политику «Аль-Джазиры».

Противоположное мнение — взгляд самих сотрудников телеканала на сложившуюся ситуацию. Они не считают, что занимаются пропагандой терроризма, к ним попал действительно уникальный материал, который они и транслировали в своем СМИ, дали аудитории возможность услышать противоположное мнение. Если это и журналистская удача, то все-таки с непроработанной этической составляющей. Да и не одно обвинение в пособничестве терроризму обрушилось на «Аль-Джазиру» и после этого случая, она либо не сделала выводов, либо действительно имеет связь с радикальными группировками.

В начале своего пути «Аль-Джазира» заявила о себе как оппозиционный телеканал, противоречащий официальным СМИ арабских стран. Некоторые правительства даже запрещали открывать бюро Аль-Джазиры в своих странах, журналистам не давали визу, потому что телеканал критиковал существующий режим и предлагал отличную от официальной версию происходящего. Так поступила, например, Палестина. Иордания и Египет угрожали разорвать дипломатические отношения с Катаром (*ibid.*). В 1998 году Иордания закрыла бюро «Аль-Джазиры» в Аммане, подобные ситуации возникли в Кувейте, Алжире и Египете. А в 2002 году Саудовская Аравия отозвала своего посла в Катаре. Несмотря на эти факты, появились даже подражатели свободному стилю «Аль-Джазиры», например «Абу-Даби ТВ». Известность и авторитетность «Аль-Джазиры» подтверждаются фактом появления последователей и подражателей не только в арабском мире, но и в России.

Русскоязычной версии канала или сайта на данный момент нет. Но «Аль-Джазира» настолько известное СМИ, что в нашей

стране появился новостной ресурс, который стал использовать фирменный стиль канала. И в 2003 году «Аль-Джазира» под угрозой судебных исков требовала закрытия интернет-ресурса aljazeera.ru. На первый взгляд, сайт идентичен англо- и арабоязычным версиям официальных сайтов Аль-Джазире по оформлению и стилю. При более внимательном рассмотрении ресурс, пользующийся знаменитым медиаименем, имеет другой логотип, хотя и схожий с логотипом «Аль-Джазире». Как оказалось, сайт принадлежит информагентству «Центральноазиатские новости». На нем публикуются переводы материалов, принадлежащих «Аль-Джазире», причем без разрешения правообладателя. «Аль-Джазире», помимо нарушения авторских прав, возмущает тот факт, что сайт выбирает материалы, содержащие негативную информацию о политике США на Ближнем Востоке, нанося тем самым ущерб имиджу канала (Аль-Джазира 2013).

Известность «Аль-Джазире» неоспорима, в самом начале своего существования «Аль-Джазира» еще претендовала на звание оппозиционного канала, на объективное освещение актуальных проблем не только в арабском мире, но и за его пределами (девизом телеканала является лозунг «Аргумент — контраргумент», или «Мнение — противоположное мнение»). Традиционный арабский мир «Аль-Джазире» потрясла тем, что дала возможность говорить тем людям и высказывать такие идеи, которые государственные СМИ просто игнорировали. Тем не менее обилие критики в адрес этой сети практически свели на нет профессиональные достижения «Аль-Джазире».

Агрессивный стиль нового канала вдохновил и объединил зрителей всего региона. Такое столкновение противоположных мнений в прямом эфире скорее результат эмоционального воздействия, в чем не раз была обвинена «Аль-Джазира». Все направлено на зрелищность, а не на разумные доводы и противопоставление фактов. Возможно, такая форма и способствует объединению зрителей у телевизора в одну аудиторию, вот только объединятся ли их мнения, позиции, симпатии? Такое объединение трудно назвать объединением на основе общности, чувства принадлежности к одной культуре, как это предполагал

панарабизм. Противники «Аль-Джазире» утверждают, что канал привлёк аудиторию лишь сенсациями, «желтыми» материалами, а не обсуждением религиозных, социальных и культурных вопросов, решение которых помогло бы объединению и началу становления новой формы панарабизма.

«Аль-Джазира» часто обвиняют в драматизации событий, в эмоциональном манипулировании аудиторией посредством медиатекстов. Например, в период боевых действий арабо-израильского конфликта в эфире и на сайте телеканала были показаны фотографии с мест событий: крупные планы погибших, раненых детей, хронология атак — все фотографии были большого формата, и никаких частичных «прикрытий», они оставались в рубриках на официальном сайте по несколько дней. Например, на сайте BBC Arabic фотографии, иллюстрирующие эти же события, были меньше по формату, и на них не были показаны (или размыты) лица погибших, раненых детей и т.д. Возможно, честный и откровенный рассказ о событиях без каких-либо этических рамок можно назвать особенностью телеканала, его политикой.

Можно также найти и разницу в терминологии: если у «Аль-Джазире» «мученики», то в иных СМИ «террористы»; «вторжение» в американских и британских СМИ стало «освободительной войной» или «войной против Ирака» (Awad 2005, p. 88). Определить с абсолютной точностью, на чьей стороне правда и чем обусловлена разница в подаче материала и терминах, практически невозможно, как невозможно определить, чем это вызвано — культурной разницей или политикой, которую проводит то или иное СМИ.

Революция, раскачивающая арабский мир, была неизбежным результатом (Пинтак 2011), и если раньше, по мнению корреспондента «Аль-Джазире», Ахтама Сулеймана, который ушел с канала в 2012 году, до начала арабской весны «Аль-Джазира» была «голосом перемен, то сейчас она стала пропагандистской телевещательной компанией» (Шантаж 2015).

Канал неоднократно объявляли то орудием катарской политики, то рупором терроризма, то проамериканским СМИ. Некоторые арабские журналисты, например Дауд Куттаб, основатель

иорданского радио Amman.net и аналитик в арабских медиа, так относятся к некоторым методам работы «Аль-Джазиры»: «Они давали множество идеологических комментариев по поводу площади Тахрир, но не снимали достоверных репортажей» (там же). Глава вашингтонского бюро «Аль-Джазиры» уволился, обвиняя правительство Катара в том, что «оно устанавливает повестку дня» (Пинтак 2011). И это не единственный пример ухода из «Аль-Джазиры» несогласных с политикой телеканала: в 2012 году глава и двое сотрудников бюро в Бейруте уволились из-за того, что, по их мнению, «Аль-Джазира» стала «политическим инструментом», ее политика провокационна и направлена против неудобных режимов (Глава 2012); в 2013 году произошло массовое увольнение по собственному желанию журналистов египетского бюро телеканала «Аль-Джазиры», которые были несогласны с политикой редакции, не хотели «лгать о происходящем в Египте» (Из египетской 2013).

Израильяне обвиняли «Аль-Джазирu» в поддержке террористических организаций. Поводом для подобных обвинений стали ежедневные репортажи об интифаде. Палестинцы, сирийцы и ливийцы называли телеканал «рупором сионистской пропаганды» (Временное 2004). С Запада на «Аль-Джазирu» то и дело сыплются обвинения в пропаганде терроризма. Следует отметить, что в эфире «Аль-Джазиры» есть программы, которые по-разному отражают проблему терроризма: «Без границ», «Открытый диалог» (Шабермах 2010).

Не только политика «Аль-Джазиры», ее причастность к радикальным группировкам вызывают ожесточенные споры, программы телеканала также подвергаются критике. Например, одна из ведущих программ телеканала «Аль-Джазира» разговорное шоу, программа-диалог «Противоположное (обратное) направление», ведущим которого был Фейсал Аль-Кассим (он также покинул «Аль-Джазирu» в знак несогласия с политикой канала и из-за необъективного освещения арабских революций) (Al-Jazeera program [2011]), была направлена на потрясение основ устоявшихся предрассудков, речь не шла о борьбе с исламом как религией, но обсуждались такие

вопросы и затрагивались такие темы, к которым арабская аудитория не привыкла.

Политические программы, ток-шоу стали визитной карточкой «Аль-Джазиры». Арабский мир потрясла эта смелость, почти вызов: столкновение мнений, предоставление слова оппозиции.

Арабский зритель не видел раньше, как феминистка Наваль Эль Саадави спорит с исламскими учеными, никто, кроме «Аль-Джазиры», в прямом эфире не смел поднимать вопрос о полигамии, об отношении полов. «Демократия и обладание оружием массового поражения», «Права человека в арабском мире», «Дебаты либералов и исламистов Египта», «Америка и демократия в арабском мире» — темы ток-шоу, которые можно назвать вербальными провокациями, а они предоставляли возможность услышать противоположные мнения, собирали большую аудиторию. Зритель перестал быть пассивным наблюдателем: во время и после эфира у аудитории была возможность высказать свое мнение (звонок в студию, позже — опрос на сайте). Подобный интерактив объединял людей, давал возможность высказаться, вместе искать решение проблемы.

Таким образом телеканал приобретал не только новых зрителей, но и новых противников. Затронув религиозные темы, «Аль-Джазира» вызвала негодование среди религиозных кругов арабского мира. Отметим, что это не только фундаменталисты или последователи радикальных группировок, но и верующие, придерживающиеся традиционного ислама. Не спасся от критики и сам ведущий шоу Фейсал Аль-Кассим, его обвиняли в постановочности ток-шоу, в излишней драматизации и нарочном стравливании и провоцировании оппонентов. Также ведущий мог выдать за неоспоримый факт информацию, взятую из неизвестного источника, что критиками воспринимается как грубое нарушение объективности, непрофессионализм ведущего, теряющего власть над ходом дебатов в эфире (Muhammad 2005, p. 107).

«Аль-Джазира» не обошла вниманием и роль женщины в арабском мире. Например, программа «Только для женщин» поднимала вопросы о равенстве мужчины и женщины, ущемлении прав женщины и т.д. Для арабского СМИ это довольно смелая задумка,

но следует отметить, что само название, аудитория на которую рассчитана программа, исключительно женские. Чтобы начать решать затронутые проблемы — у канала для этого есть возможности, — а не просто обозначить их и обсудить, программе необходимо изменить формат, привлечь мужчин к просмотру подобных передач, тем самым заявить о существующей проблеме.

Следует признать, что, например, в одном из выпусков шоу «Head to head» («Лицом к лицу»/«Один на один»), который назывался «Арабы ненавидят женщин?», довольно открыто обсуждалась тема религиозного притеснения женщины в арабском мире. Также говорили о стереотипах, сложившихся в западном обществе.

Из-за смелых и спорных тем, которые затрагивал телеканал, началась целая кампания в СМИ, направленная против «Аль-Джазиры», но она привела к обратному результату: телеканал набирал популярность у массового зрителя, а не терял ее, и к мнению «Аль-Джазиры» были вынуждены прислушиваться даже правительства арабских стран (Al Kasim 2005, p. 94).

Несмотря на то что игнорировать телеканал было уже невозможно, правительства стран арабского мира нашли новую форму воздействия на «Аль-Джазиру», ее просто перестали «пускать к зрителю»: закрытие офисов, судебные иски, запрет на вещание, агрессивные кампании в прессе, разрыв дипломатических отношений с Катаром (Иордания, Саудовская Аравия). Предоставив возможность высказаться оппозиционерам, «Аль-Джазира» строила против себя часть арабского мира.

Массовая аудитория осталась верна телеканалу и его ведущим передачам. На этом телеканале практически стал создаваться панарабизм. Скандальная программа привлекла не только арабов и мусульман. В то время как арабские СМИ были заняты критикой «Аль-Джазиры», зрители, исследователи на Западе смотрели и изучали телеканал с большим интересом (особенно после создания английской версии, запускается англоязычный сайт).

«Аль-Джазира» создала уникальную ситуацию: она сплотила аудиторию, но стала препятствием для объединения арабских государств. Возможно, это новый вид панарабизма, когда тер-

риториальное объединение не так важно, как объединение народа. Дебаты, ток-шоу смотрит множество людей по всему миру, арабские зрители могут обсудить проблемы, поделиться мнением (чего не было раньше). «Аль-Джазира», несмотря на все недостатки, внесла большой вклад в создание и формирование панарабского общественного мнения, аудитория в разных странах нашла точки соприкосновения, обнаружила общие проблемы и смогла наметить пути их решения.

Телеканал создал чувство принадлежности к одной группе, панарабское сознание. «Аль-Джазира» в своих программах никогда напрямую не призывала арабов объединиться, но все же способствует этому другими путями.

Нельзя обойти вниманием и еще одну версию возникновения телеканала «Аль-Джазира», которая принадлежит Ваде Ханфару, бывшему генеральному директору сети «Аль-Джазира»: канал был создан братьями Давидом и Жаном Фридманами после убийства их друга Ицхака Рабина. Как заявил Давид Фридман, их целью было создание телеканала-посредника, где израильтяне и арабы могли бы свободно вести дискуссии, обмениваться мнениями и лучше узнавать друг о друге (Мэйсон [2011]).

Созданию нового СМИ поспособствовал и тот факт, что саудовская компания «Орбит» заключила с компанией BBC соглашение о вещании на арабском языке, однако требования Саудовской Аравии не совпадали с понятием о независимости у британских журналистов. Соглашение было аннулировано, и BBC закрыла свой арабский телеканал. Предложение поступило Катару и было сразу же принято (Tarek Cherkaoui 2014). Потребность в телеканале, наличие профессиональных журналистов — «Аль-Джазира» становится первым арабским каналом, который заработал по-западному: начал устраивать ток-шоу и политические дебаты в прямом эфире. Поднимались такие проблемы, как коррупция в правительстве, соблюдение прав человека в арабских режимах, преследование политических раскольников, совместимость ислама и демократии, исламский фундаментализм. Были даже некоторые разоблачения арабской власти: так, телеканал заставил ведущих политических деятелей отчитываться перед

общественностью (Zayani 2005, p. 9), раньше такие случаи были практически невозможны.

Идея заключалась не в констатации истины, а в ее нахождении по ходу дебатов. Так, используя традиции западной журналистики, арабский канал стал приобретать и свой собственный образ и имидж (Зубов 2001). Как мы отмечали ранее, такое сильное и известное СМИ, как «Аль-Джазира», просто не могло не привлечь внимание государства, религиозных лидеров, каждый из них видел в «Аль-Джазире» канал для продвижения своей идеологии, а зачастую и мощное средство для пропаганды своих идей.

«Аль-Джазира» давно вышла за пределы панарабского или панисламского мира, в сеть входят следующие телеканалы:

- Al Jazeera — оригинальный новостной канал на арабском языке;
- Al Jazeera Live General — политический канал, транслирующий заседания в реальном времени без редактирования и комментирования;
- Al Jazeera English — англоязычный канал с вещанием 24 часа;
- Al Jazeera Documentary Channel — канал, который показывает документальные фильмы на арабском языке;
- beINSports (13 телеканалов на разных языках), — популярный спортивный канал на арабском языке;
- Jeem TV (канал для детей Baraem) — детский канал для младшего дошкольного возраста на арабском языке;
- Al Jazeera Balkans — версия канала на сербском языке;
- Al Jazeera America — телеканал, базирующийся в США, транслирует местные и международные новости;
- Al Jazeera Turk — турецкая версия телеканала, бюро находится в Стамбуле;
- Al Jazeera Kiswahili — версия телеканала на суахили, находится в стадии разработки, базируется в Восточной Африке (Аль-Джазира [б.г.]).

Также сеть открыла образовательные центры для изучения арабского языка, культуры и т.д., аналитический центр исследований, официальные сайты всех заявленных телеканалов, присут-

ствует в социальных сетях и на YouTube. «Аль-Джазира» не только объединяет арабо-мусульманскую аудиторию, но и способствует продвижению идей панарабизма на другие территории.

Язык медиатекстов канала «Аль-Джазира» свидетельствует о стремлении канала к единому рабочему языковому стилю, создаваемому на базе упрощенного языка (версия на английском языке) (Шабермах 2010), что является одним из главных факторов завоевания «Аль-Джазирой» не только арабского медиарынка, но и выхода на мировой уровень и возможности конкурирования с западными каналами.

Именно такая политика телеканала, акцент на единство арабского мира, его истории, языка, религии, является ярким примером продвижения государственной (и не только) идеологии, пусть даже «Аль-Джазира» не делает этого напрямую, не пропагандирует идею единства открыто. С одной стороны, такая позиция позволяет арабскому сообществу сохранять и передавать свои уникальные черты даже в условиях глобализации и интеграции. СМИ дает возможность узнавать о жизни отдаленных частей арабского мира (вспомним, его огромную территорию), тем самым хотя бы виртуально она объединяет арабский народ и служит напоминанием об идеях панарабизма. С другой стороны, если саму идею панарабизма народ не отвергает, то разногласия в экономике, религии, политике не дают претворить панарабизм в жизнь.

«Аль-Джазира» как СМИ, возможно, не стала бы феноменом, если бы все было так хорошо. По словам президента «Аль-Джазиры» шейха Хамада, за пять лет работы не осталось ни одного арабского, да и не только арабского, государства, которое не выразило бы своего возмущения материалами корреспондентов канала. В мировом сообществе действительно сложился негативный имидж телеканала «Аль-Джазира» из-за манипулирования, искажения и сокрытия информации, многочисленных скандалов, связанных с деятельностью телеканала, с журналистами, работающими на «Аль-Джазиру», влияния религии и государственного строя (государственной поддержки телеканала) на функционирование и политику СМИ. В итоге

телеканал теряет популярность среди зрителей арабских стран (Авидар 2014) — нежелательный результат для любого СМИ. Более того, имидж и репутацию каналу восстановить будет еще труднее, чем аудиторию.

При мониторинге двух крупных информационных агентств (РИА «Новости» было выбрано, чтобы изучить сложившийся имидж «Аль-Джазиры» именно в нашей стране, BBCNews сотрудничает с «Аль-Джазирой» и представляет собой «западное мнение», с 2013 по 2015 г.) на предмет упоминания телеканала «Аль-Джазира» в материалах, исключая материалы, которые лишь называют телеканал в качестве источника, но не дают оценку его деятельности, выяснилось, что в РИА «Новости» общее количество публикаций, в тексте которых упоминается «Аль-Джазира»/«AlJazeera» — 248, в том числе 18 оценочных о политике, о деятельности самого телеканала.

Из восемнадцати публикаций только две имеют условно нейтральный оттенок, остальные — критика и обвинения в поддержке и пропаганде терроризма в адрес телеканала, вмешательстве в политику других государств, незаконной деятельности журналистов Аль-Джазиры (см. прилож. 1). Отметим, что один материал, а именно «Шантаж, угрозы, подкуп: как США перевоспитывают телеканалы» посвящен анализу «изменения» отношения к «Аль-Джазире» США и Европы. Канал пережил разные времена: «от шельмования и обвинений в пропаганде терроризма до получения премий от американских организаций и восторженных похвал западных СМИ за объективность освещения новостей и свободу слова» (Шантаж 2015), так, по мнению автора, США воспитывают телеканал.

Среди материалов BBC WorldNews, международного круглосуточного новостного телеканала BBC, общее количество публикаций, в тексте которых упоминается «Аль-Джазира»/«AlJazeera» — 337, в том числе 11 оценочных о деятельности самого телеканала

Пять из одиннадцати публикаций дают положительную оценку, «Аль-Джазира» представляется как востребованный источник информации, который распространяет свое влияние не только на арабский мир. Стоит отметить, что большинство «положи-

тельных» публикаций не о деятельности телеканала, а о беспокорстве общественности за судьбу журналистов, арестованных в Египте. В остальных материалах телеканал также критикуется за пропаганду терроризма (см. прилож. 2).

«Аль-Джазира» — один из ведущих телеканалов не только в арабских странах, но и во всем мире. На него ссылаются и его цитируют крупнейшие мировые информационные агентства. Вместе с тем «Аль-Джазира», как самостоятельная медиаединица, подвергается критике за поддержку и пропаганду терроризма, незаконную деятельность и «вторжение» на территорию некоторых государств. В ходе исследования лишь частично удалось подтвердить или опровергнуть подобную информацию, так как или в используемых источниках она не подтверждается официально, или источники противоположны в своих мнениях.

Мы проанализировали публикации двух крупных информационных агентств за 2013–2015 гг. и выяснили, что из 29 оценочных материалов о телеканале абсолютное большинство отрицательные. Таким образом, можно сделать вывод, что сейчас, несмотря на высокий рейтинг, обладание эксклюзивной информацией, «Аль-Джазира» имеет негативный образ (по материалам публикаций в мировых СМИ). Это обуславливается политикой канала, спецификой его деятельности и интересов.

Также, несмотря на высокий рейтинг цитирования, предоставления информационных поводов и обладание эксклюзивной информацией, остальной мир воспринимает телеканал «Аль-Джазира» с осторожностью и недоверием не только из-за упоминания в связи с террористами, но и из-за существующего в мире предубеждения и стереотипного восприятия арабов и мусульман, насильственное наступление ислама (Садыхова. Трансформация [б.г.]), различия в культуре, менталитете, ценностях не дают воспринимать «Аль-Джазирu» как телеканал с мировым именем.

Последние события и восприятие «Аль-Джазиры» как страстного участника событий «арабской весны» разрушают образ телеканала как символа панарабизма в медиа. Не стоит забывать, что к «Аль-Джазире» никогда не относились нейтрально. Приведем абсолютно противоположное мнение. Например,

Томас Фридман, колумнист *New York Times*, назвал Аль-Джазирu «маяком свободы и величайшим медиафеноменом арабского мира» (Friedman [2001]).

Тем не менее в 2000 г. эксперты в сфере изучения арабских СМИ считали, что аудитория «Аль-Джазиры» составляет 80 млн зрителей, в 2013 г. этот показатель уменьшился вдвое, до 40 млн (Блеск [2013]). Сейчас же называются уже другие цифры — 220 млн семей более чем в 100 странах мира (Телеканал 2011).

Следует также отметить, что не только некоторые западные страны запрещали вещание телеканала (что в основном связано с обвинениями в пропаганде терроризма), страны арабского мира также прерывают его вещание. «Аль-Джазира» выслушала в свой адрес немало обвинений: она была и «антиизраильской, исламистской, спонсировалась американцами, ЦРУ, бен Ладеном и Саддамом Хусейном» (Miles 2005, p. 56). Изложенное является еще одним аргументом в пользу того, что панарабизм пока невозможен, вероятно, к нему еще не готовы из-за разногласий и проблем в арабском мире.

«Аль-Джазирu» несомненно, можно назвать символом панарабизма в СМИ, но с оговорками. Сама идеология еще претерпевает существенное изменение и трансформацию. Канал развивает чувство общности у арабской диаспоры и привлекает неарабских зрителей. «Аль-Джазира» делает это двумя способами: за пределами арабского мира к телеканалу обращаются зрители, ищущие альтернативный источник информации, любопытствующие. Обращаясь к арабским зрителям, которые находятся за пределами арабского мира (например, эмигрировали в Европу), канал формирует чувство причастности и общности. «Аль-Джазирu» даже называют помехой для ассимиляции арабов и мусульман.

В некоторых своих программах «Аль-Джазира» приглашает арабских интеллектуалов и журналистов, которые живут в Европе, например политических деятелей «в изгнании». Таким образом телеканал «обеспечивает» глубину своих репортажей и продвигает арабскую культуру, язык, ценности, объединяет арабский мир, его представителей, которые находятся за его пределами, хотя, по мнению Акрама Хузама, бывшего шефа московского

бюро «Аль-Джазиры», такого понятия, как «арабский мир, не существует. Арабы разные. Есть Катар и Эмираты, а есть Марокко и Тунис, поверьте, очень разные страны. Арабская нация существует, да. Но “Аль-Джазира” не берет на себя функцию выражать некое средневзвешенное мнение арабской нации» (Валеев [2003]).

Все же телеканал «Аль-Джазира» является одним из наиболее вероятных претендентов на «звание» символа панарабизма в медиа, а значит, еще одним возможным вариантом воплощения арабской идеологии. Одно из самых известных арабских СМИ может стать примером существования панарабизма в медиасреде, хотя у «Аль-Джазиры» и нет передач или материалов с прямым призывом «Арабы, объединяйтесь». Скорее, это напоминание об общей истории, культуре, например в документальных фильмах телеканала. В медиатекстах «Аль-Джазиры» затрагиваются темы, которые интересны всем, так она не только объединяет огромную аудиторию, но и возрождает национальную и религиозную общность арабского мира. Это уже новый вид панарабизма, который отходит от политики, адаптирован к современным реалиям. СМИ не используется для сознательного донесения или навязывания идеологии, а само создает панарабизм, формирует чувство сопричастности и принадлежности к одному обществу, например посредством своих медиатекстов.

«Аль-Джазира» вещает практически на весь арабский мир, тем самым реализуя идею единства нации, но это обращение к национальным традициям — инициатива непосредственно самих людей, а не насаждение «сверху». Полного воплощения панарабизма в медиасреде мы также не наблюдаем, есть только некоторые его черты, предпосылки для его существования. Возможно, переход в медиасферу еще до конца не произошел, и категорично назвать «Аль-Джазирu» примером или символом панарабизма мы не можем. «Аль-Джазира» скорее является одной из ступеней формирования панарабизма в медиа, так как на практике мы видим недоверие и открытую неприязнь к деятельности телеканала не только у мировой, но даже у арабской аудитории.

Становление на примере западных СМИ, сохранение самобытности и индивидуальности граничат с обвинениями в пропаган-

де терроризма, незаконной деятельности на территории других стран, но у телеканала есть все возможности и предпосылки, чтобы стать объединяющим звеном для арабского мира или послужить примером для возникновения нового СМИ, которое учтет все ошибки «Аль-Джазиры» и других СМИ Аравийского полуострова и станет действительно панарабским СМИ без всяких оговорок, воплощая в жизнь лучшие идеи панарабизма.

Данная работа представляет собой попытку исследования феномена панарабизма как национальной арабской доктрины, его трансформации, перехода в медиасферу, возможностей и форм проявления в СМИ.

В соответствии с решением поставленных задач можно сделать следующие выводы. Были выявлены исторические, культурные и социальные предпосылки появления панарабизма — национальной арабской доктрины, также были выделены его характерные особенности. Определены роль и место религии в формировании понятия «панарабизм». Панисламизм и панарабизм в современном мире вышли за свои первоначальные границы, они частично объединяются и пересекаются из-за расширения понятий «арабский мир» и «исламский мир». Если говорить о религии, то ислам имеет последователей во многих странах мира, даже в тех, которые являются неисламскими. Следовательно, и панисламизм, объединяющий мусульман, также расширил свои границы.

Арабский мир, исторически ограничивающийся Аравией (арабами назывались племена, жившие на этой территории), со временем распространился в страны Магриба и Машрика. Термин «панарабизм» остался, но приобрел более широкое значение: он вышел за пределы национальности и стал пониматься как некая объединяющая сила для арабских стран и их населения.

«Изъятие» же религии из идеологии панарабизма в современных реалиях можно назвать искусственным, так как ислам присутствует во всех сферах жизни, он занимает слишком большое место в жизни всего арабского мира. Частично объединяясь, арабский и исламский миры образуют огромную потенциальную аудиторию для того или иного СМИ.

Панарабизм оказался несостоятельным в качестве национальной арабской идеи, политической идеологии. Объединение арабского мира оказалось невозможным из-за существующих экономических, территориальных, религиозных, культурных разногласий. Стоит отметить, что страны арабского мира все-таки понимают необходимость сотрудничества и воплощают его в деятельности Лиги арабских государств. Отдельно стоит рассматривать трактовку идей панарабизма и панисламизма радикальными группами, в этом случае идеологии искажаются и проявляются в своих крайних формах.

У панарабизма появилась совершенно новая платформа, новое средство для объединения арабского мира — медиасфера и СМИ. Трансформация идей панарабизма (их современное понимание) в медиафеномен — явление относительно новое, оно только начинает свой путь в медиасфере.

«Аль-Джазира», одно из самых известных, популярных, спорных и доступных для исследований СМИ арабского мира, становится первым претендентом на то, чтобы называться панарабским СМИ. Эту телесеть уже называют панарабской из-за территорий, на которые она вещает, «Аль-Джазира» объединяет огромную аудиторию, развивает чувство сопричастности у населения всего арабского мира и даже выходит за его пределы.

Медиапанарабизм — это не только территориальное объединение, он предполагает более сложное соединение на единой платформе политических, социальных и конфессиональных факторов.

СМИ действует в двух направлениях: во-первых, своими медиатекстами, темами своих ток-шоу и других передач способствует единению огромной аудитории, во-вторых, само СМИ стало тем, вокруг чего объединяются люди, аудитория. Поэтому именно СМИ можно назвать новым возможным инструментом панарабизма.

И все же полного возрождения панарабизма в медиасреде мы не наблюдаем, есть только некоторые черты, предпосылки для его существования. Обвинения в сотрудничестве с террористическими группировками, затрагивание тем, вызывающих негодование

в религиозных кругах арабского мира, причем не только среди фундаменталистов или радикалов, но и у традиционных мусульман, создание и усиление конфронтации между арабскими странами, между Западом и Востоком — все это способствовало тому, что «Аль-Джазира» испортила свой имидж не только в глазах неарабского мира, где и так существуют стереотипы и предрассудки относительно арабов и мусульман, но и в самом арабском мире.

Возможно, переход панарабизма в медиасферу еще не произошел, но категорично назвать «Аль-Джазиру» (или другое СМИ стран Аравийского полуострова) примером или символом панарабизма мы не можем. «Аль-Джазира» скорее является одной из ступеней формирования нового вида панарабизма в медиа, примером для будущего действительно панарабского СМИ.

Таким образом, отдельные черты панарабизм в медиа — это один из эффектов, порождаемых в некоторых аудиториях сложной совокупностью медиатекстов, специфических повесток дня и особенностями функционирования СМИ стран Аравийского полуострова, а не сознательная политика государств по виртуализации этой идеологии. Поэтому панарабизм, к которому в открытую канал никогда не призывал, может рассматриваться как один из эффектов его медиатекстов, созданный за счет охвата аудитории, ее объединения «вокруг» этого СМИ. И это происходит на надгосударственном уровне, уровне глобального этнического сознания и общих элементов картин мира. Возможно, новый панарабизм — это тот случай, когда территориальное объединение не так важно, как этническое объединение и религиозное единство.

Литература

Большаков О. Г. История Халифата: В 4 т. М.: Восточная литература РАН, 2000. Т. 1. Ислам в Аравии. 312 с.; Т. 2. Эпоха великих завоеваний. 294 с.; Т. 3. Между двумя гражданскими войнами. 304 с.; Т. 4. Апогей и падение арабского Халифата. 367 с.

Бибикова О. П. Арабы. Историко-этнографические очерки. М.: АСТ, 2008. 444 с.

Бутенко А. П., Миронов А. В. Сравнительная политология в терминах и понятиях: Учеб. пос. М.: НОУ, 1998. 411 с.

Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1754 г. — конец XX в). М., 1999. 672 с.

- Грюнебаум Г. Э. Основные черты арабо-мусульманской культуры. Статьи разных лет. М., 1981. 227 с.
- Дафтари Ф. Краткая история исмаилизма: Традиции мусульманской общины / Пер. с англ. Л. Р. Додыхудоевой, Л. Н. Додыхудоевой. М.: ООО «Издательство АСТ»; Ладомир, 2004. 273 с.
- Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка: международно-правовые и гуманитарные аспекты. М., 1991. 16 с.
- Игнатенко А. А. Зеркало ислама. М.: Русский институт, 2004. 217 с.
- Игнатенко А. А. Ислам и политика: Сб. ст. М.: Институт религии и политики, 2004. 256 с.
- Игнатенко А. А. Халифы без халифата: неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке. М.: Наука, 1988. 207 с.
- Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе / Пер. с англ., предисл. и коммент. М.Т. Степанянц. М.: Восточная литература РАН, 2002. 200 с.
- Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма / Пер. с фр. В. Ф. Денисова. М.: Ладомир, 2004. 468 с.
- Коровиков А. В. Исламский экстремизм в арабских странах. М.: Наука. Гл. ред. вост. литер., 1990. 170 с.
- Королев К. М. Ислам классический: энциклопедия. СПб.: Мидгард, 2005. 416 с.
- Климович Л. И. Ислам. Очерки. М., 1962. 261 с.
- Климович Л. И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии. М.: Изд-во политической литературы, 1986. 270 с.
- Крымский А. Е. История мусульманства. М.: Кучково поле, 2003. 464 с.
- Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. 286 с.
- Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: Учеб. пос. М.: КДУ, 2005. 320 с.
- Мавлютов Р. Р. Ислам. 2-е изд. М., 1974. 169 с.
- Матвеев К. П. История ислама. М.: АСТ, 2005. 254 с.
- Мирский Г. И. Международный терроризм, исламизм и палестинская проблема. М., 2003. 103 с.
- Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система. М.: Восточная литература РАН, 2004. 471 с.
- Саидбаев Т. С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М., 1984. 304 с.
- Сикоев Р. Р. Панисламизм: истоки и современность. Джамаллуддин Афгани и его религиозно-политические последователи. Аспект Пресс, 2010. 287 с.
- Степанянц М. Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX–XX вв.). М.: Наука; Гл. ред. вост. литер., 1982. 248 с.
- Степанянц М. Т. Философские аспекты суфизма. М.: Наука; Гл. ред. вост. литер. 1987. 192 с.

Тауфик И. На пути к коранической толерантности. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. 288 с.

Ученова В. В. Журналистика и идеология: Учеб. пос. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 184 с.

Ханников А. А. Религии мира: ислам. М.: Книжный дом., 2009. 384 с.

Ходжсон М. Дж. С. История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней / Пер. с англ. А. Н. Гордиенко, И. В. Матвеева, Н. В. Шевченко. М.: Наше слово, 2013. 360 с.

Фатхи Я. Ислам: идеи, движения, перемены. М., 1992. 52 с.

Черных А. Мир современных медиа. М.: ИД «Территория будущего», 2007. 309 с.

С л о в а р и , с п р а в о ч н и к и

Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 400 с.

Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М., 2007.

Все о странах. СПб.: ООО «СЗКЭО «Кристалл»», 2007. 272 с.

Ислам: Энциклопедический словарь / Под ред. Л.В. Негря. М.: Наука; Гл. ред. вост. литер., 1991. — 315 с.

Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалев. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

С б о р н и к и

Арабские страны Западной Азии и Северной Африки: Материалы VII конференции: Сб. ст. / Отв. ред. Б. Г. Сейранян. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 342 с.

Ислам: Религия, общество, государство. Сб. ст. / Отв. ред. П. А. Грязневич, С. М. Прозоров. М.: Наука; Гл. ред. вост. литер., 1984. 232 с.

Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. Сборник статей / Отв. ред. А.И. Ионова. М.: Восточная литература РАН, 1985. 279 с.

С т а т ь и и з с б о р н и к о в , ж у р н а л о в , г а з е т

Байчик А. В. Российские медиахолдинги: особенности становления // Век информации. 2015. № 1 (S1). С. 355–367.

Бекуров Р. В., Никонов С. Б. Политические процессы трансформации реальной политики // European Social Science Journal. 2012. № 11-2 (27). С. 284–288.

Быков А. Ю. Реализация норм профессиональной этики журналистов в практике американских СМИ // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2015. № 3 (43). С. 83–89.

Георгиева Е. С. Трансформация системы масс-медиа Болгарии в условиях европейской интеграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 1. С. 222–229.

Гольдциер И. Арабские племенные отношения // Крымский А.Е. История мусульманства. М., 2003. С. 355–437.

Гольдциер И. Идеалы староарабские и идеалы Моххамеда // Крымский А. Е. История мусульманства. М., 2003. С. 296–354.

Грязневич П. А. Аравия и арабы (к истории термина ал-'араб) // Ислам: религия, общество, государство: Сб. ст. / Отв. ред. П. А. Грязневич, С. М. Прозоров. М.: Наука; Гл. ред. вост. литер. 1984. С. 122–131.

Грязневич П. А. Ислам и государство (к истории государственно-политической идеологии раннего ислама) // Ислам: Религия, общество, государство: Сб. ст. / Отв. ред.: П. А. Грязневич, С. М. Прозоров. М.: Наука; Гл. ред. вост. литер. 1984. С. 189–204.

Грязневич П. А. К вопросу о праве на верховную власть в мусульманской общине в раннем исламе // Ислам: религия, общество, государство. Сб. ст. / Отв. ред.: П. А. Грязневич, С. М. Прозоров. М.: Наука; Гл. ред. вост. литер. 1984. С. 161–175.

Грязневич П. А. Коран в России (изучение, переводы и издания) // Ислам: религия, общество, государство: Сб. ст. / Отв. ред.: П. А. Грязневич, С. М. Прозоров. М.: Наука; Гл. ред. вост. литер. 1984. С. 76–82.

Грязневич П. А. Проблемы изучения истории возникновения ислама // Ислам: религия, общество, государство. Сб. ст. / Отв. ред.: П. А. Грязневич, С. М. Прозоров. М.: Наука; Гл. ред. вост. литер. 1984. С. 5–18.

Грязневич П. А. Формирование арабской народности раннего средневековья (к постановке проблемы) // Ислам: религия, общество, государство: Сб. ст. / Отв. ред. П. А. Грязневич, С. М. Прозоров. М.: Наука; Гл. ред. вост. литер. 1984. С. 132–143.

Гусаров В. И. Новые тенденции экономического развития арабских стран (первые годы XXI столетия) // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки: Матер. VII конф.: Сб. ст. / Отв. ред. Б. Г. Сейранян. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 44–52.

Данилова Ю. С. Демократический мультикультурализм: основные подходы в печатных СМИ Франции и Канады // Вестник Пятигорского государственно-лингвистического университета. 2011. № 2. С. 181–184.

Дози Р. Исламское вероучение и богопочитание // Крымский А. Е. История мусульманства. М.: Кучково поле, 2003. С. 249–280.

Дози Р. История Корана // Крымский А. Е. История мусульманства. М.: Кучково поле, 2003. С. 168–174.

Еремеев Д. Е. Шариат — исламский кодекс права и морали // Азия и Африка сегодня. 1997. №7. С. 7–13.

Ионова А. И. Тенденции разработки социально-экономической тематики современными мусульманскими теоретиками // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики: Сб. ст. / Отв. ред. А.И. Ионова. М.: Восточная литература РАН, 1985. С. 45–58.

Капустин Б. Г. Основные направления исторической эволюции социальных исламских учений (теоретическая постановка вопроса) // Ислам: проблемы

идеологии, права, политики и экономики: Сб. ст. / Отв. ред. А.И. Ионова. М.: Восточная литература РАН, 1985. С. 26–44.

Кныш А. Д. Некоторые проблемы изучения суфизма // Ислам: религия, общество, государство. Сб. ст. / Отв. ред.: П.А. Грязневич, С. М. Прозоров. М.: Наука. ГРВЛ, 1984. С. 87–95.

Косач Г. Г. Арабский мир: идентичность и структура геополитического региона // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки: Матер. VII конф.: Сб. ст. / Отв. ред. Б.Г. Сейранян. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 53–75.

Косач Г. Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2007. С. 259–331.

Курышева Ю. В. Политика ЕС в информационной сфере: европейская идентичность и культурное разнообразие. Нравственный аспект в работе фотоагентства – поставщика изображений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 1–2. С. 313–318.

Лабуш Н. С. Информационная война как порождение нового времени современных массмедиа технологий. Ч. 1. Продолжение политики средствами информационного насилия // Медиаскоп. 2015. № 2. С. 12.

Левин З. И. О пределах радикальности «исламского социализма» (арабские страны) // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики: Сб. ст. / Отв. ред. А. И. Ионова. М.: Восточная литература РАН, 1985. С. 96–107.

Михайлов С. А. Проблемы современной арабской журналистики // Современные зарубежные СМИ в условиях глобализации: Сб. ст. / Науч. ред. А. Ю. Быков. СПб.: Арт-Экспресс, 2011. С. 50–73.

Морина Т. С. Идеология исламизма как фактор политики современных мусульманских стран // Политико-философский ежегодник. Вып. 4 / Отв. ред. И. К. Пантин. М.: ИВ РАН, 2011. С. 94–111.

Никонов С. Б. Фактор религиозного аспекта в манипулировании международными процессами // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2015. № 3 (43). С. 109–114.

Полонская Л. Р. Современные мусульманские идейные течения // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики: Сб. ст. / Отв. ред. А. И. Ионова. М.: Восточная литература РАН, 1985. С. 6–25.

Прозоров С. М. Классификация мусульманских сект по «ат-Табсир фи-д-дин» Абу-л-Музаффара ал-Исфара'ини (ум. в 471/1078 г.) // Ислам: религия, общество, государство. Сб. ст. / Отв. ред.: П. А. Грязневич, С. М. Прозоров. М.: Наука; Гл. ред. вост. литер., 1984. С. 102–110.

Прозоров С. М. Шиитская (имамитская) доктрина верховной власти //

Ислам: религия, общество, государство: Сб. ст. / Отв. ред.: П. А. Грязневич, С. М. Прозоров. М.: Наука; Гл.ред. вост. литер., 1984. С. 204–212.

Пулю А. С., Садыхова А. А. Современное арабское телевидение как посредник в диалоге культур // Россия и мусульманский мир. 2013. № 11 (257). С. 153–157.

Рифаат А. Региональные интеграционные процессы в арабском мире // Востоковедный сборник. Вып. 2. М., ИИИиБВ, 2001. С. 27–34.

Сейранян Б. Г. Арабские революции 2011–2012 гг.: первые шаги и предварительные итоги // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки: Матер. VII конф.: Сб. ст. / Отв. ред. Б. Г. Сейранян М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 5–22.

Смолярова А. С. Функциональное своеобразие этнокультурных медиа // Медиаскоп. 2014. № 3. С. 8.

Степанова Е. А. Исламский терроризм сегодняшнего дня: глобальный и локально-региональный уровни // Индекс безопасности. 2007. Февр. Т. 13, № 1(81). С. 75–92.

Сюкияйнен Л. Р. Концепции халифата и современное государственно-правовое развитие зарубежного Востока // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики: Сб. ст. / Отв. ред. А. И. Ионова. М.: Восточная литература РАН, 1985. С. 139–159.

Труевцев К. М. Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи. // Национальная идея: история, идеология, миф / ИСР РАН. М., 2004. С. 104–118.

Тузилов А. Р. Масс-медиа: идеология видимая и невидимая // Полис. Политические исследования. 2002. № 5. С. 123–133.

Халидов А. Б. Ислам и арабский язык (некоторые аспекты проблемы) // Ислам: религия, общество, государство: Сб. ст./ Отв. ред.: П. А. Грязневич, С. М. Прозоров. М.: Наука; Гл. ред. вост. литер., 1984. С. 69–75.

Шарипова Р. М. Экономические концепции идеологов Лиги исламского мира // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики: Сб. ст. / Отв. ред. А. И. Ионова. М.: Восточная литература РАН, 1985. С. 68–79.

Шестрюков С. А. Арабский национализм в современной немецкой историографии // Известия Алтайского государственного университета. 2009. С. 277–280.

Электронные ресурсы

Абу Дауд С. Сунан Абу Дауд. Книга очищения. Хадисы [Б.г.] // Энциклопедия хадисов. URL: <http://hadis.info>.

Авидар Э. Почему арабские страны ненавидят Катар // ИноСМИ. URL: <http://inosmi.ru/world/20140319/218736024.html>.

Агарышев А. А. Гамаль Абдель Насер [Б.г.] // [Саддам – меч Востока]. URL: <http://www.saddam-mech-vostoka.narod.ru/gamal-abdel-naser.html>.

Арабские средства массовой информации: исторический аспект [2009] // Наш мир. URL: <http://nm2000.kz/news/2009-12-25-22945>.

Али ибн Абу Талиб — четвертый праведный халиф [2014] // Islamtoday. URL: <http://islam-today.ru/istoria/licnosti/ali-ibn-abu-talib-cetvertyj-pravednyj-halif/>.

Алиев А. «Мусульманский национализм»: вопросы типологии // Публикации. URL: <http://promreview.net/moskva/musulmanskii-natsionalizm-voprosy-tipologii?page=0,0>.

Аль-Джазира готовится судиться с российским сайтом Aljazeera.ru // Lenta.ru. URL: <http://lenta.ru/internet/2003/01/28/aljazeera/>.

Альмухаматов А. Р. Ислам о принципах построения гражданского общества // Издательский дом «Медина». URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5719>.

Андерсон Е. О. Арабские средства массовой информации: исторический аспект [Б.г.] // Издательский дом «Медина». URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/vostok_anderson.html.

Апшерони А. Пять столпов ислама // Электронная библиотека ModernLib. URL: http://modernlib.ru/books/apsheroni_ali/pyat_stolpov_islama/read/

Ахмедов В. М. Ближний Восток: проблема смены власти и осуществления реформ. Сирийский опыт [2005] // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3431>.

Бартольд В. В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве // Минарет. 2012. № 1–2 (31–32). URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?4643.

Блеск и нищета «Аль-Джазир» [2013] // Мнения. URL: http://mnenia.zahav.ru/Articles/3175/blesk_i_nisheta_al_jazeera.

Браницкий А. Г., Корнилов А. А. Религии региона [Б.г.] // Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Институт международных отношений и мировой истории. URL: <http://www.fmo.unn.ru/files/2013/01/Religii-regiona.pdf>.

Валеев А. Человек из «Аль-Джазир» [2003] // Mediaзавод. URL: <http://mediazavod.ru/articles/13208>.

Хадисы [Б.г.] // Вепа ислам. URL: http://islam.sitcity.ru/phtml_2105163133.phtml.

Медина [Б.г.] // Вокруг света. Энциклопедия. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index.php?title=%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0>.

Временное правительство Ирака приготовило кляп для «Аль-Джазир» // km.ru. URL: <http://www.km.ru/glavnoe/2004/08/07/kommentarii-dnya/vremennoe-pravitelstvo-iraka-prigotovilo-klyap-dlya-al-dzhaziry>.

Глава бюро «Аль-Джазир» в Бейруте подал в отставку // Lenta.ru. URL: <http://lenta.ru/news/2012/03/11/aljazeera/>.

Гусаров В. И. Арабский мир отсталости не преодолел // Независимая газета. 2005. URL: http://www.africana.ru/konkurs/raboti/Gusarov/000127_arabs.html.

Добаев И. П. Исламский радикализм: социально-философский анализ / Отв. ред. А. В. Малашенко. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. URL: http://www.azerbaijan.kavkaz-uzel.ru/system/attachments/0000/9616/И.Добаев_Исламский_радикализм_-_социально-философский_анализ.pdf.

Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // Федеральная служба безопасности. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>.

Законы шариата. URL: <http://islam-today.ru/sharia/>.

Зубов Н. Тысяча и одна новость от «Аль-Джазиры» // Коммерсант. 2001. 16 окт. URL: <http://http://www.kommersant.ru/doc/287122>.

Из египетской «Аль-Джазиры» уволились журналисты в знак протеста против редакционной политики // Lenta.ru. URL: <http://lenta.ru/news/2013/07/09/quit/>.

Исламский фундаментализм [Б.р.] // Webarhived. URL: <http://www.webarhived.ru/page-541.html>.

Касеми С. «Аль-Джазира» или падение арабской журналистики // Znak. URL: <http://inosmi.ru/world/20120821/197009587.html>.

Кьеца Дж. Государство, медиа и «человек телевизионный». URL: <http://www.znak.com/moscow/articles/09-04-21-08/102221.html>.

Мамед-заде П. Н. О перспективах политической модернизации в арабских странах. [2004] // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/08-04-04.html>.

Милославский Г. В. Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран (К эволюции возрожденческого течения в исламе) // Международный университет природы, общества и человека «Дубна». URL: http://lib.unidubna.ru/search/files/rel_rip/rel_rip_miloslavskii.pdf.

Мирский Г. Исламская цивилизация, исламизм и терроризм // Полит.ру. URL: <http://polit.ru/article/2003/12/16/mirsky/>.

Мухиэддин А. Этнопсихология арабов и ислам [Б.р.] // NewAfrica. URL: <http://newafrica.ru/digest/0702/is.html>.

Мэйсон Т. Вадах Ханфар «аль-Джазира» и триумф телевизионной пропаганды [2011] // Voltairemet. URL: <http://perevodika.ru/articles/19919.html>.

Нечитайло Д. Участие «Аль-Каиды» в событиях «арабской весны» // Центр Азия. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1306874640>.

Нойвирт А. Божественный текст Корана [2013] // ИноСМИ.ру. URL: <http://inosmi.ru/world/20131102/214428870.html>.

Орлов А. Катар финансирует международный терроризм [2005] // Военно-политическая аналитика URL: <http://vpoanalytics.com/2013/05/24/katarfinansiruet-mezhdunarodnyj-terrorizm/>.

Панарабистский проект [2012] // Геополитика. URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/12/panarabistskij-proekt/>.

Пинтак Л. Новая жизнь арабских медиа // Московский центр медиа-исследований. URL: <http://mediacenterunic.wordpress.com/2011/05/28/>.

Подцероб А. Б. Арабская смута: роль пропаганды и современных информационных технологий [2012] // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=15619>.

Рамазанов К. А., Султанмагомедов С. Н., Гаджиев М. П. Азбука Ислама: Учеб: метод. пособие по основам Ислама для начинающих. 2-е изд., доп. Махачкала, 2008. URL: <http://www.islam.ru/content/books/30828>.

Садыхова А. А. Евроислам: миф или реальность? [2011] // Rudocs.exdat.com. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-181518.html/>

Садыхова А. А. Трансформация значений терминов «исламизация» и «ре-исламизация» в контексте современных социально-политических процессов [Б.г.] // mognovse.ru. URL: <http://mognovse.ru/kpm-sadihova-arzu-ahmedovna-kandidat-filologicheskikh-nauk-tran.html>.

Сердюк Ю. О. Менталитет арабов // География. URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200301003>.

Сколько мусульман в мире [2013] // Ансар. URL: <http://www.ansar.ru/analytics/skolko-musulman-v-mire>.

Снесарев А. Е. Афганистан [Б.г.] // Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937). URL: <http://a-e-snesarev.ru/trudi/java0.html#vpl>.

Соколов-Митрич Д. Ислам голубоглазый // Юлдаш. URL: <http://www.yuldash.com/tg/index.php?id=6704&q=mes&pp=131>.

Соловьев В. С. Магомет, его жизнь и религиозное учение [Б.г.] // Библиотека Rin.ru. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/46126p23.html>.

Сотниченко А. Против течения: национализм в современном мире // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/2/so10.html>.

Сулейманов Р. Влияние идеологии арабских стран на мусульман Татарстана [2012] // The centre of researches of the Qur'an and Sunnah Republic of Tatarstan. URL: <http://quran-sunna.ru/2012/10/03/vliyanie-ideologii-arabskix-stran-namusulman-tatarstana/>.

Телеканал «Аль-Джазира». Справка [2011] // РИА «Новости». URL: <http://ria.ru/spravka/20110921/441077427.html?id=?id=>.

Труевцев К. М. Рождение и смерть панарабизма // Политический журнал. URL: <http://www.politjournal.ru/preview.php?action=Articles&dirid=67&tek=1765&issue=46>.

Фукуяма Ф. Может ли получиться нечто путное из радикального ислама // Rjews.net Портал еврейских сайтов. URL: <http://www.rjews.net/gazeta/fukuiaama.shtml>.

Хадис о малом и большом джихаде [2015] // Энциклопедия хадисов. URL: <http://hadis.info/xadis-o-malom-i-bolshom-dzhixade/19920/>.

Холхина М. М. Информационное пространство социокультурной идентично-

сти // Институт системных исследований и координации социальных процессов. URL: http://www.isiksp.ru/library/knyazeva_mm/knyazeva-000004.html.

Шамсутдинов И. Национализм разрушает ислам [2013] // ГолосИслама.ru. URL: <http://golosislama.ru/news.php?id=14228/>.

Шантаж, угрозы, подкуп: как США перевоспитывают телеканалы // РИА «Новости». URL: <http://ria.ru/analytics/20150126/1044330566.html>.

Юнгерр А. Роль социальных сетей в организации «арабской весны» [2012] // ЦентрАзия. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1348518060>.

Авторефераты диссертаций

Байбаков А. С. Арабские страны: специфика внутренних и внешних факторов экономического развития: конец XX — начало XXI века: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008.

Вара Тарек Бассам. Специфика функционирования палестинской прессы в системе арабской журналистики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2012.

Ясин Шабермах. Палестинская проблема на телеканале «Аль-Джазира»: дискурс терроризма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010.

Источники на английском языке

Al Arabia News. URL: <http://english.alarabiya.net>.

Aljazeera. URL: <http://www.aljazeera.com>.

Al Kasim F. The Opposite Direction: A Program which Changed the Face of Arab Television // The Al Jazeera Phenomenon Critical Perspectives on New Arab Media. London: Pluto Press, 2005. P. 93–105.

Awad G. Aljazeera.net: Identity Choices and the Logic of the Media // The Al Jazeera Phenomenon Critical Perspectives on New Arab Media. London: Pluto Press, 2005. P. 80–89.

Barkho L. Unpacking the discursive and social links in BBC, CNN and Al-Jazeera's Middle East reporting // Journal of Arab and Muslim Media Research. 2007. Vol. 1, N 1. P. 11–29.

El Oifi M. Influence without Power: Al Jazeera and the Arab Public Sphere // The Al Jazeera Phenomenon. Critical Perspectives on New Arab Media. London: Pluto Press, 2005. P. 66–79.

Miles H. Al-Jazeera: The Inside Story of the Arab News Channel that Is Challenging the West. New York, NY: Grove Press, 2005. 448 p.

Muhammad I. Ayish, Media Brinkmanship in the Arab World: Al Jazeera's The Opposite Direction as a Fighting Arena // The Al Jazeera Phenomenon Critical Perspectives on New Arab Media. London: Pluto Press, 2005. P. 106–126.

Sattam Hamad Khalaf. Socio-anthropological interpretation of time and pathology of time in Arab- Muslim society. Oxford: Oxford Press, 2014. 27p.

Zayani M. The Al Jazeera Phenomenon. Critical Perspectives on New Arab Media. London: Pluto Press, 2005. 224 p.

Электронные ресурсы на английском языке

Al-Jazeera program host: «Israelis are very much less brutal... Israel can always claim it is facing an enemy, whereas Arab dictators are facing their own people [2011] // MEMRI. URL: <http://www.memri.org/report/en/0/0/0/0/0/5236.htm>.

Arab League. [S.a.]. URL: <http://www.arableagueonline.org>.

Da Lage O. The Politics of Al Jazeera or the Diplomacy of Doha [2005] // Le Blog d'Olivier Da Lage. URL: <https://odalage.wordpress.com/autres-publications/the-politics-of-al-jazeera-or-the-diplomacy-of-doha-in-%C2%ABthe-al-jazeera-phenomenon-critical-perspectives-on-new-arab-media%C2%BB-pluto-press-ouvrage-collectif-coordonne-par-mohamed-zayani-20/>.

Friedman T. TV station beams beacon of freedom to Arab world [2001] // Milwaukee Journal Sentinel. URL: <https://news.google.com/newspapers?nid=1683&dat=20010228&id=r6kaAAAAIBAJ&sjid=rTAEAAAAIBAJ&pg=6738,7375120&hl=en>.

Hossli P. Hello, this is Al Jazeera [2013] // Hossli. URL: <http://www.hossli.com/articles/2013/12/18/hello-this-is-al-jazeera/>.

Islamic Broadcasting Union [S.a.] // Organisation of Islamic Cooperation. URL: http://www.oic-oci.org/oicv2/page/?p_id=65&p_ref=34&lan=en.

Lawrence J. Iraq crisis: Could an ISIS caliphate ever govern the entire Muslim world? [2014] // ABC. URL: <http://www.abc.net.au/news/2014-07-02/could-an-isis-caliphate-ever-govern-the-muslim-world/5559806>.

Miles H. The Inside Story of the Arab News Channel That is Challenging the West [2011] // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=liPHLwFGf0>.

Muslim population in the world [S.a.] // Muslim population in the world. URL: <http://www.muslimpopulation.com/World/>.

Organisation of Islamic Cooperation [S.a.]. URL: <http://www.oic-oci.org/oicv2/home/?lan=en>.

Organization of Islamic Cooperation. URL: <http://www.oic-oci.org/oicv2/states/>.

Organization of Islamic Cooperation. Islamic Broadcasting Union. [S. a.] URL: http://www.oic-oci.org/oicv2/page/?p_id=65&p_ref=34&lan=en#ibu.

Tarek Cherkaoui. Al Jazeera's changing editorial perspectives and the Saudi-Qatari relationship // The Political Economy of Communication. 2014. Vol. 2, N 1. URL: <http://polecom.org/index.php/polecom/article/view/28/205>.

Zaharna R.S. Al Jazeera and American Public Diplomacy: A Dance of Intercultural (Mis-) Communication [2003] // R.S. ZAHARNA. URL: <http://academic2.american.edu/~zaharna/jazeera-ab.html>.

Приложение 1

Информационное агентство «РИА Новости»

Дата	Название материала	Проблема	Оценка
23.02.2015	Телеканал «Аль-Джазира» публикует секретные данные мировых спецслужб	В рамках проекта The Spy Cables «Аль-Джазира» совместно с британской газетой Guardian начинает публикацию секретных документов спецслужб, а именно: израильской разведки «Моссад», британской MI6, российской ФСБ, австралийской ASIO и южноафриканской SSA.	+/-
12.02.2015	Суд Египта выпустил под залог журналиста «Аль-Джазиры» Мухаммеда Фахми	Суд Египта выпустил под залог журналиста «Аль-Джазиры» на время пересмотра дела. Ранее 19 сотрудников телеканала были обвинены за распространение ложных сведений и клеветы во время освещения акции протеста «Братьев мусульман»	- Но следует отметить, что мировое сообщество осудило решение суда Египта
10.02.2015	Боевик, снабжавший СМИ сообщениями «Аль-Каиды», приговорен к 26 годам	«Аль-Джазира» транслировала аудиозапись бывшего лидера «Аль-Каиды» в Саудовской Аравии Абдель Азиза аль-Мукрина. Это расценивается как поддержка радикальной религиозной группировки	-

26.01.2015	Шангаж, угрозы, подкуп: как США перевоспитывают телеканалы	Материал посвящен «изменению» мнения США, а потом и Европы об «Аль-Джазире»: из пособия террористов канал превратился в «объективный и профессиональный». Автор считает, что такое следование указаниям «американских кураторов» приведет канал к «катастрофическим последствиям»	-
28.09.2014	Активисты штурмовали офис телеканала «Аль-Джазира» в Бейруте	Журналист телеканала «Аль-Джазира» Фейсал аль-Касим опубликовал у себя на страничке в социальной сети такое сообщение: «Достижениями ливанской армии с момента ее основания являются съемки в клипе с Нажуа Карам (певица)». В ответ на это заявление несогласные штурмовали офис телеканала в Бейруте, считая свои действия ответом на оскорбления в адрес ливанской армии	-
22.07.2014	Глава МИД Израиля пообещал запретить «Аль-Джазире»	Глава МИД Израиля Авигдор Либерман хочет запретить телеканал «Аль-Джазира» в своей стране. По его мнению, Катар стал «экономическим костяком» экстремизма на Ближнем Востоке и «глобальной проблемой».	-
18.04.2014	Страны Персидского залива преодолели кризис в отношениях с Катаром	На Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) договорились об урегулировании кризиса в отношениях между Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Бахрейном с одной стороны, и Катаром — с другой. Катар и «Аль-Джазира» обвинялись в пособничестве террористам, но Катар согласился изменить свою политику	+

08.11.2013	Главарь «Аль-Каиды» распустил крупную ячейку организации в Сирии	Обращение главаря международной террористической организации «Аль-Каида» Аimana аз-Завахири, переданное в эфире спутникового телеканала «Аль-Джазира»	-
12.09.2013	«Аль-Джазира» подает иски против властей Египта за аресты журналистов	Новые власти Египта заявили, что телеканал «Аль-Джазира» предвзят и освещает события в стране. По мнению представителей канала, после переворота египетские силовики арестовали или задержали многих журналистов телеканала	-
03.09.2013	Египетский суд запретил вещание филиала телеканала «Аль-Джазира»	«Аль-Джазире» обвинили в оказании информационной поддержки египетским исламистам. Также телеканал назвали «оппозиционным новым властям страны».	-
1.09.2013	Египет выслал из страны трех журналистов телеканала «Аль-Джазира»	Иностранцы не имели аккредитации для ведения информационной работы в Египте	-
17.08.2013	СМИ: «Аль-Джазира» блокирует для США доступ к своим роликам на Youtube	Новостные сообщения «Аль-Джазиры» были широко востребованы именно через YouTube, когда начались волнения на Ближнем Востоке. Освещающая арабскую весну, катарская компания добилась «заоблачных интернет-рейтингов посещаемости»	-/+

07.07.2013	Служба безопасности Египта провела операцию в бюро «Аль-Джазиря» в Каире	Руководство телеканала обвиняют в том, что канал вещает без специального разрешения	-
06.07.2013	Прокуратура Египта постановила задержать шефа бюро «Аль-Джазиря»	Шефу бюро катарского спутникового телеканала «Аль-Джазира» в Каире Абдель Фаттаху Фаеду вменяются действия, представляющие угрозу национальной безопасности и гражданскому миру. Информационная поддержка египетским исламистам	-
04.07.2013	Телеканал «Аль-Джазира» прекратил вещание в Египте	Египетская служба катарского спутникового телеканала «Аль-Джазира» прекратила вещание	-
04.07.2013	Силовики ворвались в офис телеканала в Каире, сообщает «Аль-Джазира»	Представители Службы безопасности Египта ворвались в студию телеканала в Каире и арестовали несколько сотрудников из-за поддержки телеканалом «Братьев-мусульман»	-
28.04.2013	Власти Ирака отозвали лицензию у 10 каналов, в том числе «Аль-Джазиря»	Иракские власти отозвали лицензию у телеканала «Аль-Джазира» и еще девяти каналов за продвижение насилия и вражды	-
18.02.2013	Сирийские власти конфисковали имущество ведущего «Аль-Джазиря»	Обвинение ведущего в финансировании террористических группировок в Сирии, а также деятельности, направленной на подрыв стабильности и розжиг гражданской войны и межконфессиональной розни. Обвинение телеканала сирийскими властями в спонсировании террористических группировок	-

Приложение 2

BBC News

Дата	Материал	Проблема	Оценка
08.03.2015	The fight for freedom of speech in Egypt	Журналисты отрицают свою вину, мировая общественность призывает Египет пересмотреть свое решение	+
01.01.2015	Egypt: Al-Jazeera three retrial hailed by media	СМИ называют арест журналистов телеканала «Аль-Джазира» несправедливым. Требуют пересмотра приговора	+
28.11.2014	Qatar's Al-Araby Al-Jadeed: Will new media venture silence suspicions?	Открытие дополнительного СМИ в рамках сети «Аль-Джазира» вызвало много споров, есть опасения, что это медиа станет еще одним пособником террористам	-
15.08.2014	Al Gore sues Al Jazeera America over TV channel sale	«Аль-Джазире» обвиняют в нарушении договора. Сеть не выполняет финансовую часть сделки по покупке канала Current TV	-
27.02.2014	Solidarity day for al-Jazeera journalists held in Egypt	В Египте и в некоторых других странах прошли акции протеста в поддержку арестованных журналистов «Аль-Джазирь»	-
13.09.2013	Egypt army in major push to eradicate te Sinai militants	Телеканал передает обращения лидеров «Братства мусульман»	-

03.09.2013	Egypt shuts down four TV stations	Египетский суд закрывает четыре телеканала, в том числе и «Аль-Джазиру». Их обвиняют в посябничестве «Братьям-мусульманам»	-
21.08.2013	Egypt: Return to generals' republic?	«Аль-Джазира» помогает «Братьям-мусульманам», является неоспоримой силой в борьбе за влияние в Египте	-
20.08.2013	Al Jazeera launches US television news service	«Аль-Джазира» начинает вещание на Америку, новый взгляд, подача информации	+
23.05.2013	Woolwich attack: A new template	«Аль-Джазира» — рупор террористических группировок	-
07.01.2013	Qatar: regional backwater to global player	«Аль-Джазира» — ведущий и авторитетный канал арабского мира	+

Е.С. Георгиева

Роль онлайн медиа
в консолидации балканской культуры

В современных условиях место Балканского региона в европейском геополитическом пространстве определяется несколькими ключевыми факторами, среди которых можно отметить политический, социальный, экономический факторы, факторы культуры, религии. Сегодня фактор культуры приобретает все больший вес в процессе консолидации этнических и национальных общностей на региональном уровне. Формирование общего культурного пространства на Балканском полуострове становится гарантией будущего устойчивого развития отдельных государств региона. С политической и экономической точек зрения имидж региона в целом негативен. Формирование концепции развития общего культурного пространства позволило бы нивелировать негативное восприятие региона и создать положительный имидж Балканского полуострова. Тематику, описываемую в данной статье, можно найти в работах российских ученых А. В. Байчик (2015), А. Ю. Быкова (2015), Е. С. Георгиевой (2011), Ю. С. Даниловой (2011), Ю. В. Курышевой (2008), Н. С. Лабуша

(2015), С. Б. Никонова (2015), Р. В. Бекурова (Бекуров, Никонов, 2012), А. С. Пую (Пую, Садыхова, 2013), А. С. Смоляровой (2014).

Важную роль в процессе развития регионального культурного пространства, с одной стороны, и формировании положительного имиджа региона — с другой, играют СМИ, в первую очередь онлайн медиа. В настоящее время влияние онлайн-медиа в интерпретации реальности неуклонно возрастает, они формируют новую публичную сферу и исполняют роль информационного фильтра, определяющего дальнейшее восприятие той или иной информации. Таким образом, они непосредственно участвуют в процессе создания национального имиджа. Вместе с тем имидж все чаще определяется в качестве результата мифологизации и стереотипизации при участии масс-медиа.

При рассмотрении понятия стереотипа становится очевидным, что, в сущности, сам стереотип нейтрален, но его установка эмоционально окрашена и социально детерминирована, так как выражает систему ценностей тех или иных социальных групп. Следовательно, стереотипы могут являться выражением общественного сознания и функционировать на основе определенного социального заказа. В этом и заключается их пропагандистское воздействие, которое достигается в основном при участии традиционных источников информации. Сегодня необходимо рассматривать стереотип в качестве важного механизма формирования национального имиджа, имиджа как исторического, так и актуального, складывающегося с учетом современных реалий, политических, экономических, социальных факторов, а также факторов религии, культуры и других обстоятельств.

В процессе формирования национального имиджа для отдельных государств Балканского полуострова симптоматичным является их стремление к сепаратизму. Это дает основание вспомнить о понятии «балканизация». Геополитический термин «балканизация» был введен в обращение на Берлинском конгрессе и обозначил специфический процесс фрагментации народов и государств Балканского полуострова вследствие геополитических договоренностей великих держав в ходе решения восточноевропейского вопроса. В современных условиях термин «балканиза-

ция» служит нарицательным для обозначения геополитического процесса дезинтеграции на Балканском полуострове, который часто рассматривается в качестве экстремальной формы мультикультурализма (Загоров 2006).

С учетом актуальных тенденций чрезвычайно важно интенсифицировать процесс формирования общего балканского культурного пространства, именно культурная парадигма способна создать позитивный имидж Балканского полуострова. Предпосылками для создания общего культурного пространства являются общее историческое прошлое, географическое соседство и схожие культурные традиции. Формирование регионального имиджа на базе культурных традиций способствовало бы консолидации этнических общностей внутри региона, с одной стороны, и интеграции региона в общее европейское пространство — с другой. Региональный имидж обладает наднациональным значением, и его формирование важно для осуществления межкультурной коммуникации в регионе, главными особенностями которого являются гибридная природа обществ, сложные структурные связи и компрессия разнородных культур.

Литература

1. Байчик А. В. Российские медиахолдинги: особенности становления // Век информации. Ценностные ориентиры отечественной журналистики: Сб. науч. ст. №1(S1) / Ред.-сост.: Г.В. Жирков, К.В. Силантьев, С. Б. Никонов и др. СПб.: С-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2015. С. 355–367.
2. Данилова Ю. С. Основные теоретические аспекты становления политики мультикультурализма в рамках теории коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 3. С. 197–201.
3. Данилова Ю. С. Демократический мультикультурализм: основные подходы в печатных СМИ Франции и Канады // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 181–184.
4. Курышева Ю. В. Политика ЕС в информационной сфере: Европейская идентичность и культурное разнообразие. Нравственный аспект в работе фотоагентства — поставщика изображений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 1–2. С. 313–318.

5. Загоров О. Балканският геополитически калейдоскоп // Геополитика. 2006. URL: <http://geopolitica.eu/spisanie-geopolitika-broi-1-2006/458-balkanskiyat-geopoliticheski-kaleydoskop-?start=2>.
6. Байчик А. В. Российские медиахолдинги: особенности становления // Век информации. 2015. № 1 (S1). С. 355–367.
7. Бекуров Р. В., Никонов С. Б. Политические процессы трансформации реальной политики // European Social Science Journal. 2012. № 11-2 (27). С. 284–288.
8. Быков А. Ю. Реализация норм профессиональной этики журналистов в практике американских СМИ // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2015. № 3 (43). С. 83–89.
9. Георгиева Е. С. Трансформация системы масс-медиа Болгарии в условиях европейской интеграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 1. С. 222–229.
10. Данилова Ю. С. Демократический мультикультурализм: основные подходы в печатных СМИ Франции и Канады // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 181–184.
11. Курышева Ю. В. Политика ЕС в информационной сфере: Европейская идентичность и культурное разнообразие. Нравственный аспект в работе фотоагентства — поставщика изображений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 1–2. С. 313–318.
12. Лабуш Н. С. Информационная война как порождение нового времени современных массмедиа технологий. Ч. 1. Продолжение политики средствами информационного насилия // Медиаскоп. 2015. № 2. С. 12.
13. Никонов С. Б. Фактор религиозного аспекта в манипулировании международными процессами // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2015. № 3 (43). С. 109–114.
14. Пую А.С., Садыхова А. А. Современное арабское телевидение как посредник в диалоге культур // Россия и мусульманский мир. 2013. № 11 (257). С. 153–157.
15. Смолярова А. С. Функциональное своеобразие этнокультурных медиа // Медиаскоп. 2014. № 3. С. 8.
16. Jakubowicz K., Sükösd M. Finding the Right Place on the Map. Central and Eastern European MediaChange in a Global Perspective. Bristol, 2008. 302 p. URL: <http://ru.scribd.com/doc/19300797/Finding-the-Right-Place-on-the-Map-Central-and-Eastern-European-Media-Change-in-a-Global-Perspective/>.
17. South East European Media Observatory. URL: <http://mediaobservatory.net>.

Ю. В. Курышева

ИСПАНСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МЕДИАСИСТЕМЫ¹

В Испании, как и в любой другой стране, система СМИ развивалась, отражая политические и социальные изменения в обществе. 1978 г. стал ключевым в истории становления национальных средств массовой информации. Во-первых, испанская Конституция 1978 г. стала кульминационным моментом перехода страны к демократическому режиму, который стимулировал формирование новой демократической медиасистемы. Во-вторых, испанская конституция разделила ранее централизованное государство на 17 автономных сообществ и 2 города федерального значения с той или иной степенью самостоятельности. В-третьих, обретя свободу обращаться с информацией, испанские СМИ столкнулись с экономической свободой и потерей государственной финансовой поддержки. В результате испанская периодическая печать, которая раньше не обладала особой

¹Статья написана в 2008 г.

популярностью, вынуждена была решать проблему экономического выживания, проблему региональной фрагментации СМИ, концентрации медиа, а также проблемы внедрения иностранных инвестиций и иностранного влияния.

В 1980-х г. национальные газеты приступили к выпуску региональных изданий с целью поднять тиражи. С одной стороны, этот метод помог увеличить уровень продаж и расширить аудиторию. С 1999 по 2007 г. количество читателей ежедневной прессы увеличилось с 35,2 до 41,3% от общего населения. (Asociación [2007]). С другой стороны, тенденция к региональной фрагментации СМИ усилила процесс децентрализации Испании.

В Испании на данный момент выпускается более 200 ежедневных общеполитических газет, большинство из них — не самостоятельные издания, а лишь региональные выпуски национальных газет. Все они являются частными (Instituto [s.a.]).

Существует только три национальных общеполитических газеты: El País, ABC El Mundo. Несмотря на то что национальные газеты распространяются в большинстве автономных провинций, они не играют такой роли, как региональные издания. К примеру, La Vanguardia в Каталонии и El Periodico в Барселоне имеют тираж 212 000 и 208 000 экземпляров соответственно, La Voz de Galicia — 135 000 экземпляров.

Европейские демократические традиции требуют, чтобы европейские национальные медиарынки обеспечивали свободу выражения, плюрализм СМИ, культурное разнообразие, общественное вещание и либерализацию в сфере производства аудиовизуальной продукции. Эти требования оказывают существенное влияние на экономические аспекты существования массмедиа. После того как указанные приоритеты были учтены в национальном законодательстве, появились частные телевизионные каналы, и тенденция к региональной фрагментации СМИ стала ощущаться сильнее.

В данном контексте в Испании наблюдается высокий уровень медиаконцентрации. Две из четырех крупнейших медиагрупп — Grupo Prisa, Grupo Zeta, Hachette Filipacci Medias, Recoletes, — иностранные, что стало возможным благодаря принятию об-

щевропейского требования по либерализации медиарынка. Медиагруппа Recoletes, которая на 70% принадлежит концерну Пирсона, издает спортивную ежедневную газету Marca, которая имеет второй по величине тираж в Испании, и спортивную газету Estado Deportivo. Recoletes также принадлежит национальная газета El Mundo, третья по популярности газета в Испании с ежедневным тиражом 272 000 экземпляров. Ее онлайн версия — лидер среди испанских онлайн-изданий.

Литература

1. Asociacion para la investigacion de medios de comunicacion. Octubre 2006 a mayo 2007 // AIMC. URL: http://www.aimc.es/aimc.php?izq=egm.swf&pag_html=si&op=cuatro&dch=02egm/24.html.
2. eEspaña 2005. Informe anual sobre el desarrollo de la Sociedad de la Información en España. Madrid // Fundacion Orange. URL: http://fundacionorange.es/areas/25_publicaciones/publi_251_5.asp.
3. Grupo Prisa graphs information // Grupo Prisa. URL: http://www.prisa.es/prisamedia/prisa/media/200604/18/actividad/20060418prsrsact_3_Gen_SWF.swf.
4. Grupo Zeta: Informe anual 2005 // Grupo Zeta. URL: <http://www.grupozeta.es/memoria2005/MEMORIA2005.pdf>.
5. Hooper J. The new Spaniards. London, 1995.
6. Instituto nacional de Estadisticas 2007. URL: <http://www.ine.es>.
7. Jordana J., Sancho D. The transformation of the spanish telecommunications policy network during market liberalisation // ECPR Conference 2001, Canterbury. URL: <http://www.upf.es/dcpis/gipt/documentos/SpainTelecom.htm>.
8. Pardo R. J. Media system of Spain: study on co-regulation measures [2006] // Hans Bredow Institut foe Media Research at the University of Hamburg. URL: <http://www.hans-bredow-institut.de/forschung/recht/co-reg/reports/1/Spain.pdf>.

Ю. С. Данилова

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ²

Сейчас в большинстве стран Западной Европы достаточно остро стоит вопрос взаимодействия различных культур и их равенства. Политика мультикультурализма направлена, с одной стороны, на сохранение традиций, устоев, нравов конкретных культур, а с другой — на мирное сосуществование различных культур в рамках одного государства. Вопрос о необходимости диалога культур стал особенно актуален в конце XX в. и не теряет своей значимости и в наши дни. Эту идею поддерживали и продолжают разрабатывать ученые Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Фуко, Ф. Радтке, А. Турен, Ю. Хабермас, В. Малахов.

В отличие от стран Европы, Америка никогда не была мононациональной страной (становление американской нации описывает теория «плавильного котла»). Можно выделить два основных подхода к мультикультурализму — американский и

² Статья написана в 2008 г.

французский. Владислав Галецкий объясняет каждое из направлений таким образом: «Первую можно назвать моделью резервирования квот, вторую — моделью формального равенства» (Галецкий 2006).

Основами мультикультурализма принято считать демократические права, либеральные основы, терпимость. Больше не должно существовать различий между черными и белыми, арабами и европейцами, буддистами и католиками. Такой подход предложили наиболее развитые страны, в основном это страны Запада. Со временем ключевыми понятиями стали «преодоление чуждости», «толерантное отношение», «сохранение национального самосознания» и т.д.

Франция, как и большинство европейских стран, стремится к сохранению идентичности и целостности. Вместе с тем политики демократического мультикультурализма придерживается не только правительство страны, но и СМИ. Французские СМИ предпочли ассимилятивную политику мультикультурализма, для которой характерны культурный плюрализм и стремление к стиранию различий. Основной задачей СМИ по-прежнему, остается толерантное отношение к меньшинствам, одинаковое отношение ко всем культурам, представленным на территории Франции. Совершенно точно политику Франции в отношении иммигрантов охарактеризовал бывший президент Франсуа Миттеран: «Сегодня быть французом означает быть не только французом (этническим), но и итальянцем, вьетнамцем, китайцем, евреем, арабом и даже испанцем» (там же). Французы совершенно справедливо требуют от иммигрантов взаимного уважения и соблюдения норм и обычаев их культуры.

Необходимо понимать, что этнокультурные группы не имеют возможности проявлять свою идентичность, так как ограничены тем обществом, в котором живут. Вследствие этого возникает вопрос о возможном существовании христианских и светских ценностей современной Франции наряду с исламскими, притом что приверженцы последних не склонным ассимилироваться. Причина, на наш взгляд, может заключаться в том, что раньше представители мусульманского этноса стремились к интеграции

в принимающее общество, преодолению «инакости», а теперь подчеркивают свою особость и идентичность. И в этом немалую роль играют современные СМИ, так как именно они сформировали стереотип о радикальном отличии культур.

Западное общество провозгласило мультикультурализм, и теперь он становится неотъемлемой частью демократичного и либерального общества.

Литература

Галецкий В. Критическая апология мультикультурализма // Дружба народов. 2006. №2.

Н. С. Лабуш

**Война и роль СМИ
в ПРОЦЕССЕ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ
ДУХОВНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАРОДА¹**

Человечество никак не может отказаться от войн как средства достижения политических целей, хотя в современных условиях роль военной силы претерпела значительные изменения. Уроки прошлого свидетельствуют о том, что необходимо учитывать роль духовного потенциала народа в достижении победы. СМИ находятся в арсенале средств воздействия на население своей страны и личный состав ее вооруженных сил, влияния на противника, а также формирования мирового общественного мнения в годы военного противоборства. Информационные ресурсы используются при подготовке к войне как повод для ее начала, для сопровождения / обеспечения боевых действия (внешний и внутренний аспекты), закрепления результатов победы или оправдания поражения. Журналисты внесли значительный вклад в достижение победы в Великой Отечественной войне, поднимая моральный дух солдат.

¹ Статья написана в 2008 г.

В современном мире для предотвращения угроз национальным интересам нужно задействовать совокупность средств. Возможность вооруженных конфликтов и новых войн сохраняется. Обороноспособность государства, его военная мощь — это совокупность материальных и духовных ресурсов государства, которые могут быть использованы им для ведения войны, для решения других задач во внешней и внутренней политике с применением вооруженных сил. К ним принято относить и морально-политический потенциал — степень духовной готовности народа к решению стоящих перед обществом задач, в том числе военных.

В современных условиях СМИ являются важнейшим средством формирования духовного мира личности, ее морально-политических и волевых качеств. Актуальна проблема информационной и духовной безопасности, которые тесно взаимосвязаны между собой. «Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства» (Доктрина 2000). Проблема духовной безопасности российского общества как защищенности всей совокупности ценностей духовной культуры и способности противостоять внешним и внутренним угрозам становится сегодня особенно актуальной и рассматривается в качестве одного из важнейших условий обеспечения национальной безопасности. В качестве реальной внешней угрозы духовности значительной части россиян можно рассматривать информационную и духовно-психологическую экспансию СМИ ряда зарубежных стран, в первую очередь США. Российские СМИ оказались подвержены чужому влиянию: через них духовно-культурное поле России интенсивно насыщается чуждыми ценностями. Мало-помалу осуществляется широкомасштабная идеологическая агрессия, нацеленная на изменение духовного менталитета нации, деформацию национального сознания, разрушение первооснов отечественной культуры.

Военная доктрина РФ (2009) отмечает, что характерной чертой современных вооруженных конфликтов является усиление

роли информационного противоборства. Проблема медиатизации вооруженных конфликтов занимает умы ученых и специалистов. Примеры обретения независимости Косова, Южной Осетии и Абхазии демонстрируют актуальность формирования мирового общественного мнения, а ведение боевых действий в Афганистане, Ираке поднимает значимость массмедийного воздействия как на вооруженные структуры противника при подготовке и ведении боевых действий, так и на население своих стран.

На наш взгляд, не следует преувеличивать степень информационного воздействия на международные политические процессы и любое информационное сопровождение боевых действий или активизацию информационного международного противоборства называть информационной войной.

Литература

Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976) //.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 09.09.2000 № Пр-1895).

М. В. Великосельский

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ —
ЭТО ИНТЕРНЕТ-ТВ¹

При всей неконкретности определения возраста молодежи с античных времен до наших дней все четко выделяют ее самый общественно-перспективный авангард — студенчество (*studiosus* — лат. интересующийся). Учащиеся вузов отличаются от сверстников активностью, которая предопределена их нацеленностью на карьеру, стремлением к приобретению знаний и желанием преобразовать систему личных ценностей. Современное российское телевидение не забывает о проблемах учащейся молодежи, но в общем объеме вещания передачи для юношества представлены скудно, с явным уклоном в сторону развлечений. И, как результат, исследования зрительской аудитории отечественных телеканалов в последнее десятилетие стабильно подтверждают выводы о незначительной доле молодежи среди зрителей. Многие молодые люди предпочитают компьютер экрану телевизора. Для того чтобы привлечь молодежь, телевидение

¹Статья написана в 2008 г.

должно активно использовать технологии Интернета и мобильной связи.

Мировая паутина уже повлияла на, казалось бы, незыблемые основы телевидения. В Интернете нет прайм-тайма — зритель выбирает то, что ему нравится в удобное для себя время. Хронометраж телепередач, жестко регламентированный 24-часовым циклом эфирного канала, в интернет-версии не актуален. Видеоряды и телетексты теперь ценят не только за информационное и эмоциональное воздействие на зрителя, на первом плане — использование ключевых фраз и картинок, облегчающих поиск материала. И репортажи с места события всегда проигрывают веб-камерам, включенным в режиме «онлайн». Пользователей Интернета не утомят рекламные паузы: зрители сами решают, чему и в каком объеме стоит уделять внимание, и имеют возможность прокомментировать любую заявленную тему или принять участие в ее обсуждении. Рейтинги дискуссий на форуме иного сайта или в соцсетях сопоставимы с показателями федеральных телеканалов. И наконец, для тех, кто хочет остаться анонимным, очень важно то, что классическая цензура на интернет-телевидении пока неэффективна.

Контент СПбГУ-ТВ, которое в настоящее время создается, формируется с учетом двух целевых зрительских аудиторий — универсантов (студентов и аспирантов, преподавателей и научных кадров, административно-управленческого аппарата) и внешнего мира (его составляют абитуриенты и их родители, выпускники и коллеги из других вузов). Их вниманию предлагаются информационные, познавательные, научно-образовательные и культурно-развлекательные передачи, по форме, кроме универсальных программ, их можно охарактеризовать как развлекательные проекты для молодежи и сдержанно-аналитические программы для более взрослой аудитории. Сайт СПбГУ-ТВ составлен из нескольких разделов. Центральную часть главной страницы занимает экран потокового вещания, в принципе, копирующий классический телевизор. Тем не менее есть принципиальные отличия: окна «Видео по запросу» и «Вещание онлайн». В первом случае любой пользователь может получить доступ к информа-

ционной базе всего телеканала, во втором — только зарегистрированный пользователь имеет возможность принять участие в дискуссиях на заданную тему. Используются два-три варианта доступа: для зарегистрированных пользователей и общедоступный (идентификация необязательна). Дополнительными площадками могут быть наиболее востребованные направления или сезонные рубрики, например «Межвузовские контакты в стране или за рубежом», «Административно-юридический ликбез», «Окно абитуриента» и т. п.

Задачи, решаемые СПбГУ-ТВ, понятны:

- информирование универсантов о событиях в жизни СПбГУ, в государстве и в мире;
- приобщение молодежи к духовному богатству и научному потенциалу страны и планеты;
- и, пожалуй, главная — создание площадок для общения, поскольку ставится задача привлечь молодежь к телевидению.

А.В. Байчик

ИСТОКИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СМИ

Одна из первых бинарностей окружающего мира, с которой сталкивается человек, связана с дихотомией женского и мужского. Можно предположить, что важность этой дихотомии для становления субъекта можно сравнить с экзистенциальным значением антитезы и неразрывной пары категорий «добро — зло». В современном мире существует немало взглядов на проблему диалектических взаимоотношений, взаимозависимости или даже антагонизма полов: медицина, биология, философия, психология, социология, лингвистика ищут (или уже нашли, по их мнению) ответы на вопросы о «женском» и «мужском».

При всей ценности современных социологических или даже психологических данных сложно отделаться от ощущения, что некоторые исследователи ищут некую директивную заданность нормативного поведения людей в зависимости от их половой принадлежности: «Острая необходимость научного поиска в сфере женской психической природы и сущности в качестве основы ее традиционного предназначения как жены, матери, воспитывающей детей, и хранительницы домашнего очага — предна-

значения, подорванного феминистской пропагандой (особенно радикальной ее частью) и активными социальными действиями этого движения на протяжении более полувека, в настоящее время давно уже назрела» (Павлова 2009, с. 10–11). В других случаях, когда специалисты не претендуют на мировоззренческую всеохватность, они либо ограничиваются констатацией факта, либо выводят мотивацию человека на основе обобщения: «Важна групповая особенность мальчиков-подростков — тяготение к экстремизму, склонность разрешать сложные социальные проблемы упрощенно, радикально и силовыми методами. Это связано как с имманентной мальчишеской агрессивностью, так и с внутригрупповой борьбой за статус, когда следует быть крутым» (Кон 2010, с. 627). Фактически и в первом, и во втором случае возникают некие характеристики, которые отсылают к «природной заданности» того или иного явления, которое словно само собой разумеется и доказательств не требует: девочки пассивны, мальчики агрессивны — аксиома! Нельзя отрицать важность аксиом в развитии практически любой научной дисциплины: они часто являются живительными «источниками», откуда проистекают и питаются научные теории, но параллельные прямые уже однажды пересеклись и дали жизнь новой геометрии.

Несмотря на всю свою революционность, теория психосексуальной социализации Фрейда, как ее называет Лена Линдхоф, отражает почти исключительно мужскую точку зрения. Очевидно, что такая парадигма столкнулась с критикой в середине XX в. в связи с либерализацией всех социальных институтов и отношений. По большей части эта критика генерировалась в гендерных исследованиях, относящихся к адекватному академическому полю, и последовавших за ними женских исследованиях (women's studies).

Деятельность Фрейда можно условно разделить на период до и после 1920 г.: до этого периода исследование проблемы инфантильной сексуальности, а после — исследование проблемы дифференциации полов (Жеребкина 2000, с. 68). На втором этапе своей деятельности Фрейд приходит к основным положениям, которые затем будет отстаивать всю жизнь. В частности, преодо-

ление девичьим эдиповым комплексом не создает достаточных оснований для формирования сильного супер-эго, что является для Фрейда основанием для следующего вывода: женщина по своей природе не склонна к сублимации, а следовательно, к продуцированию чего-либо культурно значимого. Кроме того, основными свойствами женского характера, по Фрейду, становятся мазохизм и нарциссизм. Эти же положения в качестве предписанных или естественных для женщины отстаивают в своих работах ученицы и ближайшие последовательницы Фрейда Мари Бонапарт и Хелен Дейч.

Для Карен Хорни, которая полемизировала с Фрейдом по вопросу формирования женской психосексуальности, основной причиной дискриминации женщин является маскулинно-заданная общественная организация. Так, она утверждает, что женщина не может найти пути для сублимации не потому, что она к ней не способна, а потому, что в обществе нет адекватных условий для этого. Эрих Фромм также разрабатывает тему дискриминации женщин в плане общественного устройства.

Обзор современных источников демонстрирует, что сегодня в работах психоаналитиков продолжают успешно функционировать два разнонаправленных вектора. Например, собственно клинические случаи (Павлова 2009) свидетельствуют о глубокой убежденности автора в «правильности» традиционных гендерных ролей. С другой стороны, психоаналитики Нэнси Чодоров, Элен Сиксу, Люси Иригарэ отстаивают возможности реализации иных гендерных сценариев, построенных не по традиционному, а по индивидуальному образцу.

Литература

- Жеребкина И. Прочти мое желание. М., 2000.
 Кон И. С. Мальчик — отец мужчины. М., 2010.
 Павлова О. Н. Женское vs мужское: метапсихологические контексты. Ижевск, 2009.
 Хорни К. Женская психология. СПб., 1993.
 Фромм Э. Кризис психоанализа. М., 2010.

Е. А. Шаркова

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: РЕГИОНЫ РИСКА

Российские регионы, богатые природными ресурсами, потенциально входят в зону экологического риска. Одним из таких регионов риска является Архангельская область, расположенная на севере Европейской части страны. К основным факторам риска относятся: суровый арктический климат и хрупкая, не подлежащая восстановлению природа; богатые запасы природных ресурсов; деятельность военно-промышленного комплекса; ориентация на сырьевую экономику; дотационный статус; экономический кризис и как следствие социальная напряжённость; экологическая политика, ориентированная на бизнес; сложная экологическая ситуация.

Контент-анализ СМИ Архангельской области за период с 2008 по 2011 год [Шаркова, с. 265] показал, что в материалах экологической направленности журналисты предпочитают затрагивать в основном темы, связанные с организационно-практической деятельностью органов власти, науки и НПО. Далее по значимости идут сюжетные линии о деятельности природоохранных служб, международном сотрудничестве, экологических катастрофах

(пик приходится на 2009 год) и деятельности эко-НПО, наиболее активно выступающих в СМИ в 2010 г. Такие материалы богаты на стилистическое и жанровое разнообразие, чаще публикуются в печатных изданиях и выходят в качестве сюжетов на телевидении. Менее востребованными оказались социально-значимые темы: экологическое просвещение, здоровье человека, благоустройство региона и деятельность бизнеса по охране и восстановлению природы.

Отсутствие материалов о бизнес-активности можно объяснить экономическим кризисом, по причине которого финансирование информационной составляющей на многих предприятиях сократили, если брать во внимание PR-инициативу бизнеса. Говоря о личной инициативе журналиста, то данная тема является опасной, так как чаще всего такие материалы проблемные. Освещение вопросов нарушения экологических норм всегда неизбежно влекут за собой оперативное реагирование властей и прокуратуры, которое часто заканчивается применением штрафных санкций, а, значит, речь идёт о крупных финансовых потерях. Журналисты предпочитают не писать на такие темы.

Материалов на тему экологического просвещения и образования в СМИ Архангельской области встречается также крайне мало. Чаще всего внимание данной тематике уделяется в муниципальной прессе. Как правило, здесь публикуется информация о нормах поведения человека в лесу, мерах предотвращения пожарных ситуаций, о животном и растительном мире региона, о деятельности экологических организаций и экомероприятиях для молодёжи. Однако наименьший интерес у журналистов вызывает тема здоровью человека в условиях экологического риска. Здоровье человека — тема в регионе закрытая. В Архангельской области много вредных предприятий, излучающих радиацию, выбрасывающих в атмосферу и воду химикаты. В регионе ежегодно фиксируется увеличение кистозных и раковых заболеваний (эксперт), однако до населения эта информация не доводится.

Проблемы экологии и охраны окружающей среды как социально-значимая тема не является приоритетной в СМИ Архан-

гельской области: всего 2% из всего объёма информации. Это связано, во-первых, с общефедеральной ориентацией на сырьевую экономику и с «подстраиванием» под этот курс экополитики на региональном уровне власти; во-вторых, со сложной политической ситуацией в Архангельском регионе, оказывающей прямое влияние на региональные СМИ. В период с 2008 по 2011 гг. большинство крупных областных и городских газет входят в медийный холдинг, собственниками которого являлись персоны, приближённые к губернатору Архангельской области. А все муниципальные газеты и информагентства работали с пресс-службой Правительства Архангельской области на договорной основе, то есть имели финансово подкреплённый постоянный информационный заказ. Таким образом, практически все СМИ региона являлись так или иначе подконтрольными власти. Данная общемировая тенденция распространилась и на российские глубинки: это эффективный механизм контроля общественного мнения. Поэтому сегодня для российских регионов характерен эколого-информационный вакуум. Намеренная закрытость экологической темы — абсолютно чётко выверенный политический курс с экономической и публицитной выгодой, заданный федеральной властью.

Характер экологической журналистики в Архангельской области можно назвать случайным. Выход экологических сообщений носит сезонный характер. Наиболее характерное время года для появления экоматериалов в СМИ — это январь, май, июнь, июль. Январь и летние месяцы являются — временем информационного голода для СМИ, так как январь — месяц праздников, а лето — пора отпусков. Летние месяцы богаты на такие информационные поводы, как: лесные пожары, стихийные бедствия и крупные мероприятия «в полях» на уровне федеральной и региональной власти.

Наибольший процент эко-информации транслируется через газеты и информагентства; наименьший — через новостные интернет-порталы и телевидение. Радио и блоги не задействованы в экологической коммуникации. Акцент делается на печатные издания, ориентированные, в первую очередь на органы власти

и население, живущее в отдалённых населённых пунктах области, и на информагентства, где царит фактическая констатирующая журналистика и полностью отсутствуют мобилизующие или образовательно-аналитические жанры.

Обращаясь к жанровым характеристикам экожурналистики Архангельского региона, отметим, что около 60% всех экологических публикаций носят характер информационной заметки [Шаркова, с. 4]. Эти небольшие по объёму публикации чаще слабо выделены из общего фона информации, они, как правило, констатируют факт, который уже случился. Следующую группу составляют редакционные материалы, реализуемые в форме статьи, комментария, интервью, репортажа. Такие публикации или их заголовки выносятся на первую полосу, в анонс новостного выпуска или на главную интернет-страницу и привлекают внимание аудитории. Минимальное количество таких жанров, как опросы и письма читателей, является показателем того, насколько слаба связь канала с потребителем информации, т. е. включённость местного населения в экологическую коммуникацию региона. Снижение объёма информации, инициируемой официальными властями, говорит о том, что правительство мало интересовалось экологическими проблемами, отдавая приоритетное значение социально-экономической тематике.

Из проведённого анализа, по мнению автора, можно сделать несколько выводов. Во-первых, низкий уровень интереса населения, журналистов и органов власти Архангельской области к экологическим проблемам региона говорит о том, что сегодня приоритет, как в политике, так и в журналистике отдан темам социально-политической или экономической направленности. Во-вторых, для автора очевидно, что СМИ Архангельской области практически полностью контролируются властью. Медиа вынуждены постоянно идти на компромиссы с властью, пытаясь одновременно быть интересными аудитории, отстаивать свои интересы (если они есть) и в тоже время не противоречить требованиям учредителей. А оппозиционные СМИ в основном сосредоточены на политических играх, поэтому круг их материалов ограничен социально-политической тематикой. В-третьих,

региональные СМИ не являются актором, позиционирующим экологические проблемы как социально-значимые, а под влиянием региональной власти формируют социальную реальность, в которой экология не является ценностью и приоритетом. Место экологических проблем определяется региональной властью и теме субъектами, кто управляет финансовыми потоками. Медиа в данном случае выступают как посредник между властью и населением, транслируя точку зрения первой. Описываемую тематику в данной статье можно найти в работах российских ученых А. В. Байчик (2015), А. Ю. Быкова (2015), Е. С. Георгиевой (2011), Ю. С. Даниловой (2011), Ю. В. Курышевой (2008), Н.С. Лабуша (2015), С. Б. Никонова (2015), Р. В. Бекурова (Бекуров, Никонов, 2012), А. С. Пую (Пую, Садыхова, 2013), А. С. Смоляровой (2014). СМИ не включает экологические вопросы как социально-значимые и не представляет их как проблемы, констатируя их как факт и неизбежный итог экономической жизни региона. Таким образом, у населения складывается мнение, что экопроблемы неразрешимы и поэтому второстепенны, менее значимы, чем социальная и экономическая тематики.

Литература

Байчик А. В. Российские медиахолдинги: особенности становления // Век информации. 2015. № 1 (S1). С. 355–367.

Бекуров Р. В. Никонов С. Б., Политические процессы трансформации реальной политики // European Social Science Journal. 2012. № 11-2 (27). С. 284–288.

Быков А. Ю. Реализация норм профессиональной этики журналистов в практике американских СМИ // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2015. № 3 (43). С. 83–89.

Георгиева Е.С. Трансформация системы масс-медиа Болгарии в условиях европейской интеграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 1. С. 222–229.

Данилова Ю.С. Демократический мультикультурализм: основные подходы в печатных СМИ Франции и Канады // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 181–184.

Курышева Ю. В. Политика ЕС в информационной сфере: Европейская идентичность и культурное разнообразие. Нравственный аспект в работе фотоагентства — поставщика изображений // Вестник Санкт-Петербургского уни-

верситета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 1–2. С. 313–318.

Лабуш Н. С. Информационная война как порождение нового времени современных массмедиа технологий. Часть 1. Продолжение политики средствами информационного насилия // Медиаскоп. 2015. № 2. С. 12.

Никонов С. Б. Фактор религиозного аспекта в манипулировании международными процессами // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2015. № 3 (43). С. 109–114.

Пую А. С., Садыхова А. А. Современное арабское телевидение как посредник в диалоге культур // Россия и мусульманский мир. 2013. № 11 (257). С. 153–157.

Смолярова А. С. Функциональное своеобразие этнокультурных медиа // Медиаскоп. 2014. № 3. С. 8.

Шаркова Е. А. Экологическая журналистика в регионе риска // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». Воронеж, 2012. № 1. С. 264–270.

Шаркова Е. А. Экологическая журналистика: природа источников экологической информации // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2. Режим доступа: <http://apriori-journal.ru/seria1/2-2014/Sharkova.pdf>.

ВЕК ИНФОРМАЦИИ

СМИ К ВОСТОКУ ОТ ГРИНВИЧА
2015. № 4(S1)

Сборник научных статей

Редакторы-составители
Е.С. Георгиева, Р. В. Бекуров, Н. С. Лабуш, С. Б. Никонов

Редактор О. С. Капполь
Макет и оформление обложки: П. Ч. Хан
Верстка: Е. П. Смирнова

Подписано в печать 25.011.2015. Формат 60X841/16
Бумага офсетная. Гарнитура CharterITC. Печать офсетная.
Печ. л. 12,25. Заказ 80. Тираж 100 экз.

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета
199004, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 26